

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиних
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 27.10.2015 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 3443.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Мальцев Ярослав Владимирович**

Перманентная современность
и ее субъект как основа
социальной матрицы 7

Платонова Светлана Ипатовна

Свобода в философских теориях
модерна и постмодерна:
сравнительный анализ 13

Калинин Степан Сергеевич

Комплексное определение
социокультурных ценностей человека:
неогумбольдтианский подход
и его взаимосвязь с теорией
познания У. Матураны 17

Клебанов Игорь Иосифович,**Осипова Анна Сергеевна**

Заметки математика по поводу
социальной и культурной динамики
П. Сорокина 22

Коновалова Юлия Викторовна,**Сатыбалдина Елена Владимировна**

Развитие сетевых форм реализации
образовательных программ
на примере опыта Уральского
федерального университета 26

Сонина Олеся Викторовна

Система сбалансированных показателей
как основа разработки стратегии
развития вуза 31

Токарская Людмила Валерьевна,**Жукова Инга Валерьевна**

Реализация государственной
политики Российской Федерации
в сфере инклюзивного образования 36

Антонова Оксана Игоревна,**Гафиятуллина Ксения Руслановна,****Костина Наталия Борисовна**

Отношение студенческой молодежи
Свердловской области к религии 42

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И.В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ВЛАСТЬ

Ершов Юрий Геннадьевич

Мифы в идеологии и политике 48

Ашимова Виктория Анатольевна

Постмодернизм как идеологическое
и политическое описание мира 54

Зырянов Сергей Григорьевич

Выборы на фоне кризиса:
региональный сценарий 59

Скиперских Александр Владимирович

Право на сопротивление: политико-
философская ретроспектива 67

Василенко Юрий Владимирович

У истоков испанского национализма:
Х.П. Форнер 73

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ильиных Алексей Валерьевич

Современные проблемы
реформирования местного
самоуправления: от территориальных
преобразований к вопросам
полномочий 78

Сергеев Константин Андреевич,
Чеботарева Ирина Юрьевна

Контроль и отправление правосудия –
два вида судебной деятельности 83

Черепашкин Алексей Сергеевич,
Бадамшин Ильфат Давлетнурович

Наличие заболевания как основание
освобождения от наказания 89

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Неживенко Елена Алексеевна

Политика импортозамещения
в отраслях промышленности и
её влияние на перспективы развития
экономики Челябинской области 95

Головихин Сергей Александрович,
Валетов Анатолий Игоревич

Управление конкурентными
преимуществами в регионе (на примере
наукоёмкого машиностроения) 101

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК)

журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,**

в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Коротина Наталья Юрьевна

Особенности формирования бюджетов внутригородских районов в условиях реформы местного самоуправления 105

Иванов Олег Петрович

Рассогласование темпов роста производительности труда и заработной платы: возможные экономические и социальные последствия 111

Никитинский Евгений Сергеевич,

Муталиева Ляйля Маратовна

Историческое и культурное наследие казахстанского участка Великого шёлкового пути как фактор устойчивого развития индустрии туризма 117

ПУБЛИКАЦИЯ
ОТОЗВАНА 29.08.2019

Воробьёв Антон Сергеевич

Роль рефлексии в управлении: комплементарный подход в управленческой деятельности 122

КУЛЬТУРА

Загребин Сергей Сергеевич

Культурная политика как индикатор поиска стратегии общественного развития в современной России 126

Мирошниченко Вадим Сергеевич

Эстетическая позиция Мишеля Уэльбека в рамках современных интерпретаций философии всеединства 132

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Пружинин Борис Исаевич

Диалог учёных и философов в многомерном изложении 137

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 27.10.2015.

Format 70x108^{1/16}
 Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
 Order № 3443

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIETY

Maltsev Yaroslav Vladimirovich
 Permanent modernity and its subject
 as the basis of social matrix 7

Platonova Svetlana Ipatovna
 Freedom in philosophical theories
 of modernism and post-modernism:
 comparative analysis 13

Kalinin Stepan Sergeevich
 Overall definition of socio-cultural values
 of a person: Neo-Humboldtian approach
 and its correlation with the theory
 of cognition of Humberto Maturana 17

Klebanov Igor Iosifovich,
Osipova Anna Sergeevna
 A mathematician's notes concerning social
 and cultural dynamics of P. Sorokin 22

Konovalova Yulia Viktorovna,
Satybaldina Elena Vladimirovna
 Development of on-line forms
 of realizing educational programs
 as exemplified by the experience
 of Ural Federal University 26

Sonina Olesya Viktorovna
 Strategy of development of a higher
 educational establishment on the basis
 of the system of well-balanced
 characteristics 31

Tokarskaya Lyudmila Valeryevna,
Zhukova Inga Valeryevna
 Realizing the state policy of the Russian
 Federation in the sphere of exclusive
 education 36

Antonova Oksana Igorevna,
Gafiyatullina Ksenya Ruslanovna,
Kostina Natalya Borisovna
 Attitude of young students of Sverdlovsk
 region to religion 42

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

POWER

Ershov Yuriy Gennadyevich

Myths in ideology and politics 48

Ashimova Viktoriya Anatolyevna

Postmodernism as an ideological
and political description of the world54

Zyryanov Sergey Grigoryevich

Elections in connection with the crisis:
regional scenario.....59

Skiperskih Aleksander Vladimirovich

Right to opposition: political
and philosophical retrospective 67

Vasilenko Yuriy Vladimirovich

At the origin of Spanish nationalism:
J.P. Horner..... 73

STATE AND LAW

Ilyinykh Alexey Valeryevich

Up-to- date problems of reforming local
government: from territorial reforms
to the aspects of empowerment.....78

**Sergeev Konstantin Andreevich,
Chebotareva Irina Yuryevna**

Control and administration of justice –
two kinds of judicial activity83

**Cherepashkin Aleksey Sergeevich,
Badamshin Ilfat Davletnurovich**

Incidence of illness as a reason for
release from punishment89

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Nezhivenko Elena Alekseevna

The policy of import substitution in
industry and its impact on the prospects
of economic development of Chelyabinsk
region95

**Golovikhin Sergey Aleksandrovich,
Valetov Anatoliy Igorevich**

Management of competitive advantages
in the region (as exemplified by high-tech
engineering) 101

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

Korotina Natalya Yuryevna

Peculiarities of forming the budget of intracity districts in the context of reforming the local government..... 105

Ivanov Oleg Petrovich

Economic and social results of disagreement between growth of labor productivity and salary..... 111

**Nikitinskiy Evgeniy Sergeevich,
Mutalieva Lyailya Maratovna**

Historical and cultural heritage of kazakh section of the Silk road as a factor of sustainable development of the tourism industry 117

Vorobyev Anton Sergeevich

The role of reflection in management: complementary approach in management activity..... 122

CULTURE

Zagrebin Sergey Sergeevich

Cultural policy as an indicator of searching the strategy of social development in modern Russia 126

Miroshnichenko Vadim Sergeevich

Aesthetic standing of Michel Houellebecq in the frame of up-to-date interpretations of philosophy of all-encompassing unity..... 132

CRITICISM AND REVIEWS

Pruzhinin Boris Isaevich

Dialogue between scientists and philosophers in multidimensional description..... 137

УДК 130.2

ПЕРМАНЕНТНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ И ЕЁ СУБЪЕКТ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ

Мальцев Ярослав Владимирович,

Тюменский государственный
университет,
кафедра философии,
соискатель,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые концепции современности, очерчивается её исходящая из субъекта онтология и предпринимается попытка терминологического разделения двух пониманий современности: современности как временного периода и современности как субъективного переживания. В последнем понимании современность обозначается как краеугольный камень социальной матрицы.

Ключевые понятия:

современность,
перманентная современность,
субъект,
современность-субъект,
полифокальность,
полилог субъектов,
социальная матрица,
утопия.

1.

Концептуальным осмыслением современности в настоящее время широко занимается западная социологическая наука (У. Бек, З. Бауман, Э. Гидденс, А. Турен). Это связано с попытками комплексного рассмотрения основных черт той ситуации, в которой оказалось общество на рубеже XX–XXI веков, её уникальности относительно предыдущего исторического периода, характера имеющихся изменений и поиском возможных векторов развития. Над этими же вопросами задумывается политология (Ф. Фукуяма, Д. Грей, Б.Г. Капустин) и философия (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, А. Бадью, С. Жижек, А.В. Павлов).

В своей основной массе исследователи понимают современность, можно сказать, *классически*: соотнося её с определенным историческим периодом, а именно: с эпохой модерна. Даже те из них, кто пытается отделить modern от modernity, невольно оказываются в границах модерна и не в состоянии выйти из него, обособиться от его логики. Этот модернистский взгляд на современность толкует её, в конечном счете, через соотношение с определенным историческим периодом времени: начинался ли он с 1500, с 1850, с 1960 или с любого иного года. При этом он «отказывает» в современности иным культурам, находящимся либо в прошлом (древний мир, античность, средние века), либо имеющим иное понимание времени, иную социальную практику, чем это принято в цивилизации Запада. Иными словами, культуры, отрицающие ценности модерна – Разум, Эмансипацию, Прогресс [2] – оказываются несовременными и вне современности. Только через *усвоение ценностей модерна* – через *модернизацию* эти культуры могут обрести современность, вступить в её поле.

При таком понимании современность оказывается вовлеченной в постоянное воспроизводство самой себя: каждое новое поколение (вполне справедливо экзистенциально чувствуя невозможность пребывания себя в несовременности) стремится обосновать уникальность своего времени и отделить его от предшествующей эпохи, разграничив периоды в шкале современный-несовременный. Отсюда *непрерывно рождается череда новых современностей*, начиная, как минимум, с V века (когда Кассиодор впервые [16] употребил термин «modernus» (от лат. modo – сейчас), отделяя время своего бытия, время распространения христианства от времени язычников) и до наших дней, характеризующихся попыткой периодизации современности: фрагментации модерна как минимум на

два временных этапа, последний из которых имеет своей границей 1950/1960/1990 годы и обозначается как постсовременность (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр), вторая современность (У. Бек), текучая современность (З. Бауман), время конца истории (Э. Чоран) и проч.

2.

Поэтому более верным при рефлексии современности кажется подход, который развивает А.В. Павлов [9, 10, 12], рассматривающий современность как Я – субъективность и таким образом приближающий ее к «живым человеческим индивидам» (К. Маркс, Ф. Энгельс). С его точки зрения, основа современности лежит в существовании и творческой деятельности человека, понятого в качестве субъекта, т.е. индивида разумного, рефлексирующего самого себя, проживающего свою собственную (а не навязанную кем-то) жизнь и реализующего просветительский призыв о смелости самостоятельной мысли. А.В. Павлов предлагает рассматривать *современность не как эпоху*, следующую за Средневековьем, *а как процесс*, в котором различные субъекты, выдвигая свои претензии на доминирование в обществе и вступая друг с другом в диалог, создают культурную ткань времени, закладывают цивилизационный фундамент. Отнесение современности к субъекту и возникающему между субъектами диалогу приводит к формированию динамического и непрерывного характера современности. Благодаря этому современность оказывается текучей, а сегодняшняя современность отличается от вчерашней, потому что нынешний субъект не подобен предыдущему.

Таким образом, для А.В. Павлова современность оказывается не эпохальной, соотносимой с каким-либо конкретным историческим периодом, но вполне *диалектической* и *динамичной*, не монистичной, а *плюралистичной*. Такой способ анализа современности (в котором она опускается на мельчайший личностный уровень, должный позволить анализировать ее изнутри нее самой), с точки зрения А.В. Павлова, является попыткой онтологически конкретного, а не классически абстрактного, граничащего со спекуляцией, понимания современности. И этот способ перемещает точку фокуса в анализе современности с технологий и прогресса (культурного, политического и проч.), с которыми она традиционно соотносится, на субъекта, находящегося в ее основании, реализующего собственное этимологическое значение (от лат. *subiectum* – лежащий в основе).

3.

Определение современности через субъекта приводит к иному восприятию времени в ней. Время перемещается с надындивидуального исторического позитивистского уровня на уровень личностный. Время требует особого означющего в языке, которое отражало бы его уникальные отношения с субъектом. Оно требует слова «современность» в русском вокабуляре, слова «contemporary» – в английском¹.

В английском языке «modernity» образуется от «modern» и имеет отсылающие к нему смысловые коннотации, увязываясь с историческим периодом Нового времени. В русском языке слово «современность» соотносится скорее с причастностью человека к определенному времени, его житию с ним. Оно относится не к какой-либо исторической эпохе, а ко времени вообще: *со-временный, синхронный* [13]. Потому, если уж соотносить русское слово «современность» с каким-либо англоязычным словом, то правильнее было бы брать за основу не «modernity», а «contemporary», как нельзя более соответствующим русскому значению: живущий или происходящий в одно время, принадлежащий ко времени [15].

Таким образом, в определении современности русский язык изначально оказывается более точным, но закракшийся в него ошибочный перевод *modernity* (ошибка произошла, вероятно, из-за отсутствия в языке более подходящего существительного, а в культуре исконно выросшего явления: Россия модернизируется, а не производит модерн) вносит немалую сумятицу. Учитывая, что от плотно укоренившихся понятий избавиться не так-то просто, что качество этих понятий неудовлетворительно, требуется терминологическое обособление понятий через отношения субъекта со временем современности от иных, уже употребляющихся и соотносимых с модерном определений. Этого же требуют и особенности русского языка.

В этой связи кажется верным дополнить дефиницию «современность» поясняющим и обособляющим прилагательным, введя таким образом в понятийный аппарат философии (и гуманитарных наук) нового конструкта: *перманентной современности* (*permanent modernity*). Прилагательное «перманентный» видится наиболее подходящим, т.к. отражает те качества современности, которые образуются в ней, если понимать ее за часть субъективного опыта: *текучесть, продолжительность, непрерывность, постоянность*. Богатое

¹ Английский используется для примера как *lingua franca*.

своими коннотациями прилагательное становится в данном случае наиболее точным.

4.

Термин «перманентная современность» предполагает расположенность вне традиционно представляемой линейки исторического времени. Современность здесь можно соотносить с настоящим [14, с. 391–407], с Теперь, отличным от «уже-не-теперь» и «еще-не-теперь», и отличающимся от очереди последовательных Теперь, заключенных во временную классификацию, предлагаемую часами или календарем. Современность непрерывна, постоянна, продолжительна. Она, понятая как настоящее, включает в себя любое иное время (настоящее прошедшее, настоящее настоящего, настоящее будущего [1, с. 187]), т.к. это любое время обретает свою временность, свои характеристики, свое определение только в настоящем, текущем моменте, в субъективной интерпретации индивида. При этом прошлое оказывается будущим, а будущее прошлым, что меняет само представление об истории и ставит вопрос об изменении методологических подходов в этой науке.

Перманентная современность не соотносится с эпохами, историческими событиями, историософскими концепциями. Ее онтология находится в субъекте, его внутреннем переживании времени, его со-творении времени. Именно субъект как активное творческое, вступающее в диалог начало оказывается в основе перманентной современности, ее точкой отсчета. Как человеческий индивид является сущностью по существу внеисторической, в том смысле, что история обретает свое бытие только как результат деятельности субъекта и размещается внутри создаваемых им ментальных конструкций, так и перманентная современность не имеет никакого касательства к классически понятой истории. Перманентная современность, скорее, это сама история в точке ее производства, ее сиюминутности, в точке, где она создается «Тем, Кто всегда пребывает, и от Него исходит» [1, с. 181], где существует лишь настоящее [1, с. 187], где создается и прошлое, и будущее, а само прошлое всегда оказывается будущим, так как на его основе выстраивается новое символическое поле (Символический регистр), в котором пребывает субъект [8].

Перманентная современность – это жизнь субъекта со-временем, его ощущение и переживание времени, его со-творение времени. Время оказывается внутренним переживанием и чувствованием субъекта, ощущением им своей временности, своего преходящего и проходящего бытия-в-мире, изменения

собственной телесности. Время уподобляется разрыву, пазлу, фрагментированной картиной, как в фильмах Д. Линча «Шоссе в никуда» и «Малхолланд Драйв», которые субъекту предстоит собрать на собственный манер и жить с получившимся ментальным конструктом.

Жить со-временем – это значит ощущать наполненность и изменчивость собственной жизни, значит быть глубоко вовлеченным и сопричастным культуре. Субъект современности должен «постичь в мысли свое время» (Гегель), понять его Дух, Голос, Направление и отразить это постижение в своем творчестве, попутно задавая динамику истории.

Перманентная современность отталкивается от субъекта и подразумевает его пребывание со-временем, с неким *Zeitgeist*, в котором он вступает в коммуникацию с другими субъектами и благодаря этому со-творяет, меняет действительность. Если субъект является сущностью, «стоящей в просвете бытия» (М. Хайдеггер), сущностью, через которую бытие реализует себя, поскольку только человек обладает мыслью, являющуюся выражением бытия [14], то перманентная современность становится некоей культурной формой реализации бытия. Современность – это время и бытие, включенные в культуру, осмысленные человеком, это «качество мышления, состоящее в осознании проблемности своей жизни и непрерывном поиске способов ее преодоления» [10, с. 5].

5.

Обоснование современности через субъекта влечет за собой иное прочтение марксистского тезиса о том, что общества не существует, что в нем находится принципиальный первоначальный разрыв, находящий свое воплощение в классовой борьбе. В условиях перманентной современности этот разрыв проходит не через классы, а через субъекта, как особым образом понятого индивида: рационального, рефлексизирующего, самостоятельного и конституирующего самого себя. Именно множественность таких индивидов, разнообразие их воль, действий, непредсказуемость их поведения делает невозможным представление о социуме, как о едином организме, где каждый занимает отведенное ему место: этот организм разорван, разобран и пребывает в постоянной антагонистической борьбе между своими мельчайшими частицами – субъектами, пытающимися реализовать собственные утопии.

Субъект в данном случае оказывается тем краеугольным камнем, на котором строятся общество и культура. Он становится основой

матрицы, но такой основой, которая в состоянии эту самую матрицу понимать и изменять. Как Нео в фильме братьев Вачковски, субъект современности всегда одновременно и в рамках существующего порядка, поскольку он ограничен в своих действиях, и вне его, постоянно находясь в будущем и проецируя будущее на настоящее. Устами субъекта всегда говорит один из вариантов, часть общего вектора грядущего общества.

Представляя собой фундаментальное основание общества субъект вступает во взаимодействие с другими субъектами и именно через такое взаимодействие *образуется социальное тело современности*, социальный каркас, создается культура. Это взаимодействие можно обозначить как *интерсубъективные отношения*, приобретающие характер не столько отношений двух и более формирующих друг друга сущностей, сколько разговор (очный или заочный, одновременный или темпорально разорванный) независимых один от другого субъектов, результат которого направлен преимущественно вовне – на сферу культуры. Интерсубъективные отношения в таких условиях принимают форму, которую Н. Элиас обозначил как *фигурации*, т.е. переплетение постоянно усложняющихся человеческих отношений, вызывающих трансформации личностных и общественных структур [7], а А.В. Павлов рассмотрел как полифокальность – формальную сеть коммуникации Я-субъектов, осуществляемую посредством экзистенциального диалога [11].

В предлагаемой А.В. Павловым концепции субъекты оказываются в некотором роде сингулярными точками, взаимодействие между которыми напоминает собой ситуацию, развиваемую в теории игр, изучающей принципы принятия решений в условиях стратегического взаимодействия нескольких агентов. Взаимодействие акторов интерсубъективного диалога, сотрудничество или противоборство субъектов, понятых в качестве достигших высшей стадии личностного развития индивидов, и производит социальную реальность, культурную матрицу, цивилизацию, в которых предстоит действовать уже живущим и будущим индивидам (которых А.В. Павлов называет вторичными субъектами).

6.

Таким образом, перманентная *современность – это состояние, переживаемое со-временником*, его ответ на вызовы пространства-времени, в которых он находится. Современность – это *полилог таких со-временных друг другу субъектов*, находящихся в едином

поле и пытающихся найти ответ на стоящие перед ними вызовы. Привязка современности к субъекту делает ее «различной по качеству» (А.В. Павлов), вариативной, консенсуальной. В каждом моменте времени одновременно находится несколько вступающих друг с другом в полилог вариаций современности, и именно таким образом образуется социальная современность как историческое событие людей; таким же образом объясняется история, лишенная и единого направления, и инвариантности, приписываемых ей позитивизмом, но обретающая множественность возможных выборов, перед которыми находится общество каждое мгновение.

Соотношение субъекта с современностью обуславливается его идеалистическим основанием. Субъект в таком понимании становится точкой, благодаря которой обретает существование окружающая ее «объективная реальность». Субъект живет не столько в предметном мире вещей в себе, сколько в своем знании об этом мире, получая некоторое его отражение. Субъект представляет собой активное, преобразовательное, осознающее себя, теоретизирующее, понимающее свое отличие от мира природы самосознание, каковое активно антропологизирует природу, вписывая ее в свои практики и категории. Субъект создает понятие Времени, живет современным и переживает его экзистенциально. Время субъекта всегда со-временно ему. Оно протекает в соответствии с эмоциональной деятельностью субъекта. Время живет в субъекте и благодаря субъекту. Субъект оказывается основанием, под-лежащим времени, создает время, переживает время, классифицирует время, использует время – время не существует вне смыслового поля субъекта. В связи с этим субъект непременно относится к современности и вместе с ней как бы пронизывает традиционную линейку времени, благодаря которой структурируется наше позитивистское представление об истории. Субъект оказывается вневременной категорией, дающей основания для перманентной современности – внеисторической категории времени, переживаемой на субъективном уровне и уникальной в каждый конкретный момент.

Именно в связи с таким образом понятным субъектом находит свои онтологические основания перманентная современность: благодаря субъекту, она обретает свою перманентность и все свои качества, основанные на определенном схватывании индивидуального времени, придания ему социального, исторического и интерсубъективного характера. *Современность-субъект* в перманентности оказы-

ваются так же неразрывны, как пространство-время в континууме. Современность-субъект оказываются той точкой сингулярности, из которой «взрывается» время, культурная матрица, история, всякая социальная динамика и развитие. Если для Э. Гидденса в его теории структуриации [3] ключевым моментом при анализе социальных процессов, своеобразным пра-кодом, который, как святой Грааль, ищут все структуралисты, выступает определенная точка пространства-времени, то в нашем случае это точка смещается в пользу иного соотношения – *современность-субъект*. Именно эта точка образует концепт перманентной современности и оказывается основой для широкого переосмысления множества философских и гуманитарных теорий.

7.

Будучи отождествленной с субъектом, современность по отношению к существующему *сейчас* социальному порядку оказывается не только конституирующей, но и подрывающей. Современность всегда девиантна, революционна и утопична. Она согласуется с коммунизмом, понимаемым своими основателями как движение, отменяющее текущее положение вещей. Зарождаясь в субъекте, современность всегда несет в себе его интерпретацию со-временного ему времени, его преобразующее понимание культуры. Через него его личная современность транслируется во вне.

Современность, переживаемая и создаваемая субъектом, служит точкой притяжения агентов (тех, кого в своей теории политических партий М. Дюверже [4] называет симпозантами – сторонниками той или иной партии), образуя таким образом определенное поле силы, вступающее во взаимодействие с другим таким же полем. Так сталкиваются левые и правые в политическом пространстве, религиозные квазифундаменталисты² и ястребы глобального капитализма: всегда есть фигура того, кого Ж. Лакан назвал «субъектом, предположительно знающим», интеллектуала, на чьи идеи ориентируются другие, этими идеями организующиеся и их распространяющие. Эти другие образуют организации, структуры, выражающие концепции первичного субъекта в публичном пространстве, организуют диалог (полилог, в связи с множественностью таких агентов) и изменяют культурную матрицу через компромисс, навязывание, уничтожение несогласных.

²Здесь интересен взгляд С. Жижека на разницу между истинными фундаменталистами, наподобие амишей, которых не интересует окружающий их мир потребительской цивилизации, которые погружены в себя и свою собственную общину, и квазифундаменталистами, навреде ИГИЛ, которые в своих действиях адресуются Большому Другому европейской цивилизации [6].

В этой связи *современность всегда утопична*. Она в творческом акте созидания иного. Перефразируя Ж. Лакана, можно отметить, что *современность – это всегда желание другого*: другого порядка, другого качества, другого ответа на вызов. Современность – всегда ответ субъекта на вызовы и его попытка идеалистически элиминировать их. Преобладание и победа в социальном пространстве одной современности, одного ее варианта, оказывается трагическим, ибо ведет к репрессиям, Освенциму, ГУЛАГу. Только за счет *вариативности современности*, ризомными корнями которой являются многочисленные субъекты, за счет столкновения ее различных проектов между собой (и именно поэтому нужна обеспечивающая агональность демократия, понятая как пустое место власти [5]) обеспечивается динамика общественного развития: современность, столкновение современностей, оказывается основой революционности и кризиса, которые, в конечном итоге, вполне по-гегелевски и обеспечивают стабильность и развитие культуры, общества, политической системы.

1. Августин, А. [Augustinus A.]. Исповедь [Текст] / А. Августин. СПб.: Наука, 2013. 379 с.
2. Гидденс, Э. [Giddens A.] Последствия современности [Текст] / Э. Гидденс. М.: «Праксис», 2011. 354 с.
3. Гидденс, Э. [Giddens A.] Устроение общества: Очерк теории структуриации [Текст] / Э. Гидденс. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
4. Дюверже, М. [Duverger M.] Политические партии [Текст] / М. Дюверже. М.: Академический проект, 2005. 555 с.
5. Жижек, С. [Žižek S.] 13 опытов о Ленине [Текст] / С. Жижек. Издательство «Ад Маргинем», 2003. 255 с.
6. Жижек, С. [Žižek S.] ISIS: неприятность для настоящего фундаментализма [Электронный ресурс] // ГЕФТЕР. URL: <http://gefter.ru/archive/12939> (дата обращения: 03.03.2015).
7. Козловский, В.В. Фигуративная социология Норберта Элиаса [Текст] / В.В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 40–59.
8. Лакан, Ж. [Lacan J.] Функция и поле речи и языка в психоанализе [Текст] / Ж. Лакан. М.: Издательство «Гнозис», 1995. 192 с.
9. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.
10. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
11. Павлов, А.В. Полифокальная социология современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

12. Павлов, А.В. Современность и критика [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.

13. Фасмер, М. [Vasmer M.] Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 [Текст] / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. 832 с. Самое полное толкование этимологии современности найдено здесь: Современность [Электронный ресурс] // Викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 03.03.2015).

14. Хайдеггер, М. [Heidegger M.] Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 447 с.

15. Contemporary [Электронный ресурс] // Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/English/contemporary> (дата обращения: 03.03.2015).

16. Freund, W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. Köln and Graz: Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung, 4. 1957. 114 s.

References

1. Avgustin, A. [Augustinus A.] (2013) *Ispoved'*, Sankt-Petersburg, Nauka, 379 p. [in Rus].

2. Giddens, Je. [Giddens A.] (2011) *Posledstvija sovremennosti*, Moscow, «Praksis», 354 p. [in Rus].

3. Giddens, Je. [Giddens A.] (2005) *Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii*, Moscow, Akademicheskij proekt, 528 p. [in Rus].

4. Djuverzhe, M. [Duverger M.] (2005) *Politicheskie partii*, Moscow, Akademicheskij proekt, 555 p. [in Rus].

5. Zhizhek, S. [Žižek S.] (2003) 13 opytov o Lenine, Izdatel'stvo «Ad Marrinem», 255 p. [in Rus].

6. Zhizhek, S. [Žižek S.] ISIS: neprijatnost' dlja nas-tojashhego fundamentalizma [Jelektronnyj resurs] // GEFTER. URL: <http://gefeter.ru/archive/12939> (accessed: 03.03.2015) [in Rus].

7. Kozlovskij, V.V. (2000) *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, T. 3, № 3, pp. 40–59 [in Rus].

8. Lakan, Zh. [Lacan J.] (1995) *Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize*, Moscow, Izdatel'stvo «Gnosis», 192 p. [in Rus].

9. Pavlov, A.V. (2013) *Socium i vlast'*, № 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].

10. Pavlov, A.V. (2012) *Socium i vlast'*, № 6, pp. 5–11 [in Rus].

11. Pavlov, A.V. (2013) *Socium i vlast'*, № 4, pp. 5–13 [in Rus].

12. Pavlov, A.V. (2013) *Socium i vlast'*, № 6, pp. 128–135 [in Rus].

13. Fasmer, M. [Vasmer M.] (1987) *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. V 4 t. T. 3, Moscow, Progress, 832 p. Самое полное толкование jetimologii sovremennosti najdeno zdes': *Sovremennost'* [Jelektronnyj resurs] // Vikislovar'. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed: 03.03.2015) [in Rus].

14. Hajdegger, M. [Heidegger M.] (1993) *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija*. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].

15. Contemporary [Jelektronnyj resurs] // Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/English/contemporary> (accessed: 03.03.2015) [in Eng].

16. Freund, W. (1957) *Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters*, Köln and Graz, Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung, 4, 114 s. [in Deu].

UDC 130.2

PERMANENT MODERNITY AND ITS SUBJECT AS THE BASIS OF SOCIAL MATRIX

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,

Tyumen State University,

Chair of Philosophy,

Degree-seeking student,

Tyumen, Russia.

E-mail: maltsevjaroslav@gmail.com

Annotation

The paper deals with up-to-date concepts of today, defines the ontology proceeded from the subject, the author makes an attempt to distinguish two interpretations of the term modernity: modernity as a time period and modernity as a subjective experience. In the latter interpretation modernity is defined as a cornerstone of social matrix.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subject,
modernity-subject,
polyfocality,
polylogue of subjects,
social matrix,
utopia.

УДК 123.1

СВОБОДА В ФИЛОСОФСКИХ ТЕОРИЯХ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Платонова Светлана Ипатовна,

Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук,
г. Ижевск, Россия.
E-mail: platon-s@bk.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ концептуализации феномена свободы в социальных теориях модерна и постмодерна. Делается вывод, что свобода в модерне трактуется как универсальный атрибут родового человека, в то время как в постмодерне свобода предполагает рефлексию, неопределенность, риски и выбор для каждого индивида.

Ключевые понятия:

свобода,
модерн,
постмодерн,
универсальный атрибут,
выбор,
риск,
рефлексия.

Свобода – одна из важнейших человеческих ценностей. Однако ответ на вопрос, что такое свобода, представляется далеко не очевидным. Насчитывается около двухсот значений концепта «свобода». В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все подходы и интерпретации данного феномена. Поэтому целью нашей статьи является анализ феномена свободы в социальных теориях модерна и постмодерна (опираясь, прежде всего, на работы современного британского философа З. Баумана).

К свободе стремятся, ее отстаивают, за нее борются, от нее отказываются, ее лишают. Выделяют внешнюю и внутреннюю, позитивную и негативную свободы, свободу «от» и свободу «для». Кроме того, говорят об экономической, политической и других видах свобод.

Свобода – это социальное отношение. «Люди во многих отношениях зависят друг от друга, и никакая человеческая деятельность не может быть настолько частной, чтобы никак и никогда не затрагивать жизнь других людей» [3, с. 22]. Там, где свободен один индивид, другой оказывается менее свободным. Поэтому свобода – это не только социальное отношение, но и асимметричное отношение, ведь свобода передвижения, действия для одних людей означает, что есть кто-то другой, кто лишен такой возможности. Меньшинство, обладающее свободой, обрело ее, эксплуатируя большинство или, по крайней мере, стараясь не замечать, что огромное большинство людей лишено свободы. «Для того чтобы *один* человек был свободен, нужны по крайней мере *двое*» [2, с. 22]. Поэтому «свобода подразумевает социальное различие ... Свобода – это привилегия и власть, – подчеркивает З. Бауман [2, с. 22, 43].

Феномен свободы не является изобретением исключительно новоевропейской культуры и новоевропейских мыслителей. Уже представители античной философии и культуры не только рассуждали о свободе, но и стремились быть свободными. Достаточно вспомнить Диогена из Синопа, представителя школы киников, который стремился быть свободным от всех и от всего. Вот как описывает его поведение античный источник: «Диоген сбросил с себя все узы окружающего мира и освободился от его оков; свободный, он стал заглядывать во все уголки земли... не подчиняясь насилию закона, не затрудняя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком, не занимаясь обработкой земли, не обреме-

няя себя военной службой и не промышляя морской торговлей; напротив, он осмеивал все это – людей и их занятия» [5, с. 26]. Его стремление к свободе граничило с нигилизмом и неприятием культурных и этических норм и правил.

Однако свобода в античности – это удел немногих избранных, мыслителей, мудрецов. Рядовой человек был чужд свободы и не стремился обладать ею. Более того, свободный человек в период античности и Средневековья вызывал опасения и страх, так как не был включен ни в античный полис, ни в систему цеховых отношений, ни в какую-либо религиозную общину, и, следовательно, он не был ограничен корпоративными правилами и не подчинялся каким-либо нормам.

Современный феномен свободы – порождение индустриального общества, он значительно отличается от предшествующего понимания свободы и опирается, по мнению З. Баумана, на «индивидуализм, рыночную экономику, капитализм» [2, с. 53]. Свобода начинает трактоваться как универсальный атрибут человеческих существ, которой должны обладать не только избранные, но и все индивиды. Свобода – это некая абстрактная возможность любого индивида поступать в соответствии с собственными намерениями (уточним, ограниченными законом и культурой определенного общества и государства). То есть, с одной стороны, социальное действие индивида является произвольным, а, с другой, – неслучайным и обусловленным системой ценностей. Результирующая всех индивидуальных свободных действий людей ведет к стабильному и устойчивому обществу. Как справедливо отмечает А. Турен, центральной в обществе модерна является «идея соответствия между институционализацией ценностей и социализацией действующих лиц» [8, с. 15].

Заметим, что подобное понимание свободы отдельного индивида напоминает невидимую руку рынка А. Смита. Люди действуют, исходя из своекорыстных эгоистичных интересов, а все вместе они создают общее благосостояние. По словам А. Смита, «разделение труда, приводящее к ...выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им; оно представляет собою последствие ... склонности человеческой природы... к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой» [6, с. 86].

Таким образом, свобода и индивид в обществе модерна понимаются универсально-абстрактно, отвлеченно: свобода – это свойство или право индивида как такового, а индивид – это не конкретный живой человек, а человек вообще. Общество модерна – это, прежде всего, общество порядка, в котором человек, будучи социальным атомом, индивидом, четко осознавал свой социальный статус и место в системе социальных связей и отношений.

Например, структурный функционализм Т. Парсонса предполагает свободно выбирающего и действующего индивида. Однако свобода такого индивида довольно относительна. Дело в том, что все «условно свободные» члены общества располагают ограниченными областями смысла, имеют определенный запас знаний, язык, определенным образом типизируют жизненные ситуации, поэтому их действия, оставаясь свободными, тем не менее, не допускают случайности и произвольности. Случайность и произвол устраняются из их действий общностью культурной системы и распределением социальных ролей.

З. Бауман, анализируя теорию Т. Парсонса, отмечает, что для американского теоретика «свобода – это универсальный атрибут всех элементов системы, приведенных к единообразию их общим положением как объектов воспитания, социализации или культурного обучения в целом» [2, с. 43].

Таким образом, индивидуальность человека модерна двойственна: с одной стороны, индивид свободен, и свобода является естественной, неотчуждаемой принадлежностью каждого индивида. С другой стороны, индивидуальность подлежит формированию, воздействию со стороны законов и властей, заботящихся об общем благе.

Современное общество, называемое обществом постмодерна (З. Бауман, Ж. Делез, Ж. Батай, Ф. Джеймисон и другие), характеризуется разобщенностью, гетерогенностью культуры, отсутствием единого вектора развития, децентрализацией, множественностью властей.

З. Бауман характеризует современное общество как «сферу нестабильности, изменений, лишенных определенного направления, как область спонтанного и вечного экспериментирования с неопределенными и практически непредсказуемыми последствиями» [1, с. 43]. Как следствие, в обществе постмодерна отсутствует один источник власти и общая система цен-

ностей. Иными словами, вместо одного источника авторитета появились множественные частные источники власти, и на индивида возлагается бремя ответственности за итоговый выбор. Поэтому в современном обществе свобода понимается не как универсальное свойство или естественное состояние любого индивида, но как «социальный факт, социально произведенный и социально наделяемый теми смыслами, какие ей случается иметь в конкретном времени и месте» [2, с. 44].

Свобода ставит современного человека в сложное положение: от общества продолжат исходить риски и противоречия при отсутствии одного (единого) источника авторитета (власти), и человек вынужден сам отслеживать и рефлексировать собственное поведение, делать итоговый выбор и принимать решение.

Как справедливо отмечает Ю. Левада, «пользоваться свободой труднее, чем мечтать о ней, а жить в условиях реальной свободы значительно сложнее, чем при ее отсутствии» [4, с. 9]. Нетрудно продолжить эту мысль дальше: не каждый человек может, готов и желает делать осознанный выбор и нести ответственность за данный выбор. Наверное, сложно требовать одинакового стремления к свободе от рабочего, фермера, продавца и университетского профессора. Может быть, поэтому в современном мире многие люди стремятся отказаться от, казалось бы, такой фундаментальной человеческой ценности, как свобода, в пользу жизни без риска, неопределенности, выбора и ответственности, но зато в условиях стабильности и предсказуемости. Стабильность и порядок воспринимаются современными индивидами как более значимая ценность, нежели неопределенность и возможность выбора.

Однако в глобализирующемся мобильном динамичном мире порядок и предсказуемость являются признаками традиционных обществ, становятся индикаторами беспомощности и подчиненности. Главным мерилom несвободы и социального бесправия является степень отсутствия социальной мобильности. Например, З. Бауман сравнивает современного человека с туристом, который путешествует налегке и не привязан к собственности. Он спокойно пересекает любые культурные границы и отстранен от всего. И, напротив, «признаком нищенства оказывается приверженность к вещам, отслужившим свой естественный срок службы, и неспособность с ними расстаться» [1, с. 49]. Если человека

постмодерна З. Бауман сравнивает с туристом, то человек модерна для него является паломником. Паломник «не просто любит достопримечательностями, он выражает им свою центроостремительную преданность» [7, с. 351].

Другим показателем иерархии свободы в современном мире является неодинаковая распределенность пространства и времени. Обладающие большей свободой живут исключительно во времени, пространство не имеет при этом значения. Менее свободные индивиды обитают в пространстве и пытаются сделать его значимым. Таким образом, свобода современного индивида возникает из ситуации «неопределенности и недо-детерминированности» [2, с. 59] социальной реальности. Свобода становится резервуаром неопределенности и творческой диффузии. «Постмодернистская свобода в полной мере демонстрирует свою безосновность (произвольность и самодетерминированность) – на фоне и в контексте коммуникативно-игровой определенности социального бытия», – считает П.К. Гречко [7, с. 349].

Свободный человек современности одновременно недо-социализирован и сверх-социализирован, и поэтому «идентичность нужно постоянно обговаривать..., конструировать без перерыва и без всякой надежды на окончательность» [2, с. 59]. З. Бауман постоянно подчеркивает мысль о том, что *индивидуализация – это судьба современного человека, а не его выбор. В ситуации современного неопределенного и разобщенного общества человек вынужден быть свободным. Это его удел, но не выбор* [1, с. 59–60]. Современный человек вынужден, обречен быть свободным.

В этой связи теоретиками постмодернизма обращается внимание на разрыв между индивидуальностью как предназначением и индивидуальностью как практической способностью самоутверждения. У. Бек назвал этот процесс индивидуализацией. Индивидуализация не отвечает подлинным потребностям человека и его самореализации. Обратной стороной такой индивидуализации является эрозия и постепенная дезинтеграция идеи гражданства, рост безразличия и равнодушия.

Итак, в обществе модерна отчетливо прослеживается примат общественного, социального над человеком, общество снабжает характером и идентичностью человека. Напротив, общество постмодерна детерминируется, «колонизируется» частными интересами. И в этой ситуации, пре-

достерегает Зигмунт Бауман, когда «люди смиряются со своей неспособностью контролировать условия собственной жизни... общество становится неуправляемым, планктоноподобным, дрейфующим, а не следующим заданным курсом» [1, с. 68].

Таким образом, функциональное взаимодействие человека и общества в модерне и постмодерне выглядит прямо противоположным. В модерне мы говорим о приоритете социального над частным, о декларативном и абстрактном понимании, как свободы, так и самого индивида как родового существа. Общество постмодерна, напротив, развивает индивидуальность и свободу человека, погружая человека в ситуации постоянного выбора и риска.

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. М.: Логос, 2002. 390 с.

2. Бауман, З. Свобода [Текст] / З. Бауман. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.

3. Берлин, И. Две концепции свободы [Текст] / И. Берлин // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М.: Дом интеллектуальной книги. Прогресс-Традиция, 1988. С. 19–44.

4. Левада, Ю.А. Предисловие [Текст] / Ю.А. Левада // З. Бауман. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 3–10.

5. Нахов, И.М. Киническая литература [Текст] / И.М. Нахов. М.: Наука, 1981. 303 с.

6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народа [Текст] // Классика экономической мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 77–403.

7. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.

8. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии [Текст] / А. Турен. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

References

1. Bauman, Z. (2002) Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow, «Logos», 390 p. [in Rus].

2. Bauman, Z. (2006) Svoboda. Moscow, «Novoe izdatel'stvo», 132 p. [in Rus].

3. Berlin, I. (1988) Dve koncepcii svobody // Sovremennij liberalizm: Rolz, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sjendel, Tejlor, Uoldron. Moscow, «Dom intellektual'noj knigi», «Progress-Tradicija», pp. 19–44 [in Rus].

4. Levada, Ju.A. (2006) Predislovie // Z. Bauman. Svoboda. Moscow, «Novoe izdatel'stvo», pp. 3–10 [in Rus].

5. Nahov, I.M. (1981) Kinicheskaja literature. Moscow, «Nauka», 303 p. [in Rus].

6. Smit, A. (2000) Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva naroda // Klassika jekonomicheskoy mysli. Moscow, «Jeksno-Press», pp. 77–403 [in Rus].

7. Social'noe: istoki, strukturnye profili, sovremennye vyzovy (2009) / pod obshh. red. P.K. Grechko, E.M. Kurmelevoj. Moscow, «ROSSPJeN», 440 p. [in Rus].

8. Turen, A. (1998) Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. Moscow, «Nauchnyj mir», 204 p. [in Rus].

UDC 123.1

FREEDOM IN PHILOSOPHICAL THEORIES OF MODERNISM AND POST-MODERNISM: COMPARATIVE ANALYSIS

Platonova Svetlana Ipatovna,
Izhevsk State Agricultural Academy,
Professor of the Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Izhevsk, Russia.
E-mail: platon-s@bk.ru

Annotation

The aim of the paper is to analyze conceptualization of the phenomenon of freedom in social theories of modernism and post-modernism. The author makes a conclusion that freedom in modernism is interpreted as a universal attribute of an ancestral man while in postmodernism freedom involves reflection, uncertainty, risks and choice of every person individually.

Key concepts:

freedom,
modernism,
post-modernism,
universal attribute,
choice,
risk,
reflection.

УДК 130.2

КОМПЛЕКСНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА: НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКИЙ ПОДХОД И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ТЕОРИЕЙ ПОЗНАНИЯ У. МАТУРАНЫ

Калинин Степан Сергеевич,

Военный Институт железнодорожных
войск и военных сообщений
Военной Академии материально-
технического обеспечения,
кафедра русского и иностранных языков,
соискатель,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается философское понятие социокультурных ценностей человека в русле подхода, восходящего к В. фон Гумбольдту, Л. Вайсгерберу и У. Матуране. Рассматривается возникновение ценностей у человека как результата его взаимодействия с окружающей средой. Дается определение человека как существа, обладающего определенным набором ценностей. Доказывается, что социокультурные ценности являются необходимым компонентом для выживания и дальнейшей эволюции человеческого вида.

Ключевые понятия:
неогумбольдтианство,
социокультурные ценности,
языковая деятельность,
биология познания,
человек разумный,
когниция,
наблюдатель.

Данная работа посвящена определению и попытке анализа понятия «социокультурные ценности человека» с философских позиций неогумбольдтианства. Идеиные основы о соотношении языка и действительности, языка и культуры, языка и «народного духа», заложенные В. фон Гумбольдтом, были впоследствии развиты его многочисленными последователями, в первую очередь Й.Л. Вайсгербером, который общепризнанно считается основателем неогумбольдтианства.

Является известным тот факт, что язык является феноменом, зависимым от человеческой культуры. Так, например, М.М. Маковский пишет о том, что «язык и слово – апофеоз человеческой культуры» [9, с. 5]. С.Г. Тер-Минасова пишет об очевидности взаимосвязи понятий языка и культуры: «Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека» [10, с. 15]. Она полагает, что «язык... формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [10, с. 15]. Очевидным представляется тот факт, что для изучения культуры какого-либо социума, этноса, народа необходимо изучать мир его языка. В то же время и культура зависит от языка и определяется языком, что непосредственно следует из вышеприведенного отрывка из работы С.Г. Тер-Минасовой. Можно даже говорить о том, что данные категории являются взаимозависимыми и взаимосвязанными, поскольку, по словам Й. Златева, «язык, рефлексия, культурная изменчивость – все это характеристики, определяющие вид *Homo sapiens*» [4, с. 327]. Социокультурные ценности человека, очевидно, входят в состав культуры того социума, народа, нации, к которым принадлежит данный индивид, в то же время они находят свою собственную языковую концептуализацию, а, следовательно, и языковое выражение.

Базовыми понятиями неогумбольдтианства являются т.н. эргон и энергейя, восходящие к философским построениям В. фон Гумбольдта [2, с. 70]. Эргон представляет собой язык в статике, язык как статичную систему оппозиций, «застывшую» на каком-либо одном временном срезе [2, с. 70–71]. Напротив, энергейя являет собой язык в ди-

намике, язык как динамическую систему освоения окружающего мира, его когниции, т.е. категоризации и концептуализации [2, с. 70–71]. Энергетическую природу имеет любой живой язык. В. фон Гумбольдт писал об этом так: «Язык есть нечто постоянное, и вместе с тем в каждый данный момент переходящее» [2, с. 70–71]. Из утверждения об энергетической природе языка следует тот факт, что между языковыми и концептуальными структурами (составляющими «язык мысли» по Н. Жинкину [3, с. 18]) нет существенной «непрозрачной» границы. Концептуальные структуры, элементы ментального лексикона свободно переходят в языковые, находят выражение в языке, и наоборот. Аналогию этому «концептуально-языковому дуализму» можно найти в точных науках: общеизвестно положение о корпускулярно-волновом дуализме света, который можно описывать как поток частиц, но также как и электромагнитные волны.

Трихотомия «мир – язык – человек» также является основополагающей в лингвофилософской теории Л. Вайсгерберга: «Язык должен воспринимать двойную природу мира и человека, чтобы передавать их взаимное действие друг на друга, или же он должен, напротив, поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность их обоих, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» [2, с. 305]. Именно человек, *homo loquens*, осуществляет языковое освоение действительности (термин Л. Вайсгерберга – *die sprachliche Erschließung der Welt* [15, с. 153–154]), используя свой язык как энергетическое явление, создавая при этом концептуальные структуры, которые однозначно определяют природу его сознания, а, следовательно, и его собственный «ментальный мир». Здесь и в дальнейшем мы будем считать термин «*homo loquens*» эквивалентным термину «языковая личность», поскольку *homo loquens* является, очевидно, носителем языкового сознания и способен к порождению речевых произведений (проще говоря, текстов) [6, с. 7–8]. Именно набор элементов ментального лексикона, тех концептуальных структур, которые сам носитель считает наиболее «значимыми» для себя, и определяют в конечном итоге, что является ценным для данной личности в объективной реальности, а, значит, и саму личность.

Подход Л. Вайсгерберга к изучению *homo loquens* как феномена (хотя он сам и не употреблял данный термин) во многом основывался на этноспецифике «че-

ловека говорящего». Сам Л. Вайсгербер считал, что человек, как носитель языка, является членом структуры более высокого порядка – языкового сообщества (*die Sprachgemeinschaft*) [16, с. 177–179]. Языковое сообщество, по мнению Л. Вайсгерберга и В. фон Гумбольдта, всегда имеет этноспецифику [2, с. 166], что отражается на иерархии ценностей отдельно взятого представителя языкового сообщества и на их качественной характеристике. За счет того, что в разных этнокультурах разный набор базовых ценностей (что можно легко вывести, например, из гипотезы лингвистической относительности), то и образ человека в разных культурах будет выглядеть различным образом. образу человека в различных этнокультурах будут приписаны различные аксиологические смыслы.

Очевидно, помимо этноспецифических смыслов и ценностей, вкладываемых в концептуальную систему того или иного языкового сообщества, имеются и универсальные смыслы и ценности, общие для многих сообществ. Таких универсальных смыслов и ценностей имеется достаточно большое количество. А. Вежицкая ввела специальный термин для таких типов ценностей – «универсальные семантические примитивы» [1, с. 291–293].

Таким образом, можно прийти к тому факту, что в разных языковых, а, соответственно, и культурных сообществах аксиология человека и его бытия будет определяться по-разному в зависимости от языка данного сообщества. Соответственно, каждое языковое сообщество конструирует разную модель собственной реальности бытия. В этих конструктах будут сочетаться как этноспецифические, так и универсальные культурные смысловые единицы.

Во многом лингвофилософская теория Л. Вайсгерберга по своим эпистемологическим параметрам схожа с биологической теорией познания У. Матураны. У. Матураной вводится прямой аналог понятия «языковое сообщество», которое осуществляет собственное познание окружающей среды через языковую деятельность. Эта деятельность позволяет языковому сообществу адаптироваться к постоянно меняющимся биологическим и социальным условиям среды. Соответственно, выработка культурных ценностей, которая осуществляется на основе информации, полученной в процессе познания окружающего мира, их репрезентация (в том числе и языковая), сохранение и передача будут также являться одним из способов адаптации человека

и человеческого сообщества к окружающей среде. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что ценности, выражаемые, в том числе на языковом и концептуальном уровнях, имеют комплексную био-социокультурную природу.

Большое внимание У. Матурана уделяет также определению понятия «человек». Он подчеркивает, что живой организм (в нашем случае это человек) образует с окружающей средой, с которой он взаимодействует, в том числе путем культурно-информационного обмена, принципиально новое экологическое единство [13, с. 464]. Причем, как подчеркивает С. Имото, дихотомия «человек – среда»¹ играет в биологической теории познания У. Матураны не менее важную роль [5, с. 28], чем дихотомия «человек – мир» в работах В. фон Гумбольдта и его последователей. Соответственно, набор социокультурных ценностей того или иного индивида как живой мыслящей системы можно определить как результат его взаимодействий с окружающей его средой, точнее, как результат координации координаций этого взаимодействия в потоке жизнедеятельности данного организма. Как пишет У. Матурана об этом, «объекты, сущности, понятия, идеи, концепты и т.п. возникают как координации координаций деятельности и существуют только как таковые» [14, с. 19–20]. Соответственно, и языковое (либо концептуальное – в данном случае разница между данными структурами практически нивелируется) отображение социокультурных ценностей человека также представляет собой координацию координаций его взаимоотношений со средой, поскольку «когда наблюдатель² видит два организма в потоке рекуррентных взаимодействий, которые он описывает как консенсуальные координации консенсуальных координаций поведения, то эти два организма оперируют в языке» [12, с. 115]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что формирование ценностей и обладание ими у высокоорганизованных живых систем, к которым относится и человек, является залогом более успешного приспособления к постоянно меняющимся условиям среды, а, значит, и сохранению человека как биологического вида, что дает возможность для дальнейшей эволюции человека как в

биологическом, так и в психологическом (духовном) аспектах.

И. Златев в своей работе утверждает, что «все живые системы и только живые системы способны к значению» [4, с. 311]. В этом случае понятие языка, а, соответственно, и понятие ценностей как особого культурного кода, отображаемого с помощью языка, можно расширить. Поскольку живые системы способны к формированию значений, в процессе которого они взаимодействуют с окружающей их биологической (и в случае человека – социальной и культурной) средой, т.е. осуществляют координацию координаций взаимодействия в потоке жизнедеятельности, как упоминалось выше в определении У. Матураны. Следовательно, на основе культурного кода, репрезентируемого языком, создается вторичный культурный код, структурными элементами которого является набор ценностей. Этот дополнительный культурный код можно рассматривать как своеобразную языковую систему, поскольку язык вообще как феномен является одним из типов символических форм [7, с. 21–24]. Таких ценностных культурных кодов у одного индивида может быть несколько в зависимости от того, носителем скольких языков, лингвокультур, а, следовательно, культур он является. Наличие большего числа ценностных культурных кодов обеспечивает лучшую выживаемость и приспособляемость живой системы к условиям среды.

И. Златев определяет язык как конвенциональную символическую систему, нагруженную культурной ценностью [4, с. 327]. Поскольку символы, по определению А.Ф. Лосева [8, с. 51], являются идейной структурой, означаемое которой является неразвернутым знаком для новой знаковой структуры, то культурные ценности также составляют новую символическую систему. И. Златев пишет о том, что на основе первичной ценностной системы, выраженной в языке, формируются ценностные системы высшего порядка, такие как идеология и религия [4, с. 327]. Поскольку данные ценностные системы напрямую оказывают влияние на общественное сознание, в данном случае мы видим еще одно проявление гумбольдтовской энергии, на этот раз заключенной в символических системах. Из этого можно сделать вывод о применимо-

¹ В данном случае под понятием «среда» имеется в виду не только и не столько социальная среда, но и биологическая среда, среда жизнедеятельности индивида, а также среда экологическая, условия обитания данной человеческой особи.

² Наблюдатель (*observer*) – одно из важнейших понятий теории У. Матураны: субъект, осуществляющий языковую деятельность (*language*).

сти понятия энергеи и эргона не только к языковым символическим формам, но и к любым другим, в том числе и к системам ценностей. В этом случае можно считать, что ценностные символические формы тоже образуют своего рода язык, «язык культуры», «язык внутреннего мира человека», о чем было уже сказано несколько выше, когда шла речь о формировании вторичного культурного кода.

И. Златевым дается также несколько иное определение значения: «это отношение между организмом (О) и его физической и культурной средой (С), определяемое ценностью (Ц) среды для организма» [4, с. 311]. Как видим, в данном определении значения появляется отсылка к понятию ценности, а именно, ценности среды. Ценность же среды, физической либо культурной, для человеческого существа определяется в процессе ее категоризации и концептуализации. То, что является наиболее значимым, ценным, имеющим определенную аксиологию для данного индивида либо для социальной группы («языкового сообщества»), выражается на языковом уровне в виде концептов, а также других единиц знания. В.В. Карасик в связи с этим писал о том, что всякий концепт содержит в себе аксиологический компонент [6, с. 109].

Таким образом, перефразируя вышеприведенную максиму И. Златева, можно сказать, что все высокоорганизованные живые системы способны к формированию ценностей, отражающих их связь между миром и собственным организмом. Неживые системы не могут формировать ценностные культурные коды. У высокоразвитых живых систем, таких как человек, ценностный аппарат является, соответственно, обширным и детализированным. В нем будет совмещаться как универсальный культурный опыт всего человечества, так и этноспецифические компоненты, а также социокультурный опыт отдельного индивида. Более того, если способность к созданию значения, а следовательно, языковую способность можно определить как универсальный критерий живого (что и явилось основой для биосемиотики, см., к примеру, работу [17]), то способность к формированию ценностной системы будет являться критерием высокой развитости и организованности живого организма. Пока такому критерию соответствует только биологический вид *Homo sapiens*. Неясно, могут ли другие высокоразвитые живые организмы (к примеру, высшие приматы) формировать свой ценностный аппарат, и, если могут, то каким образом это происходит.

Таким образом, на основе неогумбольдтианского подхода Й.Л. Вайсгербера к изучению языка можно сделать попытку нового определения понятия «ценность» с учетом взаимосвязи и взаимодействия человека как биологического и культурного существа (*homo symbolicus*, по выражению Т. Дикона [11, с. 345]) с окружающей его культурной и физической средой. При таком определении понятия «ценность» можно говорить о том, что символическая система культурных ценностей является не «застывшей» в одном состоянии структурой, эргоном, а имеющим энергетическую природу феноменом, который преобразует не только самое себя, но и окружающую культурную и социальную реальность, а также самих носителей этих ценностей. Такой подход, при его дальнейшем развитии, может дать многое как для изучения самого феномена ценностей и их репрезентации, так и для изучения их носителя – человека.

1. Вежбицкая, А. [Wierzbicka A.] Семантические универсалии и описание языков: пер. с англ. [Текст] / А. Вежбицкая. М.: Языки славянской культуры, 1999. 780 с.

2. Фон Гумбольдт, В. [von Humboldt W.] Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. [Текст] / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. 396 с.

3. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. М.: Изд-во «Наука», 1982. 159 с.

4. Златев, Й. [Zlatev J.] Значение=жизнь (+культура): Набросок единой биокультурной теории значения: пер. с англ. [Текст] / Й. Златев // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 1: Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 308–362.

5. Имото, С. [Imoto S.] Что такое «языковая деятельность» по У. Матуране?: пер. с англ. [Текст] / С. Имото // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3: Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 19–41.

6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

7. Кассирер, Э. [Cassirer E.] Философия символических форм. Том 1: Язык: пер. с нем. [Текст] / Э. Кассирер. М.: Академический проект, 2011. 271 с.

8. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: Изд-во «Мысль», 2001. 558 с.

9. Маковский, М.М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. Изд. 2-е [Текст] / М.М. Маковский. М.: ЛЕНАНД, 2014. 320 с.

10. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. 264 с.

11. Deacon, T.W. The symbolic species: The Co-evolution of language and the brain [Text] / T.W. Deacon. New York: W.W. Norton, 1997. 527 p.

12. Maturana, H.R. Biology of self-consciousness [Text] / H.R. Maturana // *Consciousness: Distinction and reflection* / ed. G. Trautteur. Naples: Bibliopolis, 1995. pp. 145–175.

13. Maturana, H.R. The nature of the laws of nature [Text] / H.R. Maturana // System Research and Behavioral Science. 2000. 17 (5). pp. 459–468.

14. Maturana, H.R. Anticipation and self-consciousness: Are these functions of the brain? [Text] / H.R. Maturana // Constructivist Foundations. 2008. 4 (1). pp. 18–20.

15. Weisgerber, L. Die sprachliche Erschliessung der Natur [Text] / L. Weisgerber // Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера. Изд. 2-е / сост. Л.А. Шарикова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 153–162.

16. Weisgerber, L. Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft [Text] / L. Weisgerber. – Düsseldorf: Schwann, 1973. 228 S.

17. von Uexküll, J. The theory of meaning [Text] / J. von Uexküll // Semiotica. 1982. 42 (1). pp. 25–82.

References

1. Vezhbickaja, A. [Wierzbicka A.] (1999) Semanticheskie universalii i opisanie jazykov: per. s angl. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 780 p. [in Rus].

2. fon Gumbol'dt, V. [von Humboldt W.] (1984) Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per. s nem. M.: Progress, 396 p. [in Rus].

3. Zhinkin, N.I. (1982) Rech' kak provodnik informacii. M.: Izd-vo «Nauka», 159 p. [in Rus].

4. Zlatev, J. [Zlatev J.] (2006) Znachenie=zhi zn'+kul'tura): Nabrosok edinoj biokul'turnoj teorii znachenija: per. s angl. // Studia linguistica cognitiva. Vyp. 1: Jazyk i poznanie: Metodologicheskie problemy i perspektivy. M.: Gnozis, pp. 308–362 [in Rus].

5. Imoto, S. [Imoto S.] (2013) Chto takoe «jazykovaja dejatel'nost'» po U. Maturane?: per. s angl. // Studia linguistica cognitiva. Vyp. 3: Kognitivnaja dinamika v jazykovyh vzaimodejstvijah. M.: FLINTA: Nauka, pp. 19–41 [in Rus].

6. Karasik, V. I. (2004) Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 390 p. [in Rus].

7. Kassirer, Je. [Cassirer E.] (2011) Filosofija simvolicheskikh form. Tom 1: Jazyk: per. s nem. M.: Akademicheskij proekt, 271 p. [in Rus].

8. Losev, A.F. (2001) Dialektika mifa. M.: Izd-vo «Mysl'», 558 p. [in Rus].

9. Makovskij, M.M. (2014) Jazyk – mif – kul'tura: Simvolj zhizni i zhizn' simvolov. Izd. 2-e. M.: LENAND, 320 p. [in Rus].

10. Ter-Minasova, S.G. (2000) Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: uchebnoe posobie. M.: Slovo, 264 p. [in Rus].

11. Deacon, T.W. (1997) The symbolic species: The Co-evolution of language and the brain. New York: W.W. Norton, 527 p. [in Eng].

12. Maturana, H.R. (1995) Biology of self-consciousness // Consciousness: Distinction and reflection / ed. G. Trautteur. Naples: Bibliopolis, pp. 145–175 [in Eng].

13. Maturana, H.R. (2000) System Research and Behavioral Science, 17 (5), pp. 459–468 [in Eng].

14. Maturana, H.R. (2008) Constructivist Foundations, 4 (1), pp. 18–20 [in Eng].

15. Weisgerber, L. (2004) Die sprachliche Erschliessung der Natur // Lingvisticheskaja koncepcija Leo Vajsgerbera. Izd. 2-e / sost. L. A. Sharikova. Кемерово: ИПК «Графика», с. 153–162 [in Deu].

16. Weisgerber, L. (1973) Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft. Düsseldorf: Schwann, 228 s. [in Deu].

17. von Uexküll, J. (1982) Semiotica, 42 (1), pp. 25–82 [in Eng].

UDC 130.2

OVERALL DEFINITION OF SOCIO-CULTURAL VALUES OF A PERSON: NEO-HUMBOLDTIAN APPROACH AND ITS CORRELATION WITH THE THEORY OF COGNITION OF HUMBERTO MATURANA

Kalinin Stepan Sergeevich,

Military Institute of railway troops
and military messages

Military Academy of material support.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Annotation

The article deals with the philosophical notion of socio-cultural values of a person in the context of the approach dated back to Wilhelm von Humboldt, Leo Weisgerber and Humberto Maturana. The author considers the uprise of values as a result of a person's cooperation with the environment. The author gives a definition of a person as a creature possessing a certain set of values. The author proves that socio-cultural values are necessary for surviving and further evolution of a human being.

Key concepts:

socio-cultural values,
linguistic activity,
biology of cognition,
homo sapiens,
onlooker.

УДК 316.3/.4

ЗАМЕТКИ МАТЕМАТИКА ПО ПОВОДУ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ П. СОРОКИНА

Клебанов Игорь Иосифович,
Челябинский государственный
педагогический университет,
кандидат физико-математических
наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Осипова Анна Сергеевна,
Челябинский государственный
педагогический университет,
лаборант-исследователь
кафедры математики
и методики обучения математике,
г. Челябинск, Россия.

Аннотация

На базе теории П. Сорокина построена математическая модель, описывающая социальную и культурную динамику общества. На основе анализа фазовых траекторий системы дифференциальных уравнений, обобщающей модели Вайдлиха и Вольтерра-Лоттки, установлено, что циклы П. Сорокина имеют место, если представители идеациональной и чувственной культур обладают равными возможностями и находятся в равноправных условиях.

Ключевые понятия:
социальная и культурная динамика,
математическая модель,
фазовая траектория.

Цель настоящей заметки состоит в привлечении внимания историков, социологов и культурологов к возможностям математического моделирования, являющегося одним из стандартных методов исследования в естественных науках.

В гуманитарных исследованиях методы математического моделирования применяются сравнительно недавно [1], но уже дали немало интересных результатов.

Главным достоинством математического моделирования является повышение степени достоверности результатов гуманитарных исследований.

В качестве примера установления плодотворного диалога между гуманитарными и математическими науками мы рассмотрим с позиции теории социальной и культурной динамики Питирима Сорокина.

Теория Питирима Сорокина

Питирим Сорокин впервые ввел в оборот понятие социокультурного строя, понимая под ним не только сферу духовного воспроизводства – науку, культуру, образование, религию, но и экономику, политические и общественные отношения, войны и революции, то есть, по сути дела, всю структуру общества. При этом первенство в динамике и функционировании этой системы он отдавал сфере духовного воспроизводства, что принципиально отличается от преобладавших в индустриальную эпоху научных представлений, отдававших приоритет экономическим и материальным отношениям (либерализм), экономическому способу производства (марксизм).

Питирим Сорокин впервые ввел деление социального и культурного строя на три сменяющих друг друга разновидности.

1. Чувственный строй, где приоритет отдается материальному миру, чувственному его восприятию в системе материальных потребностей человека и общества. В этом строе преобладают конкуренция, чувственная этика, эгоизм, стремление удовлетворить свои потребности любой ценой, не считаясь с интересами других людей и общества в целом.

2. Противоположностью является идеациональный, или сверхчувственный, строй, в котором на первое место выдвигается приоритет духовных ценностей,

сверхчувственных религиозных взглядов, им подчиняется политическая жизнь, устремления и деятельность человека и общества, когда религия занимает ведущее место в функционировании всего общественного организма.

3. Идеалистический, или интегральный, строй, который гармонично сочетает ценности чувственного и идеационального социокультурных строев, материальные и духовные потребности и интересы человека и общества, объединяет достижения науки, культуры, этики в удовлетворении потребности человека.

Питирим Сорокин исследовал смену социокультурных строев на протяжении более двух с половиной тысячелетий на примере Европы и Средиземноморья. Он показал, как периодически сменяется один строй другим, выделил хронологические рамки такой смены.

Питирим Сорокин показал, что в макродинамике общества существует определенная цикличность в смене типов социокультурного строя. Однако он не считал, что существует какой-то общий тренд, и назвал флуктуации социокультурного строя бесцельными, то есть не имеющими общей направленности.

Но его циклическая теория существует, является верной и очень интересна для исследования, поскольку смена социальных и культурных строев является звеном спирали общественного прогресса; каждый социокультурный строй выступает в качестве определенной фазы в развитии исторических циклов в динамике глобальных цивилизаций.

На основе теории П. Сорокина о цикличности, в настоящей работе построены вербальная и математическая модели, описывающие взаимодействие идеациональной и чувственной культур. Для упрощения математического описания наличие «промежуточного» (идеалистического) типа культуры не учитывается. Построение получившейся модели основывается, с одной стороны, на модели Вайдлиха «народ – правительство» [2], а с другой стороны, на всем известной модели «хищник – жертва» Вольтерра-Лоттки [3].

Вербальная модель

Вербальная модель – это письменное или устное представление информационной модели средствами естественного языка.

Возьмем две переменные x и y , где x – интегративная характеристика уровня развития идеациональной культуры, y – интегративная характеристика уровня развития чувственной культуры. Модель взаимодействия строится на основе психологии и поведения в социуме представителей двух типов культур и сводится к следующим положениям.

1. При отсутствии взаимодействия чувственная культура обречена на вырождение, а идеациональная культура имеет возможность неограниченно развиваться.

2. Если разница в уровнях развития культур не превышает определенного порогового значения, взаимодействие культур является кооперативным, в противном случае взаимодействие становится антагонистическим.

3. Для идеациональной культуры кооперативное взаимодействие с культурой чувственной невыгодно, так как снижает общий уровень идеациональной культуры. Напротив, в противоборстве с чувственной культурой идеациональная культура укрепляет свои позиции.

4. Для чувственной культуры конфронтация с культурой идеациональной приводит к снижению уровня, а кооперативное взаимодействие повышает уровень чувственной культуры.

Математическая модель

Математическая модель – это способ описания реальной жизненной ситуации (задачи) с помощью математического языка.

Взаимодействие двух переменных x и y на основе высказанных предположений можно описать дифференциальными уравнениями:

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = c_1 * x - a(x, y) * x * y \\ \frac{dy}{dt} = c_2 * y + b(x, y) * x * y \end{cases} \quad (1)$$

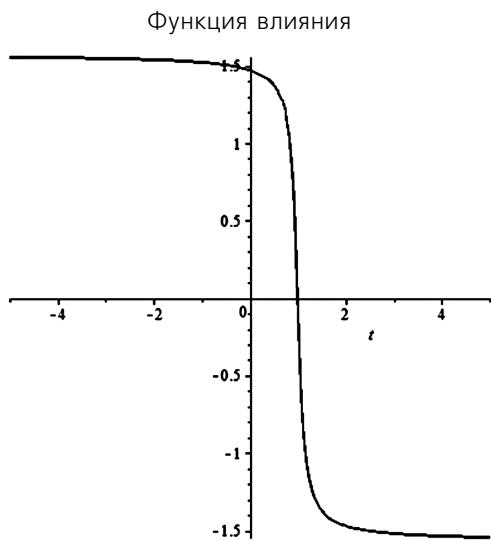
где $a(x, y)$ – функции влияния; $c_1 > 0$, $c_2 < 0$; t – время.

Функции влияния на основе вербальной модели выбираются в виде (рисунк 1):

$$a(x, y) = -A * \arctg(10 * ((x - y) - \alpha))$$

$$b(x, y) = -A * \arctg(10 * ((x - y) - \beta))$$

Рисунок 1

Метод исследования

Построение фазовых траекторий системы (1) при различных начальных условиях и параметрах функции влияния.

Анализ результатов

Типичные фазовые траектории приведены на рис. 2-4.

Фазовая траектория – это кривая в фазовом пространстве, составленная из точек, представляющих состояние динамической системы в последовательные моменты времени в течение всего времени эволюции.

Как известно, замкнутость фазовой траектории означает периодическое возвращение системы в исходное состояние, т. е. периодичность (цикличность). Фазовые траектории, изображенные на рис. 2-4, не являются замкнутыми, но явно указывают на квазипериодичность состояний, проходимых системой в процессе эволюции. Имеет место своего рода «прецессия» фазовых траекторий. С точки зрения социологии это означает, что система (1) приводит к «почти повторяемости» социокультурной ситуации, что качественно совпадает с концепцией цикличности. Как известно, абсолютно точной повторяемости ситуации в истории человечества не наблюдается. Изменение начальных условий приводит к изменению количественных характеристик циклов (величины периода, скорости прецессии

и т.п.). Квазипериодичность наблюдается в случае $A=B, a=b, c_1=-c_2$ (представители идеациональной и чувственной культуры обладают равными возможностями и находятся в равноправных условиях).

Рисунок 2

$A=B=1, a=b=1, c_1=1, c_2=-1,$
 $x(0)=1, y(0)=1,$
 время эволюции системы $T = 10$
 условных единиц.

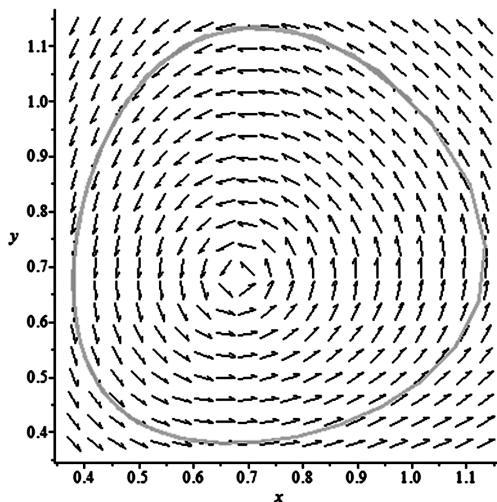

Рисунок 3

$A=B=1, a=b=1, c_1=1, c_2=-1,$
 $x(0)=1, y(0)=1,$
 время эволюции системы $T=50$
 условных единиц.

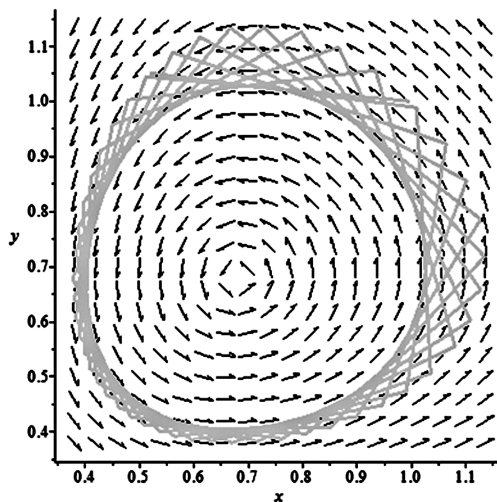
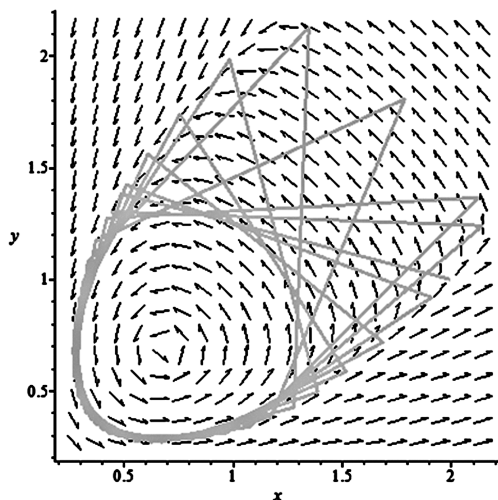

Рисунок 4

$$x(0)=2, y(0)=1,$$

остальные параметры те же,
что на рисунках 2 и 3.

1. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
2. Weidlich, W. Stability and Cyclicity in Social System [Text] // Behavioral Sciences, 1988. V. 33. P. 241–256.
3. Математическое моделирование исторических процессов [Текст]. Сборник статей. – М. 1996, 251 с.

References

1. Sorokin, P.A. (2006) Social'naya i kul'turnaya dinamika. M.: Astrel', 1176 p. [in Rus].
2. Weidlich, W. (1988) Stability and Cyclicity in Social System // Behavioral Sciences, V. 33. pp. 241–256 [in Eng].
3. Matematicheskoe modelirovanie istoricheskix processov (1996). Sbornik statej. Moscow, 251 p. [in Rus].

UDC 316.3/.4

A MATHEMATICIAN'S NOTES CONCERNING SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS OF P. SOROKIN

Klebanov Igor Iosifovich,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
Candidate of Physical and Mathematical
Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Osipova Anna Sergeevna,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
Research Assistant of the Chair of
Mathematics and Methods of Teaching
Mathematics,
Chelyabinsk, Russia.

Annotation

Mathematic model describing social and cultural dynamics of society is based on the theory of P. Sorokin. Having analyzed the solution curve of the differential equation system, generalizing model of Waidlih and Walterra-Lottki the authors state that Cycles of Sorokin take place if representatives of sense culture have equal possibilities and are in competitive conditions.

Key concepts:

social and cultural dynamics,
mathematical model,
solution curve.

УДК 378.4

РАЗВИТИЕ СЕТЕВЫХ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Коновалова Юлия Викторовна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
кандидат педагогических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: julia.konvalova10@gmail.com

Сатыбалдина Елена Владимировна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
кандидат социологических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: evsatybaldina@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся обоснования необходимости и условия разработки и реализации совместных образовательных программ в сетевой форме. Обозначены основные направления и нормативно-правовая база формирования образовательного партнерского взаимодействия, факторы, формирующие его преимущества, показана роль дистанционных технологий и электронных образовательных ресурсов в эффективной реализации сетевых образовательных программ. В процессе реализации совместных сетевых программ возникают проблемы, решения которых университеты – сетевые партнеры находят опытным путем в практике их непосредственного взаимодействия.

Ключевые понятия:

образовательная программа,
сетевые формы образования,
технологии образования,
дистанционное образование,
академическая мобильность.

Отличительной чертой всех российских федеральных университетов является их ориентация на решение задач, отвечающих региональным и общенациональным интересам. К таким задачам прежде всего отнесем повышение эффективности социально-экономического развития регионов в составе федеральных округов и инновационной экономики страны в целом, сокращение миграционного оттока населения из стратегически и геополитически важных областей России, а также сохранение населения в регионах с предоставлением ему качественного и доступного образования. Разработка и реализация мероприятий по решению указанных задач не противоречит мировой образовательной практике. Так, к примеру, европейская платформа “Smart Specialization” ориентирует вузы на определение конкурентных преимуществ и установление приоритетов для работы в интересах своего региона как источника ресурсов [5].

Уральский федеральный университет (далее – УрФУ) традиционно является основным поставщиком высококвалифицированных кадров в Уральском регионе, что не мешает вузу активно интегрироваться в единое российское образовательное пространство. Данное направление является одним из приоритетных в его деятельности, о чем свидетельствует сотрудничество УрФУ с федеральными российскими университетами в рамках проекта «Клуб 10».

Проект «Клуб 10» был создан в соответствии с Соглашением о взаимодействии федеральных университетов при реализации сетевых образовательных программ (утв. 06.10.2013 г., г.Калининград) [7] и Положением об организации сетевых образовательных программ в федеральных университетах [4]. Идея создания проекта «Клуб 10» возникла в ходе поиска способов совершенствования системы непрерывного образования, координации деятельности федеральных учреждений высшего образования, обобщения и распространения положительного опыта по организации образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности. В реализации указанного проекта также предусматривалось усиление воздействия высшей школы на уровень социально-экономического, образовательного и культурного развития Российской Федерации, включая повышение квалификации научно-педагогических и других работников, социальной поддержки и защиты вузовских коллективов. Участники Клуба – федеральные универси-

теты разбросаны по территории страны и, в этой связи, деятельность Клуба направлена на повышение связанности регионов Российской Федерации, активное взаимодействие университетов, их кооперации по взаимовыгодному обмену научными достижениями, инновациями [6] (<http://f-campus.ru>), что, в конечном итоге, является фактором сохранения и развития единого образовательного пространства страны.

Немаловажным объективным фактором развития проекта «Клуб 10» становится предоставление российским организациям высшего образования все большей свободы в формировании образовательных программ. Данное объективное обстоятельство, безусловно, увеличивает возможности вузов в более полном учете запросов изменяющегося рынка труда, что одновременно значительно повышает ответственность образовательных организаций за качество высшего образования [2].

Практика Уральского федерального университета в области разработки и реализации совместных образовательных программ позволяет авторам статьи проанализировать существующий опыт и выявить его сильные и слабые стороны. Методологическим основанием исследования являются общенаучные методы исследований социокультурных процессов: анализ научной литературы (работы российских и зарубежных исследователей по педагогике высшей школы и социологии образования), анализ нормативных документов, разработанных на федеральном уровне, так и в различных российских университетах, включая Уральский федеральный университет.

Опыт УрФУ показал преимущества реализации совместных образовательных программ:

1. Ресурсный обмен, предполагающий оптимизацию использования учебно-методических, материально-технических, кадровых ресурсов партнерских организаций.

2. Возможность реализации принципа академической мобильности обучающихся посредством формирования индивидуальных образовательных траекторий путем выбора вариативных модулей, предложенных вузами-партнерами.

3. Возможность получения по окончании обучения документов об образовании двух образовательных организаций. Как правило, часть образовательной программы, изучаемая в каждой партнерской образовательной организации, составляет от 40% до 60% общей трудоемкости программы.

Процесс организации совместных образовательных программ, реализуемых в сетевой форме, предусматривает выполнение определенных процедур в логике управления проектной деятельностью: от идеи (замысла) к реализации и оценке результата. В обобщенном схематичном виде процесс проектирования сетевого взаимодействия и совместных образовательных программ можно представить схематично в виде связанных между собой подпроцессов (этапов) (схема 1).

Для оптимизации процессов проектирования, открытия и реализации сетевых образовательных программ в УрФУ в 2013 году был разработан и утвержден пакет локальных документов, регламентирующих процедуры по вышеуказанным процессам, к примеру, «Порядок разработки образовательных программ в сетевой форме» и «Порядок реализации образовательных программ в сетевой форме».

В соответствии со статьей 15 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» правовой основой партнерского взаимодействия является договор между образовательными и иными организациями, регулирующий правоотношения участников сети, реализующих образовательную программу.

В УрФУ разработаны различные шаблоны договоров, регулирующих отношения партнеров-участников взаимодействия. Вариативность указанных шаблонов договоров объясняется тем, что формы реализации совместных образовательных программ разнообразны и представляют собой возможность выбора как традиционных, так и инновационных способов организации учебного процесса в рамках каждого конкретного договора с партнером.

В рамках проекта «Клуб 10» к 2015 году в УрФУ заключены договоры о реализации в сетевой форме магистерских программ по направлениям подготовки 45.04.02 «Лингвистика», 45.04.01 «Филология», 06.04.01 «Биология», 22.04.01 «Материаловедение и технологии материалов». Университетами-партнерами УрФУ на текущий момент являются Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Казанский федеральный университет, Южный федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Схема 1. Процесс проектирования сетевого взаимодействия и совместных образовательных программ

Следующим этапом работы коллектива университета в рамках проекта «Клуб 10» стала реализация образовательных программ в сетевой форме на основании заключенных партнерских договоров. Данный процесс предполагает организацию академической мобильности студентов в рамках согласованных вузами-партнерами учебных планов. Так, в 2015 г. магистранты, обучающиеся по направлению «Биология», в УрФУ и Сибирском федеральном университете успешно освоили учебные вариативные модули, включающие дисциплины по выбору студентов. Отзывы студентов и преподавателей, участвующих в реализации и освоении указанных модулей, свидетельствуют о том, что опыт был успешным и результативным для их участников.

Отметим тот факт, что участники проекта «Клуб 10» акцентировали внимание на одной из важнейших особенностей реализации сетевых образовательных программ – ее

практической значимости, которая прежде всего проявляется в формировании компетенций по модулю «Практика». Организация практики обучающихся в предприятиях соответствующей отрасли промышленности или в профильных исследовательских лабораториях университетов-партнеров позволяет повысить эффективность обучения за счет максимального использования ресурсных возможностей сетевого партнерства. В зарубежных вузах максимальное использование ресурсных возможностей партнеров является распространенным опытом [3]. В УрФУ использование описанного опыта взаимодействия предусматривается в 2015–16 учебном году.

Еще одним фактором успешной реализации совместных образовательных программ является участие университета в проекте «Сетевая электронная библиотека федеральных университетов». Расширить возможности обучающихся по успешному

освоению образовательной программы позволяет реализация сетевого проекта в направлении создания технологической платформы и организационно-методического обеспечения для разработки и использования совместных образовательных программ федеральных университетов, обеспечения коммерциализации полнотекстового электронного контента федеральных университетов и контроля внеаудиторного образовательного процесса.

Опыт организации и реализации образовательных программ в сетевой форме позволяет обнаружить и решить проблемы, затрудняющие оперативное взаимодействие вузов-партнеров. Так, к примеру, выявлены различия во внутренних структурах университетов, различия в реализации модульных учебных планов вузов и другие. Указанные проблемы были успешно решены координаторами совместных образовательных программ посредством организации и проведения переговорных процессов с партнерами и поиском эффективных способов организации мобильности студентов. Одним из способов эффективного взаимодействия вузов-партнеров в образовательном процессе является согласование и организация так называемых «окон мобильности», которые предусматривают выделение в учебном плане удобного для студента периода обучения в университете-партнере. Кроме того, в учебном плане обозначаются учебные модули, которые студент обязан освоить в каждом из вузов-партнеров.

Многие проблемы, возникающие в процессе взаимодействия вузов-партнёров, решаются с помощью современных образовательных технологий. Так, к примеру, аудиторная (контактная) учебная работа преподавателей с обучающимися планируется и организуется в режиме видеоконференц-связи на платформе Adobe acrobat connect PRO. Указанная система предоставляет широкие возможности в организации симметричной видео- и аудиосвязи, реализации многоточечной конференции, совместного доступа к экрану или отдельным приложениям, использовании интерактивной доски, демонстрации презентаций, поддержки многих форматов аудио-, видео- и растровых изображений. Кроме того, система позволяет организовать мониторинг присутствия участников, текстовый чат, модерацию онлайн-встреч и опросов участников, планирование встреч и приглашение участников, запись хода веб-конференции [1].

Сетевая форма реализации образовательных программ и использование элек-

тронного обучения и дистанционных образовательных технологий позволяют организовать обучение иностранных граждан без их выезда из страны проживания в Российскую Федерацию. Так, к примеру, в рамках заключенного договора о сетевой форме реализации образовательных программ по направлениям бакалавриата между УрФУ и Костанайским социально-техническим университетом имени академика Зулхарнай Алдамжар (КСТУ, Казахстан) функции по реализации части образовательной программы принимает на себя КСТУ как ресурсный центр. УрФУ в рамках договора взял на себя обязательства по организации обучения по образовательной программе в целом и зачету результатов обучения по модулям, освоенным обучающимися в Университете-ресурсном центре, принимая на себя обязательства университета-партнёра. В таком формате взаимодействия в 2013–2014 учебном году в сетевой форме были реализованы образовательные программы по трем направлениям бакалавриата («Государственное и муниципальное управление», «Автоматизация технологических процессов и производств» и «Информационные системы и технологии»).

Анализ практики и полученных первых результатов реализации сетевого партнерства дает нам свидетельства о формировании новой системы ориентиров в оптимизации образовательного процесса и, соответственно, новых факторов повышения качества образования, включая такие, как расширение доступа обучающихся к современным образовательным технологиям и средствам обучения, которыми располагают входящие в сеть партнерские организации. Сетевое взаимодействие как с российскими, так и с международными организациями создает платформу для внедрения в образовательный процесс университетов лучших образцов отечественных и зарубежных образовательных практик. Результаты проведенного исследования сетевых взаимодействий в регионах позволят университетам использовать их преимущества, привлекая все большее количество обучающихся, повышая конкурентоспособность, эффективность и привлекательность образовательных программ для потребителей, заинтересованных в высоком качестве образования.

1. Игнатченко, О.А. Об опыте реализации образовательных программ в сетевой форме в Уральском федеральном университете. Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики [Текст] / О.А. Игнатченко,

Е.В. Сатыбалдина / Сборник материалов Международного образовательного форума «Алтай – Азия 2014», 2014. С. 111–112.

2. Положение об организации сетевых образовательных программ в федеральных университетах разработанного и действующего на основе Соглашения о взаимодействии федеральных университетов при реализации сетевых образовательных программ (утв. 06.10.2013 г., г. Калининград).

3. Ректоры «Клуба десяти» собрались в новом федеральном вузе в Крыму. Новости университетской жизни России. 17.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://f-campus.ru/rektory-kluba-desyati-sobralis-v-novom-federalnom-vuze-v-krymu.html> (дата обращения: 15.08.2015).

4. Соглашение о взаимодействии федеральных университетов при реализации сетевых образовательных программ [Электронный ресурс]. URL: http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=NN/N7303 (дата обращения: 29.04.2014).

5. Karavaeva, Y.V. Adapting the Tuning Programme Profiles to the Needs of Russian Higher Education [Text] Y.V. Karavaeva, Y.N. Kovtun // Tuning Journal for Higher Education ISSN: 2340B8170. Issue № 1, November 2013.

6. Report on joint EUA-REGIO/JRC Smart Specialisation platform expert workshop: The role of universities in Smart Specialisation Strategies. European University Association. Belgium. 2014.

7. O*NET OnLine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onetonline.org/> (дата обращения: 15.08.2015).

References

1. Ignatchenko, O.A., Satybaldina, E.V. (2014) Ob opyte realizacii obrazovatel'nyh programm v setевой форме v Ural'skom federal'nom universitete. Evrazijskoe obrazovatel'noe prostranstvo – novye vyzovy i luchshie praktiki / Sbornik materialov Mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo Foruma «Altaj – Azija 2014», pp. 111–112 [in Rus].

2. Polozhenie ob organizacii setevykh obrazovatel'nyh programm v federal'nykh universitetakh razrabotannogo i dejstvujushhego na osnove Soglasheniya o vzaimodejstvii federal'nykh universitetov pri realizacii setevykh obrazovatel'nyh programm (utv. 06.10.2013 g., g. Kaliningrad) [in Rus].

3. Rektory «Kluba desyati» sobralis' v novom federal'nom vuze v Krymu. Novosti universitetskoj zhizni Rossii. 17.09.2014. URL: <http://f-campus.ru/rektory-kluba-desyati-sobralis-v-novom-federalnom-vuze-v-krymu.html> (accessed: 15.08.2015) [in Rus].

4. Soglashenie o vzaimodejstvii federal'nykh universitetov pri realizacii setevykh obrazovatel'nyh programm [Elektronnyj resurs]. URL: http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=NN/N7303 (accessed: 29.04.2014) [in Rus].

5. Karavaeva, Y.V., Kovtun, Y.N. (2013) Adapting the Tuning Programme Profiles to the Needs of Russian Higher Education // Tuning Journal for Higher Education ISSN: 2340B8170. Issue № 1, November [in Eng].

6. Report on joint EUA-REGIO/JRC Smart Specialisation platform expert workshop: The role of universities in Smart Specialisation Strategies. European University Association. Belgium. 2014 [in Eng].

7. O*NET OnLine [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.onetonline.org/> (accessed: 15.08.2015) [in Eng].

UDC 378.4

DEVELOPMENT OF ON-LINE FORMS OF REALIZING EDUCATIONAL PROGRAMS AS EXEMPLIFIED BY THE EXPERIENCE OF URAL FEDERAL UNIVERSITY

Konovalova Yulia Viktorovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Candidate of Pedagogical Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: julia.konovalova10@gmail.com

Satybaldina Elena Vladimirovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Candidate of Sociological Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: evsatybaldina@mail.ru

Annotation

The article justifies the necessity and conditions for realizing cooperative educational programs in the on-line form. The authors specify the main directions and regulatory framework for forming educational collaborating cooperation, factors showing its advantages, show the role of distant learning technologies and digital educational resources for realizing on-line educational programs effectively. While realizing cooperative on-line educational programs there arise problems, solutions for which Universities, on-line partners, find basing on experience in the process of their collaboration.

Key concepts:

educational program, on-line forms of education, technologies of education, distant learning education, academic mobility.

УДК 378.1

СИСТЕМА СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ВУЗА

Сонина Олеся Викторовна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель заведующей
кафедрой экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sonina@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается система сбалансированных показателей как инструмент анализа деятельности высших учебных заведений, её сущность, составляющие – группы показателей: финансовые, потребителей образовательных услуг, процесса образования, потенциала для дальнейшего развития. Подробно раскрываются факторы, влияющие на эффективную деятельность образовательного учреждения.

Ключевые понятия:

система сбалансированных показателей
эффективности вуза,
конкурентоспособность вуза,
стратегия развития вуза,
потребители образовательных услуг.

Более 20 лет система образования Российской Федерации подвергается реформированию. В 1992 г. введен Федеральный закон об образовании, где высшей школе было разрешено оказывать платные образовательные услуги, и высшие учебные заведения стали юридически автономны. Одно из последних нововведений – Федеральный закон об образовании 2012 г. – следующий шаг в реформировании системы высшего образования. В системе социальных институтов любого государства вузы являются важным элементом, необходимым для общенационального процесса развития. Государство не может быть конкурентоспособным без эффективной системы высшего образования. Таким образом, повышение эффективности и конкурентоспособности вузов становится одной из основных задач Российской Федерации.

Под конкурентоспособностью вуза мы будем понимать реальную и потенциальную его способность, а также имеющуюся у него для этого возможность предоставлять образовательные услуги, которые по ценовым и неценовым характеристикам будут более привлекательны для потребителей, чем аналогичные услуги конкурентов. Таким образом, для повышения конкурентоспособности вуза услуги, оказываемые им, по цене должны быть не выше, а по качеству – не хуже, а, как правило, – и лучше, чем у других вузов [4].

Рассматривая качество образования, необходимо учитывать все его составляющие, хотя обычно анализируют только результаты деятельности высшей школы. Иное же трактуется как обязательное для достижения конечной цели, эффективной деятельности [5].

Итак, конкурентоспособность образовательного учреждения связана с понятием качества образовательных услуг, а также с понятием эффективности деятельности вуза. Качество образовательной услуги – это комплекс свойств и характеристик услуги, которые придают ей способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности. Понятие эффективности деятельности раскрывается по средствам функционирования вуза.

В современной литературе по экономике, в которой речь идет о проблемах управления организацией, непременно оговаривается, что результат работы по адаптации

¹ Работа выполнена в рамках исполнения Государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по теме НИР «Проведение оценки состояния региональных систем образования и их сопоставление» (на примере не менее 10 субъектов Российской Федерации). Приказ № 01-2686 от 22.06.2015 г.

предприятия к изменяющимся условиям внешней среды напрямую зависит от «компетентности, а также определенного отношения персонала к изменениям, гибкости организационных структур управления и их соответствия принятым стратегическим направлениям деятельности» [2].

Таким образом, разработка стратегии, направленная на адаптацию организации к изменениям внешней среды становится важнейшим фактором обеспечения экономического роста и конкурентоспособности.

Под стратегией понимают систему действий по достижению желаемого результата в долгосрочной перспективе, учитывающую имеющийся ресурсный потенциал и действующие механизмы его реализации. Кроме того, нельзя забывать о естественных в настоящее время мировых процессах, таких как глобализация спроса и предложения и, одновременно с этим, обострение рыночной конкуренции, стремительное развитие технологий [10].

Особенность оценки деятельности государственных и некоммерческих организаций состоит в том, что она основана в первую очередь на измерении социальной полезности выполняемой работы.

Использование системы сбалансированных показателей (ССП) позволяет в деталях рассмотреть, соответствуют ли планируемые задачи и проекты самой миссии деятельности организации, общему направлению ее развития. Таким образом, внедрение в анализ деятельности предприятия ССП при его эффективном использовании может иметь следующее значение: во-первых, обеспечивает возможность объективно оценивать результаты текущей работы и, во-вторых, эффективно разрабатывать тактику деятельности в рамках заданной стратегии [8].

Количество показателей, которые используют при оценивании эффективности работы вуза огромное число. Оценивая деятельность вуза, показатели необходимо систематизировать. Требуется, чтобы определенные данные о различных видах деятельности вуза были согласованы между собой в систему, для достижения стратегических целей вуза [11].

Разработка системы сбалансированных показателей для вуза имеет свою специфику, обусловленную тем, что на качество предоставляемых образовательных услуг влияют многие группы факторов как эндогенных, так и экзогенных. Самые очевидные и, в общем-то, основные из них – это непосредственно профессорско-препода-

вательский состав, эффективность применяемой системы материального поощрения преподавательского состава и другого персонала вуза, оснащение современной учебной и научной литературой и лабораторным оборудованием, а также начальный уровень подготовки абитуриентов. [9]

Теорию и особенности фактического применения системы показателей эффективности вуза освещали в своих работах авторы: Адоладов К.Г., Белый Е.М., Карловский А.В., Князев Е.А., Климов А.А., Лазарев Г.И., Мальцева Г.И., Нивен П.Р., Павлюченко Е.И., Солодухин К.С., Уварова Т.Г. и многие другие. Но при этом до сих пор не так много внимания уделяется технологиям декомпозиции показателей по уровням. На практике неизменно применяется каскадный принцип декомпозиции, – о нем пишут Д. Нортон и Р. Каплан [6], которые придерживаются традиционных принципов системного анализа.

В рамках изучения основных показателей Минобрнауки, которые неизменно влияют на уровень конкурентоспособности вуза, ССП однозначно показывает, насколько эффективна деятельность данного учреждения.

Обучение государственных и муниципальных служащих имеет свои особенности. Реформы государственной гражданской службы РФ имеют своей целью комплексную модернизацию всей системы государственного управления и местного самоуправления, тем самым меняется характер и содержание деятельности органов управления и самоуправления. Как следствие, возникает проблема повышения интенсивности и доступности обучения государственных и муниципальных служащих, а также проблема повышения качества обучения и повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Таким образом, для разработки стратегии развития вуза специализирующегося на подготовке кадров органов государственной и муниципальной власти необходимо адаптировать ССП Нортон, Каплана [6] с учетом выявленных проблем. Поэтому система показателей должна включать следующие показатели, оценка которых способна дать понимание о степени эффективности работы вуза:

- финансовые;
- потребителей образовательных услуг;
- процесса образования;
- потенциала для дальнейшего развития.

Остановимся более детально на вышеперечисленном.

1. Финансовые показатели.

Данная сфера характеризуется факторами и показателями, которые наиболее объективно отражают состояние финансовой устойчивости вуза. Их оценка позволяет иметь представление об экономических результатах деятельности учреждения и соответствия этой деятельности установленным целям [3].

Управляющий состав вуза определяет основные цели в сфере финансовой деятельности:

- стабильный рост доходов путем установления новых деловых отношений через курсы подготовки и переподготовки кадров;
- рост поступлений средств от НИР и НИРС;
- оптимизация издержек в процессе деятельности;
- ограничение текущих расходов и, одновременно, повышение инвестиционных.

2. Показатели потребителей образовательных услуг.

Стратегия вуза должна рассматривать отдельно три группы потребителей образовательных услуг и, соответственно, создавать максимальную полезность для каждой:

- лица, получающие первое высшее образование (существует необходимость четко и грамотно организовать учебный процесс);
- лица, повышающие квалификацию и осуществляющие переподготовку (существует необходимость детально рассмотреть современные технологии и инновационные методы);
- лица, являющиеся работодателями, заинтересованными в повышении качества образовательных услуг, а также в партнерстве на долгосрочной и взаимовыгодной основе).

Для повышения конкурентоспособности вуза необходимо рассматривать каждый образовательный продукт с различных сторон:

- возможность подготовить будущих специалистов к профессиональной деятельности в организациях разных сферах деятельности, в том числе и зарубежных;
- создание условий для повышения компьютерной грамотности и, как следствие, освоение преподавательским составом и студентами новейших технологий в необходимых областях специализации;

– необходимое качество услуг образования;

– обучение кадров высокого звена управления организаций, которые вследствие профессиональной деятельности обязаны применять свои знания для развития экономики страны, это и коммерческие банки, и государственные органы управления, и предприятия различных отраслей экономики;

– обучение специалистов, нацеленных на постоянные инновации. Необходимо для управленческой и экономической деятельности.

Стратегия вуза должна указать те сегменты рынка услуг образования, которые вуз намерен занять, сделать еще прибыльнее. Вследствие «демографической ямы», уменьшения количества человек, которые получают среднее, среднее профессиональное и среднее специальное образование, и необходимости в повышении квалификации и профессиональной переподготовке специалистов организаций, целевой рынок вузов изменяется. Таким образом, он включает в себя слушателей из числа корпоративных клиентов, специалистов организаций. Для обучения «новых клиентов» требуется применять современные формы сотрудничества и выработать такой образовательный продукт, который необходим конкретному потребителю.

Разработка новейших проектов в сфере дополнительного образования должно стать объединяющим фактором для преподавателей различных дисциплин. Материал курсов необходимо наполнить междисциплинарной информацией.

Вуз должен стать центром проведения круглых столов, конференций, тем самым стать более привлекательным для потребителей. Проведение тренингов и обучающих семинаров также должно способствовать повышению эффективности вуза.

Данная группа показателей отражает степень эффективности выбранной стратегии в рамках ее ориентации на целевую аудиторию.

3. Показатели процесса образования.

Данной системой показателей характеризуется уже оговоренная в начале важная составляющая оценки деятельности образовательного учреждения – социальная эффективность. Это показатели, обозначающие качественный уровень реализации уставной деятельности образовательного учреждения, а также факторы, которые на этот уровень непосредственно влияют. Результаты образовательного процесса

вуза – отражение его экономической устойчивости и, как следствие, – его имиджа и преимуществ перед конкурентами на данном рынке [7].

Огромное значение для вуза имеют бизнес-процессы, которые преобразуют нематериальные активы в прибыль для организации. Совокупность процессов направлена на создание определенных образовательных услуг. Бизнес-процессы должны быть разработаны так, чтобы иметь ценность для потребителей. Создание услуги осуществляется при взаимодействии всех субъектов бизнес-среды, это и органы власти, и образовательные организации, и т.п.

Реализация инновационной стратегии роста образовательного учреждения подразумевает функционирование по следующим направлениям:

- формирование обширного круга образовательных услуг, ориентированных на запросы современного рынка труда;

- группировка потенциальных потребителей образовательных услуг внутри целевой аудитории с учетом их предпочтений и уровня доходов, а также концентрация усилий по привлечению партнеров и инвестиций на определенных, наиболее перспективных сегментах рынка;

- непрерывное усовершенствование процесса текущей работы (в том числе формирование учебных программ, процесс набора абитуриентов, составление учебных планов и т.д.) путем применения успешного опыта коллег, определения существующих проблем и разработки мероприятий для их решения;

- разработка и проведение научных исследований, выполнение роли инструмента экономической и социальной политики региона и государства с целью общего развития общества.

Для успешного взаимодействия с потребителями образовательных услуг, партнерами, инвесторами, государственными органами и другими контрагентами необходима, безусловно, налаженная система внутренних связей между отдельными подразделениями образовательного учреждения. Соответственно, руководство вуза должно уделять внимание сотрудникам, всячески мотивируя их на содействие оптимизации внутренних процессов.

4. Показатели потенциала для дальнейшего развития.

Связаны уже с оценкой процесса развития вуза в долгосрочной перспективе. Результатом такого анализа должны быть назначенные для реализации показатели в

области финансов, технического и информационного оснащения и, что главное, качества человеческих ресурсов.

Важнейшим условием для эффективной деятельности образовательных учреждений является постоянное повышение квалификации педагогов вуза, или интеллектуальных ресурсов. Для этого необходима достаточно эффективная система менеджмента, характеризующаяся одновременно предоставлением расширенной поддержки в проведении научных исследований и написании научных работ, участии как сотрудников, так и обучающихся в конференциях разного уровня; и при этом – ожиданием соответствующих результатов. Составляющей менеджмента является и информационная политика учреждения, необходимо своевременное информирование обучающихся, преподавательского состава и других сотрудников о запланированных мероприятиях, качественное обслуживание корпоративного сайта, электронной библиотеки и др.

Таким образом, эффективное внутреннее взаимодействие подразделений вуза содействует интенсивной и взаимовыгодной работе с внешними контрагентами, а значит, образовательное учреждение, в результате, может предоставлять своим потребителям разнообразные и качественные услуги, контролируя при этом свое финансовое состояние.

Итак, работа над формированием системы сбалансированных показателей не только позволяет реализовывать текущую стратегию, но и осуществлять мониторинг результатов деятельности вуза в рамках этой стратегии [1]. Стоит также заметить, что использование сбалансированной системы показателей помогает отразить стратегические цели организации в системе целей и задач отдельных ее подразделений.

1. Адоладов, К.Г. Система квалиметрического мониторинга высшего учебного заведения [Текст] / К.Г. Адоладов // Качество. Инновации. Образование. 2008. № 10. С. 3–8.

2. Акмаева, Р.И. Стратегическое планирование и стратегический менеджмент [Текст] / Р.И. Акмаева. М., 2007. 208 с.

3. Белый, Е.М. Обеспечение рыночной устойчивости высшего учебного заведения / Е.М. Белый // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2.

4. Белый, Е.М. О конкурентоспособности и рыночной устойчивости государственных вузов / Е.М. Белый, М.П. Беспалова, И.Б. Романова // Высшее образование сегодня. 2011. № 6. С. 15–17.

5. Беляков, С.А. Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений [Текст] / С.А. Беляков, Т.Л. Клячко, Е.А. Полушкина, Г.А. Краснова, Н.В. Сьюлькова. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2011. 124 с.

6. Каплан, Роберт С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию [Текст] / Р.С. Каплан, Д.П. Нортон / пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 304 с.

7. Карловский, А.В. Формирование системы показателей деятельности высшего учебного заведения [Текст] / А.В. Карловский // Качество. Инновации. Образование. 2008. № 9. С. 20–22.

8. Нивен, П.Р. Сбалансированная система показателей – шаг за шагом: Максимальное повышение эффективности и закрепление полученных результатов [Текст] / П.Р. Нивен / пер. с англ. Днепропетровск: Балан-Клуб, 2003. 328 с.

9. Павлюченко, Е.И. Эффективное управление образовательными процессами в вузе: теория, методология и практика [Текст] / Е.И. Павлюченко: автореф. дис. канд. экон. наук. Махачкала, 2009.

10. Уварова, Т.Г. Система показателей как условие эффективного стратегического управления вузом [Текст] / Т.Г. Уварова, М.В. Ниязова // Контроллинг. 2005. № 4 (16). С. 56–66.

11. Управление современным университетом: Колл. монография [Текст] / под общ. ред. проф. Г.И. Лазарева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 324 с.

References

1. Adoladov, K.G. (2008) Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie. № 10, pp. 3–8 [in Rus].

2. Akmaeva, R.I. (2007) Strategicheskoe planirovanie i strategicheskij menedzhment. Moscow, 208 p. [in Rus].

3. Belyj, E.M. (2012) Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, № 2 [in Rus].

4. Belyj, E.M., Bepalova, M.P., Romanova, I.B. (2011) Vysshee obrazovanie segodnja, № 6, pp. 15–17 [in Rus].

5. Beljakov, S.A., Kljachko, T.L., Polushkina, E.A., Krasnova, G.A., Sjul'kova, N.V. (2011) Jeksport Obrazovatel'nyh uslug: analiz upravlencheskih reshenij, Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 124 p. [in Rus].

6. Kaplan, Robert S., Norton, Dejvid P. (2003) Sbalansirovannaja sistema pokazatelej. Ot strategii k dejstvuju / per. s angl. Moscow, ZAO «Olimp–Biznes», 304 p. [in Rus].

7. Karlovskij, A.V. (2008) Kachestvo, Innovacii, Obrazovanie. № 9, pp. 20–22 [in Rus].

8. Niven, P.R. (2003) Sbalansirovannaja sistema pokazatelej – shag za shagom: Maksimal'noe povyshenie jeffektivnosti i zakreplenie poluchennyh rezul'tatov / per. s angl. Dnepropetrovsk, Balan-Klub, 328 p. [in Rus].

9. Pavljuchenko, E.I. (2009) Jeffektivnoe upravlenie obrazovatel'nym processov v vuze: teorija, metodologija i praktika: avtoreferat dis. kand. jekon. nauk. Mahachkala [in Rus].

10. Uvarova, T.G., Nijazova, M.V. (2005) Kontrolling. № 4 (16), pp. 56–66 [in Rus].

11. Upravlenie sovremennym universitetom (2005) Koll. monografija / Obshh. red. prof. G.I. Lazareva. Vladivostok, Izd-vo VGUJeS, 324 p. [in Rus].

UDC 378.1

STRATEGY OF DEVELOPMENT OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT ON THE BASIS OF THE SYSTEM OF WELL-BALANCED CHARACTERISTICS

Sonina Olesya Viktorovna,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Assistant Head of the Chair of Economics, Finance and accounting, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sonina@chel.ranepa.ru

Annotation

The author studies the system of well-balanced characteristics as a tool for analyzing activity of higher educational establishments, its nature and components – groups of characteristics: financial, consumers of educational services, process of education, potential for further development. The author points out the factors affecting the effective activity of an educational establishment.

Key concepts:

the system of well-balanced characteristics of the effectiveness of a higher educational establishment, competitiveness of a higher educational establishment, strategy of the development of a higher educational establishment, consumers of educational services.

УДК 371.311: 159.97 (061) + 342.5 (061)

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Токарская Людмила Валерьевна,

Уральский федеральный университет,
доцент кафедры психологии развития
и педагогической психологии,
кандидат психологических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail.ru: liydmil@mail.ru

Жукова Инга Валерьевна,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
доцент кафедры государственного
управления и политических технологий,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail.ru: inga-zhukova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу реализации государственной политики в сфере инклюзивного образования в России. В работе используется системный подход, применяются методы анализа статистических и нормативных документов.

Выявлены основные проблемы реализации политики и предложены рекомендации по их минимизации и устранению.

Ключевые понятия:

система образования,
государственная политика в сфере образования,
инклюзивное образование,
ограниченные возможности здоровья.

В последние годы в нашей стране произошли серьезные изменения в системе образования, и одним из актуальных направлений государственной политики в данной сфере является развитие инклюзивного образования. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹ определяет, что «в целях реализации права каждого человека на образование ... создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) ... в том числе посредством организации инклюзивного образования» (ст. 5, п. 5).

Несмотря на то, что проблемой «инклюзивного образования» в мире стали заниматься более 40 лет назад, в нашей стране только в последние годы стали появляться законы и иные нормативные акты, регламентирующие особенности его осуществления, а в практике работы до сих пор существует большое количество сложностей, связанных с особенностями понимания и осуществления этого процесса как со стороны руководителей органов местного самоуправления, органов управления образованием, образовательных учреждений, так и со стороны родителей здоровых учащихся и социума в целом. Практически каждую неделю в средствах массовой информации, на конференциях, форумах ведется обсуждение проблемы инклюзивного образования представителями власти и общества, однако единства в подходах к пониманию и решению ее пока не возникает.

Определение инклюзивного образования как одного из приоритетных направлений государственной политики обусловлено тем, что:

- согласно данным Росстата в России в 2013 году 2,1% (579574 чел.)² детского населения (до 18 лет) признаны инвалидами. «Количество детей, нуждающихся в специальном образовании, ежегодно увеличивается на 4–5%...» [2];

- дети с ОВЗ, получив образование в специальной (коррекционной) школе (СКШ), не социализируются в должной степени, которая позволила бы им продолжить обучение в вузе (при отсутствии интеллектуальных нарушений) [3] или учреждении начального профессионального образова-

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 13.07.2015). Документ в данном виде опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

² По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 10.07.2015)

ния, найти посильную работу, полноценно включиться в жизнь общества;

- многие родители не желают отдавать детей в специальные (коррекционные) школы, поскольку они находятся далеко от дома, и дети вынуждены проживать в интернате; кроме того, в обществе создан достаточно негативный образ коррекционного учреждения.

Сам социум не обладает достаточной степенью толерантности и не принимает людей с ОВЗ в свою среду, хотя именно обучение детей с ОВЗ совместно с другими школьниками способствует формированию у «нормативно развивающихся» учащихся терпимости к особенностям одноклассников, развивает чувство взаимопомощи и стремление к сотрудничеству, обогащает внутренний духовный мир, совершенствует коммуникативные навыки.

Однако несмотря на безусловную значимость развития системы инклюзивного образования, важно не навредить и не потерять огромный опыт, накопленный специальной (коррекционной) системой образования. Так, после провозглашения инклюзии на федеральном уровне во многих регионах стали закрывать СКШ и классы, и «в последние несколько лет в субъектах Российской Федерации произошло сокращение на 5 процентов СКШ при одновременном росте на 2 процента количества обучающихся, воспитывающихся в них детей»³, а с 2016 года вообще планируется отмена статуса «коррекционной школы». Очевидных оснований для таких действий пока нет, и, кроме того, «для детей, уровень развития которых не позволяет им осваивать учебный материал в одинаковых условиях с нормально развивающимися обучающимися, более предпочтительным может стать обучение в специальном (коррекционном) классе», а число детей с ОВЗ, обучающихся в обычном классе, «как правило, не должно превышать 3–4 человека»⁴.

Сокращение сети СКШ происходит также и в связи с политикой оптимизации расходов. Хотя, очевидно, что создание всех условий для приема детей с ОВЗ в каждой массовой школе потребует гораздо

большего вложения средств, на создание доступной среды, закуп специальных технических средств для детей с различными вариантами нарушений; адаптированных методических и учебных пособий; обучение педагогического персонала; расширение штата; увеличение оплаты труда педагогических и медицинских работников.

Безусловно, оптимальным вариантом может стать «сохранение и совершенствование существующей сети СКШ с параллельным развитием инклюзивного образования. При этом коррекционные учреждения могут выполнять функции учебно-методических центров, обеспечивающих оказание методической помощи педагогическим работникам образовательных учреждений общего типа, консультативной и психолого-педагогической помощи обучающимся и их родителям»⁵. Центр сможет сопровождать детей с ОВЗ и их семьи, помогая разрабатывать индивидуальные программы, проводя коррекционные занятия с детьми и консультации с педагогами и др. Такие Центры могут создаваться как отдельные организации, имеющие собственное финансирование и постоянный штат или через расширение штата имеющихся СКШ.

Государственная политика в сфере инклюзивного образования предполагает, прежде всего, нормативно-правовое обеспечение системы, материально-техническое, кадровое, учебно-методическое и информационное сопровождение.

В подготовке системы образования к внедрению инклюзивных тенденций, особое место занимает создание *нормативно-правовой базы*. В Российской Федерации в последние годы принят целый ряд документов, подчеркивающих право детей с ОВЗ на обучение в условиях инклюзии по месту жительства, а также право родителей на выбор образовательного учреждения и формы обучения для ребенка (Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы»⁶, Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы⁷ и др.). Разработан и утвержден

³ О коррекционном и инклюзивном образовании детей: <Письмо> Минобрнауки России от 07.06.2013 № ИР-535/07. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 295. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

⁷ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Федеральный государственный образовательный стандарт для обучающихся с ОВЗ⁸ и Проекты примерных основных общеобразовательных программ для детей с задержкой психического развития, расстройствами аутистического спектра и др. нарушениями.

В инструктивном письме Минобрнауки разъясняет свою позицию в части коррекционного и инклюзивного образования детей⁹, а в приказе Минобрнауки¹⁰ определяет особенности организации образовательной деятельности для лиц с ОВЗ, называя необходимое оборудование и требования к инфраструктуре для учеников с разными вариантами нарушений. В письме также указывается, что вопросы деятельности образовательного учреждения общего типа, касающиеся организации обучения и воспитания детей с ОВЗ, должны быть регламентированы уставом и локальными актами учреждения.

Тем не менее, ряд аспектов, в частности, связанных с финансированием, обеспечением деятельности тьюторов и др., недостаточно представлен в нормативно-правовых документах федерального уровня, и требует серьезной проработки на уровне регионов и муниципалитетов, а также в учреждениях, кроме того, особой сложностью является не всегда верное и полное прочтение и исполнение документов на местах.

При определении нормативов *финансирования* рекомендуется «принимать во внимание необходимость дополнительных затрат при создании ... условий для обучения и воспитания детей с ОВЗ с учетом специфики этой деятельности»¹¹, а при создании образовательным учреждением общего типа условий для обучения детей с ОВЗ, финансирование обучения таких детей рекомендуется осуществлять по норма-

тиву, установленному для коррекционного учреждения соответствующего типа и вида, чего в настоящее время не происходит.

Однозначно можно сказать, что на этапе становления инклюзивного образования расходы могут только многократно возрасти, и лишь при создании всех необходимых условий во всех массовых школах мы впоследствии получим возможность тратить меньше средств на систему коррекционного образования. Хотя в настоящее время «в российском варианте переход на инклюзию связан, похоже, исключительно с экономией средств. На содержание одного ребенка с ОВЗ тратится в 20 раз больше средств, чем в обычной школе. «Реформа» заключается в том, чтобы просто посадить его за парту вместе со всеми и посмотреть, что получится» [2]. Решить данный вопрос хотя бы отчасти позволит лишь крайне постепенный переход к инклюзивному образованию.

Материально-техническое обеспечение инклюзивного образования может оказаться самым большим препятствием для многих образовательных организаций, хотя в рамках Программы «Доступная среда»¹², для ряда школ реализуются мероприятия по оснащению обычных образовательных учреждений специальным оборудованием и приспособлениями для беспрепятственного доступа детей с недостатками физического и психического развития в здания и помещения и организации их пребывания и обучения в этой организации (включая пандусы, специальные лифты, оборудованные учебные места, специализированное учебное, реабилитационное, медицинское оборудование и так далее). Создание подобных условий предусмотрено также статьей 15 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹³ и

⁸ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.02.2015

⁹ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо> Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

¹⁰ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.08.2013 № 1015. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

¹¹ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо> Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

¹² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 297 (ред. от 19.02.2015). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

¹³ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015). Документ в данном виде опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

должно быть обеспечено в обязательном порядке, как при строительстве новых образовательных учреждений общего типа, так и при проведении работ по реконструкции и капитальному ремонту существующих учреждений¹⁴. Но к 2015 году такие условия смогут быть созданы лишь в 20 процентах от общей численности общеобразовательных школ¹⁵, таким образом, большинство школ пока не будет готово к приему детей с ОВЗ.

Руководству муниципального образования и руководителям школ необходимо совместно участвовать в подготовке мероприятий по реализации данной программы. Требуется серьезный анализ существующих возможностей муниципального образования. По предварительным подсчетам (на базе опыта школ ХМАО и Свердловской области) для оборудования одного образовательного учреждения к приему учеников только с тремя видами нарушений – по слуху, зрению, опорно-двигательному аппарату – необходим бюджет 6 млн 392 тыс. руб. (по ценам 2014 года) [1, с. 104]. Для многих территорий такая сумма может стать неподъемной. Есть опасность симулирования «доступной среды» исключительно для целей отчетности, поскольку выделяемых из федерального бюджета «3 млрд руб. на 3,1 тыс. российских школ – это меньше миллиона рублей на школу» [2] явно не хватит для реализации идей инклюзивного образования.

На начальных этапах стоит использовать возможности социального партнерства и сетевого взаимодействия. Пока не получится оснастить каждую школу всем необходимым для каждого вида нарушений, можно организовать обмен оборудованием (или пункт «социального» проката) между школами, если в одной из них есть дети с определенными видами ограниченной возможностей здоровья, а в другой пока (уже) нет. Также необходимо рассмотреть возможность объединения близко расположенных школ в определенные группы, внутри которых будет введена специализация по видам нарушений. К примеру, у одной школы будет оборудована доступная среда, инфраструктура, учебно-методический комплекс для детей с нару-

шениями опорно-двигательного аппарата, у другой – для детей с нарушениями зрения или слуха. Это сетевое взаимодействие сможет снизить также расходы на педагогов-дефектологов, тьюторов и медицинский персонал.

Специфика организации учебно-воспитательной и коррекционной работы с детьми, имеющими нарушения развития, обуславливает необходимость специальной подготовки педагогического коллектива образовательного учреждения общего типа, обеспечивающего инклюзивное образование. Педагогами, не обладающими минимумом специальных знаний, необходимых для работы с детьми с особенностями психофизического развития, не всегда учитываются возможности и потребности таких детей, используются неверные методы и методики работы. Инклюзия в этих случаях приобретает формальный характер: обучающиеся с ОВЗ не получают необходимой педагогической помощи, что отрицательно сказывается на качестве получаемого образования как для самого ребенка с ОВЗ, так и для других детей. Толерантность других школьников также сильно зависит от педагогического мастерства учителя, работы всего коллектива учреждения.

Педагогические работники образовательного учреждения должны пройти обучение и регулярно повышать квалификацию в области организации работы с детьми с ОВЗ в условиях инклюзии¹⁶, что реализуется в настоящее время на базе педагогических вузов и институтов развития образования, как правило, в виде разовых, и теоретизированных курсов повышения квалификации.

В целях обеспечения освоения детьми с ОВЗ в полном объеме образовательных программ, а также коррекции недостатков их физического и (или) психического развития, Минобрнауки РФ считает целесообразным вводить в штатное расписание образовательных учреждений общего типа дополнительные ставки педагогических (учителя-дефектологи, учителя-логопеды, логопеды, педагоги-психологи, социальные педагоги, воспитатели и другие) и медицинских работников¹⁷. Однако необ-

¹⁴ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо>Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

¹⁵ О коррекционном и инклюзивном образовании детей: Инструктивное письмо Министерства образования и науки РФ от 7 июня 2013 г. № ИР-535/07.

¹⁶ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо>Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

¹⁷ Там же

ходимое для этого большое количество средств, как правило, приводит к тому, что новые ставки, несмотря на появление в школах детей с ОВЗ, так и не появляются, поэтому проблема индивидуального сопровождения детей с ОВЗ в массовой школе – это скорее вопрос далекой перспективы. Особой проблемой является также комплектование школ тьюторами в связи с недостаточным нормативно-правовым закреплением их статуса и пониманием значимости этой должности, хотя Приказ Минобрнауки и определяет необходимость введения такой штатной единицы «на каждые 1–6 учащихся с ОВЗ»¹⁸, «в подавляющем большинстве российских школ нет тьюторов» [2].

Для сохранения и укрепления кадрового потенциала образовательных учреждений, осуществляющих образование детей с ОВЗ, необходима разработка мер материального стимулирования деятельности работников, включая установление соответствующих сложности их работы размеров и условий оплаты труда, предоставление им социальных льгот и гарантий, а также мер морального поощрения¹⁹. Необходимо повышать статус учителя, через привлечение внимания к его работе, популяризации ее, работу с общественным мнением, однако пока этого не происходит.

Обучение и коррекция развития детей с ОВЗ, в том числе в условиях инклюзивного образования, требует серьезного *учебно-методического обеспечения* и должны осуществляться по образовательным программам, разработанным на базе основных общеобразовательных программ с учетом психофизических особенностей и возможностей таких обучающихся²⁰. В приказе Минобрнауки²¹ раскрываются особенности содержания этих программ в зависимости от имеющегося у ребенка нарушения. Существует серьезная потребность в разработке и распространении учебных пособий и методических рекомендаций по осуществлению работы с разными категориями детей в условиях инклюзии.

В качестве эффективного средства организации образования детей с ОВЗ, особенно детей, имеющих трудности в передвижении, целесообразно рассматривать развитие дистанционных форм их обучения с использованием современных информационно-коммуникационных технологий²², хотя даже наличие сети Интернет для многих поселений остается проблемой.

Важное значение для обеспечения эффективной интеграции детей с ОВЗ имеет проведение *информационно-просветительской, разъяснительной работы* по вопросам, связанным с особенностями образовательного процесса для данной категории детей, со всеми его участниками – обучающимися (как имеющими ОВЗ, так и без них), их родителями (законными представителями), педагогическими работниками и обществом в целом²³.

Необходимо вести работу со средствами массовой информации, составлять и обновлять банки данных о детях с ОВЗ, проводить мониторинг потребности в создании условий для получения ими образования и др.

Отдельного внимания требует информационное воздействие на общество, направленное на создание положительного образа инклюзии, формирование толерантного отношения к детям с ОВЗ, популяризации идей содействия получению ими образования и их социальной интеграции.

Только при соблюдении всех закрепленных законодательно условий, без излишних усердий в части ускорения процесса внедрения инклюзивного образования и экономии на нем, и только при создании соответствующей материальной базы, специальных образовательных программ, подготовки обучающихся и мотивированных педагогических коллективов, проведения разъяснительной работы с обучающимися и их родителями сможет быть осуществлена полноценная инклюзия детей с ОВЗ. Кроме того, можно будет избежать возможного

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо> Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

²¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.08.2013 № 1015. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

²² О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо> Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

²³ О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами: <Письмо> Минобрнауки РФ от 18.04.2008 № АФ-150/06.

значительного ухудшения качества работы образовательных учреждений с другими обучающимися²⁴, не имеющими ОВЗ.

Таким образом, обозначенные в статье проблемы реализации государственной политики в сфере инклюзивного образования требуют продолжения серьезных дискуссий, научных и практических работ. Предложения, содержащиеся в данной статье, сформулированы по итогам работы по сопровождению процесса внедрения Государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» в образовательных учреждениях г. Екатеринбурга. Ряд положений был выработан в результате обсуждения данной проблемы с руководителями и педагогами школ, обучавшихся по Президентской программе в Уральском институте управления – филиале РАНХиГС и принимавших участие в других мероприятиях, проводимых при участии авторов статьи.

1. Жукова, И.В. Создание системы инклюзивного образования в России [Текст] / И.В. Жукова, Д.В. Феденева, Т.А. Сандакова, И.М. Тарасова / Государство, политика, социум; вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27 ноября 2014 г. Сб. статей. Екатеринбург: Уральский институт управления-филиал РАНХиГС, 2014. С. 103–104.

2. Коррекция разума // Газета «Аргументы недели» от 13.08.15, <http://argumenti.ru/society/n500/411368> (дата обращения: 15.08.2015).

3. Патраков, Э.В. Доступная образовательная среда как фактор социальной ответственности вуза: монография [Текст] / Э.В. Патраков, Л.В. Токарская, О.В. Гушин. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. 184 с.

References

1. Zhukova, I.V., Fedeneva, D.V., Sandakova, T.A., Tarasova, I.M. (2014) Sozdanie sistemy inkljuzivnogo obrazovanija v Rossii / Gosudarstvo, politika, socity; vyzovy i strategicheskie priority razvitija. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Ekaterinburg. 27 nojabrja 2014 g. Sb. statej. Ekaterinburg: Ural'skij institute upravlenija – filial RANHiGS, pp. 103–104 [in Rus].

2. Korrekcija razuma. Gazeta «Argumenty nedeli» ot 13.08.15, <http://argumenti.ru/society/n500/411368> [in Rus].

3. Patrakov, Je.V., Tokarskaja, L.V., Gushhin, O.V. (2015) Dostupnaja obrazovatel'naja sreda kak faktor social'noj otvetstvennosti vuza: monografija, Ekaterinburg: UrFU, 2015, 184 p. [in Rus].

UDC 371.311: 159.97 (061) + 342.5 (061)

REALIZING THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF EXCLUSIVE EDUCATION

Tokarskaya Lyudmila Valeryevna,

Ural Federal University,
Associate Professor of the Chair of Psychology of Development and Pedagogical Psychology,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail.ru: liydmi@mail.ru

Zhukova Inga Valeryevna,

Urals Institute of Administration – branch of RANEPa,
Associate Professor of the Chair of State Administration and Political Technologies,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail.ru: inga-zhukova@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of how the state policy in the sphere of exclusive education in Russia is realizing. The author uses the system approach, methods of the analysis of statistical and regulatory documents. The author identifies the main problems of realizing the policy and suggests guidelines for their minimizing and eliminating.

Key concepts:

system of education,
state policy in the sphere of education,
exclusive education,
health limitations.

²⁴ О коррекционном и инклюзивном образовании детей: Инструктивное письмо Министерства образования и науки РФ от 7 июня 2013 г. № ИР-535/07.

УДК 316.346.32-053.6

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ К РЕЛИГИИ

Антонова Оксана Игоревна,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
кафедра теории
и социологии управления,
кандидат социологических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: oksana.antonova@uara.ru

Гафиятуллина Ксения Руслановна,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
кафедра теории
и социологии управления,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ksenia.gafiatullina@uara.ru

Костина Наталья Борисовна,

Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
кафедра теории
и социологии управления,
доктор социологических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: natalya.kostyna@uara.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению отношения студенческой молодёжи Свердловской области к религии, религиозным практикам, их влиянию на светские практики и взгляды студенческой молодёжи. Данные вопросы рассматриваются на основе проведения эмпирических исследований в трёх крупных вузах города Екатеринбурга.

Ключевые понятия:

студенчество,
религиозное поведение,
религиозное сознание,
отношение студентов к религии.

1.

Важные тенденции современного трансформирующегося общества, констатируемые практически всеми исследователями в области социологии религии начала XXI вв. – активизация террористических организаций, основанных на религиозных идеях; стремление религиозных объединений увеличить влияние на различные стороны социальной жизни. После определенного всплеска религиозности, религиозного «ренессанса» в XX в. для ряда социальных групп характерно ослабление интереса к религии и религиозной жизни. Эти тенденции стали более ярко проявляться в последние 10–15 лет в противовес тенденциям, которые отмечали исследователи в начале XX в.

В то же время нельзя не обратить внимание на «возвращение» религии в обычную светскую жизнь людей, что проявляется в их самоидентификации (отнесении себя к тому или иному религиозному течению, чаще всего к православию), в участии в различных религиозных таинствах (венчание, отпевание, широкое празднование курбан-байрама) и др. Имеет место политическая активизация ряда конфессиональных общностей, их стремлении оказывать активное влияние на социально-политические и культурные процессы. Наряду с формированием новых общин и приходов в традиционных для России конфессиях, набирает обороты и численность объединений различных направлений протестантизма и новых религиозных движений, для которых характерна активная работа с молодежью. На фоне стабилизации количества верующих в конце XX – начале XXI века имеет место некоторое возрастание доли «воцерковленных». В современной России деятельность религиозных объединений превратилась в важный элемент социальной структуры общества.

Деятельность религиозных объединений в указанных направлениях весьма часто является предметом обсуждений в СМИ. Многие средства массовой информации выпускают в эфир программы религиозного характера, все чаще мы видим трансляции того, как первые политические лидеры посещают религиозные мероприятия, устраивают ежегодные встречи с лидерами основных конфессий.

Лидеры государства проводят большую работу по взаимодействию с религиозными объединениями различной конфессиональной принадлежности, рассматривая

их как важный элемент формирующегося в России гражданского общества. В.В. Путин ежегодно устраивает встречи с российским Патриархом и лидерами традиционных религиозных общин России. В июле 2014 г. Президент РФ встретился с представителями международных общественных и религиозных организаций. В сентябре 2015 г. Владимир Владимирович принимал участие в открытии после реконструкции нового соборного комплекса Московской соборной мечети. [3] Все чаще первые лица государства участвуют не только в православных мероприятиях, но и присутствуют на праздниках и событиях других конфессий. В свою очередь, руководители конфессий также активно участвуют в социально-политических и культурных мероприятиях, высказывают свои мнения и позиции по поводу принимаемых государством решений, что, безусловно, воспринимается верующими как «руководство к действию».

В начале XXI века отмечается возрастание уровня толерантности граждан к тем, кто исповедует ту или иную религию или просто высказывает ей симпатию. В том числе это касается и молодежи в целом и молодежи студенческой, несмотря на то, что последняя меньше, чем другие молодежные группы, интересуется религией и не склонна участвовать в каких-либо культурных действиях.

В связи с обозначенными выше процессами для современной России актуальными являются вопросы диалога конфессий, форм сочетания в жизни людей светской и культовой практик, взаимоотношения светских и религиозных общностей в решении наиболее важных и острых социальных проблем. В России в результате многовекового преобладания православия и почти семидесятилетнего господства атеистической идеологии не сформированы традиции терпимого и уважительного отношения к инакомыслию, формы и механизмы сотрудничества верующих и неверующих, представителей различных религиозных конфессий. И государство, и религиозные объединения, и общественные организации сталкиваются сегодня с двумя группами проблем: 1) допустимого влияния профессиональных общностей на социальные процессы; 2) преодоления противостояния этих общностей гражданским общностям, с одной стороны, друг другу – с другой.

Специфика религиозного мировоззрения заключается в том, что приверженцы каждой из существующих религиозных систем считают свою веру истинной, и эта

позиция во многом определяет их деятельность в культурной и социальной сферах, поддержку или негативное восприятие происходящих процессов. Так, нередко в выступлениях религиозных иерархов, а также ученых и политиков звучит негативная оценка возросшей роли светских форм сознания, объяснение социальных кризисов, катаклизмов, проблем отказом от Бога, утратой религией тотально-регулирующей функции. Исходя из этого, поиск путей решения социальных проблем связывается исключительно с возвратом к Богу, усилением роли церкви, расширением влияния религиозного сознания.

Но коль скоро значительная часть социальных и нравственных проблем характерна для жизни и будущего молодежи, важнейшим условием их решения религиозные объединения предлагают активную работу среди молодежи, формы которой разнообразны. Безусловно, подобная работа весьма значима, поскольку она преследует и весьма благородные цели: уберечь молодое поколение от влияния негативных социальных условий и факторов, привлечь ее к участию в решении многих важных и злободневных вопросов, в том числе – и проблем самой молодежи. Религиозные общности играют важную роль в реализации государственной молодежной политики, достижении таких целей в работе с молодежью, как противодействие распространению в молодежной среде наркомании, токсикомании и иных зависимостей, преступности и антисоциальных явлений, формирование у молодого поколения высоконравственных идеалов и патриотизма. Сохранение нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание – это одна из областей, где религиозные организации и государство сотрудничают, на том основании, что религия во все времена была и носителем, и оформителем общечеловеческих ценностей. Конечно, нельзя ставить знак равенства между нравственностью и религиозным мировоззрением, последнее – не панацея от безнравственности, но традиционная роль религии как носителя нравственных ценностей должна учитываться.

Таким образом, несмотря на то, что многие исследователи говорят о религиозном возрождении, о возвращении религии тех позиций в обществе, которые она имела в досоветский период, на наш взгляд, необходимо проводить специальные исследования, чтобы выяснить: характеризует ли эта позиция настроения молодежи

в целом и студенческой в частности? Для понимания поведения молодежи в нынешней России нужно учитывать особенности современной России, во-первых, уже отмеченные выше процессы, происходящие в религиозной сфере и во взаимодействии этой сферы со светской практикой, и во-вторых, наличие мировоззренческой неопределенности, утверждению в сознании молодежи и их жизнедеятельности нерелигиозных ценностей и идей.

2.

Для выявления отношения студенческой молодежи Свердловской области к религии, её влиянию на светские практики нами был проведен опрос в период с октября по декабрь 2014 г. в трех крупных вузах г. Екатеринбурга (Уральский институт управления РАНХиГС, Гуманитарный университет, Уральский федеральный университет). Исследование проводилось с целью определения отношения к религиозной вере, роли религии в современном обществе и её значимости для молодого поколения, а также для выявления самоидентификации молодежи и факторов, влияющих на их религиозную принадлежность.

Исследование проводилось методом анкетного опроса. Среди студенческой молодежи Свердловской области большинство составляют женщины (70%). Анализируя возрастные группы, наиболее представительны выглядят когорты до 20 лет (70%) и от 21 до 25 лет (20%). В выборке представлена студенческая молодежь, преимущественно проживающая в г. Екатеринбурге (92% от числа опрошенных). Большинство респондентов из вполне материально обеспеченных семей – 58% – ответили, что в их семье денег достаточно (могут приобрести бытовую технику, но покупка квартиры или машины пока не возможна).

Иерархия ценностей опрошенных студентов представлена следующим образом – наиболее значимыми для современной студенческой молодежи являются: здоровье; семья, рождение и воспитание детей; любовь; друзья; честность, порядочность в отношениях между людьми. Среди наименее значимых ценностей – вера в Бога и религия (веру в Бога на 9 место по значимости поставили 34,3%, а религию поставили на 10 место 40,4%), что подтверждает широко распространенное мнение о невысокой значимости религии для такой подгруппы в рамках социальной молодежной группы, как студенчество.

3.

В ходе исследования респондентам предлагалось определить свою конфессиональную принадлежность. Полученные ответы распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных).

Таблица 1

«К какому из религиозных направлений Вы себя причисляете?»

Православие	46,4%
Мусульманство	4,2%
Представители других религиозных направлений	2,2%
Ни к какому	42,4%
Затрудняюсь ответить	4,8%

Среди опрошенных наиболее часто встречаются представители таких религиозных конфессий, как православие (46,4%), мусульманство (4,2%), к другим религиозным направлениям отнесли себя 2,2% опрошенных, 4,8% затруднились ответить, а 42,4% вообще не идентифицируют себя с какой-либо конфессией. Такое большое количество приверженцев православной религии можно объяснить историческими традициями, в какой-то степени даже модой на православие, для кого-то русский и православный являются синонимами. Вполне возможно, что большинство студентов самоидентифицирует себя с православной религией, так как в детстве прошли обряд крещения (крещеный значит православный), само собой это было не их личное решение, а воля родителей или родственников. В данной ситуации определяющим фактором является семья, родители. Респондентам было предложено охарактеризовать, каких взглядов придерживается ваша семья и родственники – 62% студентов из группы верующих подтвердили, что их семья и родственники придерживаются в основном религиозных взглядов. Интересным является еще и тот факт, что среди опрошенных очень высок процент тех, кто не отнес себя ни к какому из предложенных религиозных направлений. Это свидетельствует о том, что 42% студентов с мировоззренческой неопределенностью, то есть они себя не могут отнести к какой-то определенной религии, это те, кто не считают себя верующими, и не считают себя атеистами. Именно эта группа сегодня выступает самой интересной

для различных религиозных организаций, именно с ними и стоит работать, проводить миссионерскую деятельность.

Интересными нам представляются результаты ответов на вопрос о влиянии различных факторов на выбор религиозного направления, то есть, из-за чего был сделан выбор в пользу того или другого религиозного направления. У большинства опрошенных на данный выбор повлияли родители (45,8%), а также жизненная ситуация (потеря близких, проблемы со здоровьем, проблемы в общении с окружающими др.) – 7,2%. В целом можно сказать, что чаще всего молодежь обращается к религии в моменты горя, сложных жизненных ситуаций. Никто не обращается по какому-то счастливому или радостному поводу, что подтверждается результатами опроса. Вопрос о причине обращения к религии – довольно личный, и поэтому многие оставили его без ответа. Среди тех, кто все-таки пояснил причину, наиболее часто встречаются следующие ответы: смерть близкого человека (родственника, друга и др.) – 10% ответивших выбрали этот повод; проблемы родных и близких со здоровьем (6%); трудности в учебе (сложные экзамены, поступление, сессия) – 2,4% от общего числа ответивших.

Как правило, среди людей, считающих себя верующими (чаще у православных, реже у мусульман и др.), крайне мало тех, кто соблюдает хотя бы основные предписания. В исламе посещение пятничной молитвы является обязательной, также необходимо посещать мечеть и по всем основным праздникам; православному христианину предписано посещать храм каждое воскресенье и во все великие праздники. По данным проведенного опроса, среди студентов Свердловской области ситуация выглядит следующим образом (процент от общего числа опрошенных).

Таблица 2

«Как часто Вы посещаете храм, мечеть, молельный дом и др.?»

1) Верующие

Раз в месяц и чаще	7,7%
Один раз в два или три месяца	33,3%
Один раз в полгода	17,9%
Один раз в год и реже	30,8%
Не посещаю	5,1%
Затрудняюсь ответить	5,1%

2) Неверующие

Раз в месяц и чаще; один раз в два или три месяца; один раз в полгода	0%
Один раз в год и реже	20,0%
Не посещаю	80,0%
Затрудняюсь ответить	0%

3) Атеисты

Раз в месяц и чаще; один раз в два или три месяца	0%
Один раз в полгода	8,3%
Один раз в год и реже	16,7%
Не посещаю	75,0%
Затрудняюсь ответить	0%

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов либо вообще не бывают в храме, мечети, либо посещают его очень редко, причем, если можно так выразиться, совсем не с религиозными целями. Храм, мечеть, молельный дом и др. посещают один раз в два или в три месяца 17,5% от общего числа опрошенных, 29% посещают один раз в год и реже, и 30% не посещают вообще. Эту группу студентов правильнее обозначить термином не «прихожане», а «захожане», используемым протодиаконом Русской Православной Церкви, профессором Московской духовной академии Андреем Кураевым [1, с. 193].

В качестве причин, по которым студенты ходят в храмы, мечети, молельные дома и др., 34% отметили желание помолиться (в тяжелой жизненной ситуации); желание хотя бы ненадолго отвлечься от повседневной суеты (21%). Храмы, мечети, молельные дома и др. посещают во время «больших» религиозных праздников 20,5% опрошенных; еще одной причиной является необходимость совершения религиозных обрядов, связанных с созданием семьи, рождением детей и похоронами (20%). Для современной студенческой молодежи достаточно модным стало венчание в церкви, но относятся к нему не как к религиозному, культовому действию, а скорее как к продолжению свадебных и брачных церемоний.

Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что для молодых людей храм, мечеть, молельный дом и др. являются каким-то отдельно существующим

миром, отошедшим от мирских проблем, сложностей, миром спокойствия. Именно этим и объясняется такой высокий процент студентов, которые храм воспринимают как место, где можно отвлечься от суеты. Интересным является и тот факт, что студенты, которые редко, нерегулярно посещают храм изъявляют готовность и желание помолиться в тяжелой жизненной ситуации или же в преддверии важных религиозных праздников. Что же касается совершением обрядовых процедур, то это в большей степени свидетельствует всего лишь о возрождении традиции.

Примерно та же тенденция имеет место и при анализе частоты посещения различных религиозных мероприятий. Регулярно участвуют в праздниках, организованных религиозными объединениями всего лишь 6% опрошенных и 28%, от общего числа опрошенных, посещают их от случая к случаю. В культурных мероприятиях молодые люди участвуют еще с меньшей охотой. Всего лишь 24% посещают подобные мероприятия от случая к случаю и более 70% не посещают их вообще. Гораздо чаще молодые люди участвуют в благотворительных мероприятиях (54%). Интересным является тот факт, что многие не отождествляют благотворительные мероприятия с религией, это больше олицетворение светской формы благотворительности. В то же время именно религиозные объединения часто являются инициаторами различных благотворительных акций, и участие в них молодежи расценивают как определенную возможность последующего её привлечения к более активным религиозным практикам. Если говорить об эмоциональной составляющей участия в религиозных мероприятиях, то для 48% опрошенных это приносит умиротворение, для 39% надежду на божественную помощь в светских делах и для 36% – гармонию с окружающим миром и самим собой.

4.

Для определения, на сколько совпадают представление в религиях о том, что является греховным, с тем, что понимают под этим студенты, мы попросили их классифицировать различные поступки по принципу разделения их на «практически не грех», «грех средней тяжести» и «тяжкий грех». Ответы распределились следующим образом (в числителе – процент от общего числа опрошенных; в знаменателе – процент от верующих):

Таблица 3

«Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд, являются грехом?»

1) «тяжкий грех» убийство самоубийство аборт	94 / 96,2 73,5 / 81,8 62 / 67,1
2) «грех средней тяжести» проституция измена жене, мужу употребление легких наркотиков пьянство	46,4 / 52,6 50 / 54,5 41,6 / 43,4 54,2 / 57,9
3) Практически «не грех» гомосексуализм ложь в личных интересах употребление нецензурной лексики развод в семье курение посещение стриптиз-бара половые отношения до вступления в брак для девушки половые отношения до вступления в брак для юноши	41,6 / 37,3 49,4 / 49,4 68,7 / 56,6 48,2 / 48,7 68,7 / 64 76,5 / 72 71,1 / 66,2 78,9 / 77

Для современной верующей молодежи убийство, самоубийство, аборт (относящиеся к разряду преступлений и серьезных проступков, осуждаемых обществом) определены как тяжкий грех большинством наших респондентов. Но, с другой стороны, отношение студентов, например к употреблению легких наркотиков, проституции, пьянству, носит уже не столь категоричный характер. Это может свидетельствовать о том, что влияние светских взглядов берет верх над влиянием религиозных. В ближайшем будущем отношение к данным поступкам может измениться и стать еще менее осуждаемыми или же даже допустимыми. И как сейчас для студентов в порядке вещей такие практики, как развод в семье, половые отношения до вступления в брак, посещение стриптиз-бара, употребление нецензурной лексики, курение и т.д. Некоторые даже замечают, что гомосексуализм является больше психологическим отклонением, нежели грехом. Большинство молодых людей руководствуются в жизни светскими

нормами, чем религиозными (52% от общего числа опрошенных считают, что в повседневной жизни нужно руководствоваться светскими нормами), что в какой-то степени и объясняет определение некоторых грехов как всего лишь проступки. Анализируя полученные данные, можно говорить о том, что несмотря на то, что существуют отличия в оценке различных поступков студентами верующими, неверующими и атеистами, при этом в целом взгляды всех этих подгрупп мало соответствуют религиозным. Это также свидетельствует о сглаживании различий в представлении о грехах между представителями разных конфессий и дает перспективу для их сотрудничества.

Проведенное эмпирическое исследование свидетельствует о том, что говорить о религиозном подъеме среди студенческой молодежи преждевременно, религиозность не является характеристикой массового сознания этой подгруппы. Мы можем лишь фиксировать постоянное увеличение количества религиозных объединений, духовных школ и религиозных средств массовой информации как печатных, так и телевизионных и т.д. Результаты исследования подтверждают, что религиозность тех, кто считает себя верующим, часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью [2]. Молодые люди идентифицируют себя с той или иной религией не на основе приверженности во взглядах, а по принципу близости к тому народу, к которому они себя причисляют.

1. Костина, Н.Б. Влияние идей и норм православия на взгляды и практики уральской молодежи: результаты эмпирического исследования [Текст] / Н.Б. Костина, Б.С. Павлов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 183–190.

2. Мчедлов, М.П. О религиозности российской молодежи [Текст] / М.П. Мчедлов // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 107–111.

3. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46180> (дата обращения: 20.09.2015).

References

1. Kostina, N.B., Pavlov, B.S. (2015) Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, № 2 (35), pp. 183–190 [in Rus].

2. Mchedlov, M.P. (1998) Sociologicheskie issledovaniya, № 6, pp. 107–111 [in Rus].

3. Official'nyj sajt Prezidenta RF. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/46180> (accessed: 20.09.2015) [in Rus].

UDC 316.346.32-053.6

ATTITUDE OF YOUNG STUDENTS OF SVERDLOVSK REGION TO RELIGION

Antonova Oksana Igorevna,

Urals Institute of Administration – branch of RANEPa,
The Chair of Theory and Sociology of Management
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: oksana.antonova@uapa.ru

Gafiyatullina Ksenya Ruslanovna,

Urals Institute of Administration – branch of RANEPa,
The Chair of Theory and Sociology of Management,
Post Graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ksenia.gafiyatullina@uapa.ru

Kostina Natalya Borisovna,

Urals Institute of Administration – branch of RANEPa,
The Chair of Theory and Sociology of Management,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of attitude of young students of Sverdlovsk region to religion, religious practices, their influence on unreligious practices and young students' ideas. The given aspects are considered on the basis of empirical researches in three largest higher educational establishments of Yekaterinburg.

Key concepts:

studentship,
religious behavior,
religious consciousness,
attitude of students to religion.

УДК 30.304.9.

МИФЫ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются природа и основные черты мифа, их выражение в современных идеологических мифах. Анализируются тенденции мифологизации идеологии и политики в современной России.

Ключевые понятия:

миф,
идеология,
власть,
политика.

В 2009 г. была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Спустя три года Комиссию распустили, пусть и запоздало, отреагировав на очевидную нелепость ее названия. Но сама проблема «фальсификации» истории никуда не исчезла.

Один из вариантов ее решения описал Дж. Оруэлл, характеризуя деятельность Исторического Отдела (подразделения Министерства Правды), главной задачей которого была тотальная идеологическая обработка населения путем ежедневного переписывания истории. Единство общества и государства обеспечивалось благонадежностью, означающей отсутствие сознания, отсутствие потребности думать. Для этого «...процесс непрерывных изменений применялся не только к газетам, но также к книгам, журналам, брошюрам, плакатам, листовкам, фильмам, звукозаписям, карикатурам, фотографиям – словом, к любой литературе, к любым документам, которые могли иметь хоть какое-нибудь политическое или идеологическое значение. Каждый день, практически каждую минуту прошлое приводилось в соответствие с сегодняшним днем» [4, с. 35]. Антиутопия Оруэлла в чистом виде раскрыла механизм идеологической легитимации политического режима в тоталитарном государстве.

Оруэлл снова становится актуален в связи с попытками реставрации в современной России времен «морально-политического единства партии и народа». Об этом свидетельствуют попытки реабилитации Сталина, отрицания секретного приложения к пакту Молотова–Риббентропа, катынского расстрела и многие другие, иногда «геростратовские» инициативы, восстанавливающие мифологию советского авторитаризма. Об этом говорит и новая «старая» риторика политических деятелей, чиновников, СМИ. В ходу ярлыки «пятой колонны», «иностранных агентов», «национал-предателей». Складывается впечатление, что лишь тонкая грань отделяет от ворот в обиход термина «враг народа».

Происходящее убеждает, в первую очередь, в одном – углублении кризиса власти, пытающейся компенсировать провалы в управлении, не говоря уже о модернизации общества, максимальной политико-идеологической поддержкой населения России. Испытанное средство легитимации власти – мифология, с помощью которой сакрализуют вполне утилитарные цели. Публичная святость современных мифов

призвана объединить общество, их внутренняя интенция – оправдать коррупцию высших эшелонов власти, произвол силовых структур, грабительскую приватизацию и т.д.

Мифы, модифицируясь и видоизменяясь, сопровождают всю человеческую историю – от архаики до сегодняшнего дня. Политические коллизии последних лет подтверждают важную роль мифологических сюжетов в политической риторике, пропаганде и информационных войнах. Более того, кризисное состояние общества (нестабильность, социально-психологическая растерянность и тревога, отсутствие ясных ценностных ориентиров и т.п.) активизирует мифологическое мышление. Реставрируются старые и создаются новые мифы. Мифологизация массового сознания и политической идеологии ведет к весомым практическим последствиям, вызывающим неоднозначные оценки – от превосходных до негативных.

Позитивный подход опирается на идею Г. Лебона о национальной мифологии как «душе народа». Здесь миф выступает основой формирования и жизни национально-самосознания, он создает солидарность народа и государства, наполняет смыслом жизнь отдельного человека. Исторические события становятся значимыми для потомков и передаются эстафетой поколений, будучи вписаны в структуру национального мифа. «Мифология нации – это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее «крови» и «почвы», это аллегорическая автобиография нации» [5, с. 84]. Этот образ включает в себя и исторический пантеон национальных героев, и определенную версию национальной истории.

Мифы превращают события и персоны в кумиров, в ценности, вызывающие или преклонение и возвышенный пафос, или внушающий ужас и ненависть. В известном смысле история народа – это миф, создаваемый им о самом себе, а исторические события – строительный материал для мифа. Как отмечает Г.С. Полосин, «народ является единственным и подлинным субъектом мифотворчества, поскольку произвольно рожденная элитой символическая история может стать мифом только в случае и по мере своего общественного признания в качестве истинной иносказательной истории» [5, с. 32]. Отличия одного народа от другого, в конечном счете, фокусируются в мифотворчестве, выражающем его национальную идентичность. Оно служит залогом его существования в истории, вос-

производится как историческая традиция. Особую роль в национальной мифологии играет представление общества о своей исторической миссии и месте в истории, становящееся национальной идеей. Тем самым национальная мифология становится основным духовным стержнем полнокровной жизни народа.

В этом подходе к мифу полно выражены возвышенный, героический пафос органического единства народа и государства, единства в их истории побед и свершений. Но, как не бывает истории без триумфов и достижений, точно так же не бывает истории без поражений и позорных пятен. Замалчивание или искажение исторической правды мифами ведет к беспамятству, обреченности на повторение ошибок прошлого, ведущих к трагическим коллизиям. Дорогой платой оборачивается следование за историческими миражами, а прошлое, превращенное в мавзолей, омертвляет культуру и лишает общество поступательной динамики. Чувство утраты стабильности и цельности социальной жизни порождает бессознательное стремление обрести в будущем далекое прошлое – «золотой век»; желание придать осмысленность настоящему, вернуть социальный и личный комфорт, продуцирует мифотворчество. Мифы начинают кодировать представления, связанные с высшими ценностями, и полностью подчиняют весь опыт личности и общества безусловному, то есть, исключающему какое-либо сомнение господству Абсолюта. Возникает парадокс: рационализации повседневности, «расколдовыванию» современного мира противостоит «реинкарнация» мифологии, сакрализующей вполне утилитарные цели. Эта сакрализация нацелена на гармонизацию отношений государственного целого и личности, социальных групп и слоев, путем клиширования смысловых связей и подавления критических функций сознания. При этом сужаются возможности творческого развития, отнимается свобода самоопределения человека по отношению к любой социальной и политически значимой ситуации.

Именно поэтому, рассматривая сохранение мифологии в культуре как рудимент традиционного общества, А.С. Ахиезер давал негативную оценку мифологизации общества. Он считал, что в критических ситуациях жизни государства именно благодаря мифологии отбрасываются и разрушаются более высокие формы культуры и соответствующие им общественные от-

ношения. В его трактовке структурообразующим фактором формирования мифов (и массового сознания) является инверсия, противостоящая как форма мышления и поведения рационализму либеральной цивилизации [1, с. 192–193]. Смыслообразование инверсии заключены в рамки абсолютизации противоположностей (без попыток их примирения), персонификации Зла и Добра, оборотничества мира («все превращается во все»), монолога как способа воспроизводства культуры. Все эти (и многие другие) черты традиционной, мифологизированной культуры противоположны медиации как способу создания «срединной», диалогической культуры демократического гражданского общества. Другими словами, в этой концепции миф как этап и форма культуры сведен к эмоциональной, бессознательно-иллюзорной стороне жизнедеятельности людей.

«Просветительская» трактовка мифа как иллюзии сегодня значительно скорректирована. Доказано, что природа мифа не в достоверности, не в логической доказательности, мифологическая картина мира требует ее безусловного принятия на основе религиозной или квазирелигиозной веры. Отсюда – не критичность мифологического сознания, его аксиоматичность и не верифицируемость – для носителей мифа нет фактов, способных опровергнуть миф. Миф обладает принудительной силой воздействия и собственной логикой существования. Сопротивляясь рационализации, он сохраняется даже в сознании интеллектуальной элиты общества, даже при достаточно высокой степени развития самосознания общества в целом. Словом, устойчивость мифа не зависит от его «иллюзорности».

Миф игнорирует элементарные логические противоречия, упрощенно трактует мотивы поступков и причинно-следственные связи, сложность действительности подменяет схемой. Мифологическое сознание подчинено власти инстинктов, чувств и эмоций. «Мифологический сюжет, – замечал Э.Я. Голосовкер, – независимо от того, имеем ли мы дело с эпической или драматической традицией, и есть воображаемая, имагинативная действительность, выражающая смысл всего существующего с его чаяниями, страстями... Цель жива и скрыта в самом смысле мифа. Но система отношений и связей в этой воображаемой, имагинативной действительности иная, чем в действительности, к которой прилажен наш здравый смысл...

категории, лежащие в основе логики воображения, будут иными, чем категории формальной логики здравого смысла» [2, с. 18, 19]. Например, в конце апреля 2015 года Непал постигло ужасающее по своим масштабам и человеческим жертвам землетрясение. Непальцы случившееся прочно связывают со стриптизом, которые устроила группа европейцев во время спуска с Эвереста, тем самым разгневав духов гор. Е. Шейгал обращает внимание на обстоятельство, отмеченное Б.Ю. Норманом, – крейсер «Аврора» стрелял из одного орудия, но официальная пропаганда и система образования создали стереотип: начало новой эры озаменовано залпом «Авроры». Обыденный выстрел с помощью универсального лингвистического механизма мифообразования – гиперболизации, превратился в торжественный залп! Развивая эту мысль, автор отмечает: «...в данном случае имела место не только денотативная (один – много), но и коннотативная гиперболизация (индуцирование и усиление эмотивности). Все это, вместе с переключением стилистического регистра и изменением тональности (обыденная – возвышенная), способствовало формированию идеологической коннотации («наш»): «наш» залп «Авроры» известил о начале «нашей» революции» [6, с. 135].

Миф иррационален, поскольку в его содержании из двух противоречащих суждений оба могут быть истинными и оба могут быть ложными одновременно. Более того, между ними может быть нечто третье, семантически не редуцируемое к противоположностям. Таковы не только архаические, но и современные мифы, соединяющие в единое целое Ленина – организатора террора против духовенства, и православную Церковь.

Идеология «заимствует» у мифа его важнейшее свойство – переживая миф, индивид принимает участие в его воссоздании, в интеграции общности, в воплощении идеала, несущего программу ликвидации конфликтов и противоречий, предотвращения инакомыслия и девиантного поведения. Поэтому основная функция идеологического мифа – служить инструментом адаптации к противоречиям общества социальных групп, не способных рационально воспринимать социальную действительность и анализировать сложные ситуации.

Программируя специфическими кодами нужные типы социальных коммуника-

ций, идеология «симулирует» реальность, создает матрицу predeterminedных выборов и предпочтений. В идеологическом структурировании социальной действительности функцию кодирования выполняют именно мифы – главные инструменты превращения публики в «некритично мыслящую массу».

Массы, не готовые, и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифологем. Долговременный характер действия политических мифов обусловлен изощренным использованием полуправды или полулжи. В некоторых случаях они базируются на откровенных подделках, но богатство исторических сведений позволяет произвольно интерпретировать и подлинные факты. Инфантильное массовое сознание под воздействием чувств и эмоций разной природы (страх, беспомощность, месть, ненависть и т.д.), спонтанно реагируя на события, неспособно различать реальность и вымысел. Вот почему мифологическому сознанию бессмысленно предъявлять упрек в неусвоенных уроках истории.

Интенции массового сознания подхватываются идеологами, профессионалами, умеющими создавать и толковать аллегории, гиперболы, лжемифы. С их помощью происходят трансформации социального опыта в коллективной памяти общества, украшающие или камуфлирующие идейные основы социального неравенства, закрепленного государственным принуждением, в том числе и насильем. Аналогичным образом действуют и идеологи социального протеста, разумеется, с другим ценностно-смысловым вектором своих идей. Правда, у «придворных» мифологов есть несомненные преимущества – политические и технические, для распространения своих версий исторических событий и персонажей.

«Крымский консенсус» временно оттеснил протестную мифологию на периферию. Из публично-политической риторики практически исчезли мифологемы «демократии», «правового государства», «гражданского общества». Концепт «прав и свобод человека» все чаще подвергается разгромной критике как цивилизационно чуждый России. Вытесняется на периферию едва начавший формироваться ресурс гражданской активности и деформируется представление о ценностях, составляющих понятие «гражданин», которое ещё несколько лет назад имело вполне реали-

стичное содержание, о чём свидетельствовали данные социологических опросов [З. С. 69]. В подобном положении нет ничего сверхъестественного, это реальность, которую невозможно радикально изменить или ликвидировать. Германии понадобилось второе сокрушительное поражение в мировой войне для преодоления идеологических мифов тевтонизма с их агрессией и идеями военного реваншизма. Национальное покаяние за чудовищные преступления нацизма послужило залогом демократического и правового развития немецкого государства и преодоления «Веймарского» комплекса.

Теперь похожий опыт предстоит пережить нам. Предсказанная рядом теоретиков угроза появления «Веймарской» России сбылась. Появилась страна, униженная поражением в «холодной» войне, потерявшая значительные территории, потерпевшая развал экономики, крах ценностей и идеалов.

Национальное унижение всегда болезненно, сопровождаясь острым чувством утраты прежней гармонии Космоса национальной культуры. Оно создает мощную потребность в национальном самоуважении и самоидентификации, определении друзей и врагов во внешнем окружении.

«Реформаторам» не удалось создать конструктивную мифологию модернизации общества, сочетающую ценности и идеалы прошлого и будущего, объединенные вектором созидания, человечности и личного развития. Либеральный миф быстро обнаружил плохую приживаемость на российской «почве», мифологическое сознание обратилось к прошлому. Ответом на разрушительные последствия бездумного заимствования подонков западной культуры и отвержения творческих начал отечественной культуры стала консервативная реакция. Отвечая на потребность в самосохранении национальной культуры, она, в силу преимущественно инверсионного характера отечественной культуры, приобретает знакомые охранительные черты.

Поэтому вполне закономерно из глубин истории начинает подниматься и дает о себе знать застарелый невроз своеобразия, постепенно восстанавливающий привычную мифологическую форму. Первоначальная психология «избранной общей травмы» сменяется психологией «избранной общей славы», мифологизирующей действительные или мнимые исторические события триумфа над врагом. В ней

все явственнее проступают типичные черты идеологии и массового сознания общества «сорванной» модернизации. Подчеркнем, пока они существуют в виде тенденций, но фактов, свидетельствующих об их неслучайности, становится все больше.

Во-первых, это приоритет прошлого перед настоящим, особенно рельефно проявившийся в праздновании 70-летия Великой Победы. Сакральный смысл колоссальных человеческих потерь и невероятного напряжения народа, того, что справедливо называется подвигом народа в Великой Отечественной войне, оборотной стороной торжеств имеет явное подтверждение единства власти и общества как в прошлом, так и в настоящем. Неявное же обнаруживается в единичных (пока) попытках запретить обсуждение цены Победы. Речь идет о том колоссальном количестве жертв, обусловленных массовыми репрессиями в армии, обезглавившими ее, бездарной попыткой переиграть Гитлера в предвоенный период и многим другим. Перенос акцента в мифологии войны только на Победу (а не на окончание войны) означает фактическую реабилитацию Сталина. Реабилитация Сталина открывает оправдание государственного террора и мифа о мудром государственном вожде, победителе в войне, «эффективном менеджере». Противоположный взгляд о Сталине как параноике, убийце и организаторе массового террора, уничтожавшего собственный народ, становится «очернением» истории.

Героизация истории свидетельствует, помимо прочего, об отсутствии у властвующей элиты проекта будущего, целеполагания духовных и социальных практик поступательного развития общества. Сакральность же народного подвига служит верным средством подавления оппозиции, диссидентов, ученых как святотатцев и кощунников. Здесь снова уместно вспомнить Дж. Оруэлла и приемы тотальной и безжалостной пропаганды «ангосоца». Герой «1984» Уинстон достает с полки бутылку бесцветной жидкости с простой белой наклейкой («Джин Победы»), вытаскивает сигарету из смятой пачки (они также назывались «Победа»), «из какого-то подъезда пахло ароматом настоящего кофе, не кофе «Победа» [4, с. 10, 65].

Во-вторых, это возврат к традиционно доминированию государства над личностью, предпочтению государственности (высшей формы социального единства) перед иными формами социальной са-

моорганизации гражданского общества. Отсюда же – превосходство самобытной «почвы» по отношению к рационализму и универсализму интеллектуальной элиты.

В-третьих, это реставрация идеи исключительности собственного государства (нации, народа, религии, истории и т.д.), в крайних случаях доходящая до идеи богоизбранности. Культивирование собственного совершенства и безупречности происходит через сложные культурно-психологические механизмы, через систему прямых, косвенных и обратных средств и приемов, приобретающих агрессивную форму. Энергетика этой идеи создается и подпитывается убеждением в деградации творческих сил нации (государства, цивилизации) соперника. Собственная духовная уникальность стандартно противопоставляется утилитаризму или извращенным моральным принципам экономическим и технологически доминирующей цивилизации Запада. По отношению к менее развитым государствам собственное превосходство рассматривается как само собой разумеющееся.

Наконец, пусть и в более слабой форме, чем коммунистическая идея, проследивается попытка снова обосновать мессианскую и эсхатологическую утопию спасения мира в целом, удивительным образом сочетающуюся с пренебрежением к каким-либо практическим действиям по преобразению собственной страны.

Социальный идеал как должное не может быть выведен из сущего, он утверждается моделями мифологического мышления. Но мифы вечны и неизменны только в застойном обществе, современная мифология может и должна соотноситься с историческими фактами, при необходимости переоценивать свои символы и ценности. Исходя из безусловной идеи о губительности лжи, сомнительных чудес или проповеди собственной непогрешимости для «уважающей себя религии», В.С. Полосин ставит принципиальные вопросы: «Может ли пострадать вера во Всемогущего Бога от того, что верующий, обратясь к подлинной истории, установит, что благословение Православной Церкви князю Московскому Димитрию на Куликовскую битву – идеологический миф? Зависит ли вера в Бога от того факта, что князь посетил обитель св. Сергия до начала похода Мамая, а на битву вышел, будучи отлученным от Церкви митрополитом всея Руси Киприаном с проклятием, как Лев Толстой или Глеб Якунин? Не пострадает вера во

Всемогущего Бога и от того, что верующий узнает, что праздник Покрова Богородицы установлен в честь убийства русских воинов и поражения Руси, ибо праздники устанавливает не Бог, а жреческая каста» [5, с. 14].

Национальная мифология, обеспечивая духовное единство народа и государства, устремленная в будущее, не может опираться на заведомую ложь и практики ксенофобии, преследования инакомыслящих, романтизации социальной отсталости, оправдания государственной политики изоляционизма.

В ином случае очередная утопия способна привести российское общество к жестокой и трагичной развязке.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь) [Текст] / А.С. Ахиезер. Том III. М.: Изд-во ФО СССР. 1991. XXXIX. 470 с.

2. Голосовкер, Э.Я. Логика мифа [Текст] / Э.Я. Голосовкер. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 218 с.

3. Зырянов, С.Г. Гражданское общество в современной России: состояние и перспективы развития (региональный аспект): Монография [Текст] / С.Г. Зырянов, О.В. Осипов. Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2010. 194 с.

4. Оруэлл Джордж. 1984. Скотный двор. Сказка [Текст] / Джордж Оруэлл. Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. 394 с.

5. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство [Текст] / В.С. Полосин. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

6. Шейгал, Е. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. Шейгал. М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. 326 с.

References

1. Ahiezer, A.S. (1991) Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnyj slovar'). Tom III. M.: Izd-vo FO SSSR. XXXIX, 470 p. [in Rus].

2. Golosovker, Je.Ja. (1987) Logika mifa. M. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 218 p. [in Rus].

3. Zyrjanov, S.G., Osipov O.V. (2010) Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennoj Rossii: sostojanie i perspektivy razvitiya (regional'nyj aspekt), Cheljabinsk: Cheljabinskij institut (filial) FGOU VPO «Ural'skaja akademija gosudarstvennoj sluzhby», 194 p. [in Rus].

4. Orujell Dzhordzh (1992) 1984. Skotnyj dvor. Skazka. Perm': Izdatel'stvo «КАПИК», 394 p. [in Rus].

5. Polosin, V.S. (1999) Mif. Religija. Gosudarstvo. Moscow, Ladomir, 440 p. [in Rus].

6. Shejgal, E. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa. Moscow, ITDGC «Gnozis», 326 p. [in Rus].

UDC 30.304.9.

MYTHS IN IDEOLOGY AND POLITICS

Ershov Yuriy Gennadyevich,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration (branch),

Head of the Chair of Philosophy and Politology,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation

The author studies the nature and main characteristics of a myth and their manifestation in up-to-date ideological myths. The tendencies of mythologizing ideology and politics in contemporary Russia are analyzed.

Key concepts:

myth,
Ideology,
power,
politics.

УДК 141.201

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МИРА

Ашимова Виктория Анатольевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления (филиал),
доцент кафедры
философии и политологии,
кандидат философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена кризису релевантного описания дискретных и паралогичных процессов мира, который подробно представляет в гуманитарном дискурсе постмодернизм. «Смерть автора», цитатность, нарратив и мифологичность – это те ключи, с помощью которых постмодернизм вскрывает процесс «олитературирования» мира, что приводит к абсурдности повседневности и анонимности.

Ключевые понятия:

постмодернизм,
цитатность,
описание,
миф,
нарратив.

Сама идея – во всем найти порядок и смысл, обосновать первопричину – вызывает сегодня обвинения в онто-, фоно-, фалло-, тео-, телео-, логоцентризме, метафизичности, а также попытке загнать многосложный мир в «прокрустово ложе» бинарностей. Ученые отстаивают тезис об ошибочности любого прочтения, претендующего на окончательную, абсолютную истину, отрицают возможность единственно правильной интерпретации, однозначного понимания противостоящего сознанию объекта, и в результате вынуждены признать, что наука сама по себе не более рациональна, чем любой вид человеческой деятельности.

И если в естественных науках пробабилистский стиль мышления и всепроникающего релятивизма задают постпозитивисты, то в социально-гуманитарных науках – постмодернисты, которые проблему любого дискурса сводят сугубо к языковой, поэтической, литературной. После хайдеггеровских «Язык – дом бытия» и манеры играть неологизмами деконструкция «Нет ничего, кроме текста!» Ж. Деррида и шизоанализ «Все в конечном счете – политика!» Ж. Делеза стали своего рода визитными карточками постмодернизма, ее ключевыми, методологическими принципами. В постструктуралистско-деконструктивистской проблематике толкования отметилась даже феминистская критика, начиная с Гертруды Стайн, отказавшейся ставить знаки препинания с тем, чтобы не лишать читателя роли соавтора [9], и заканчивая Юлией Кристевой, которая, активно занимаясь мифотворчеством, определяет женское начало как пространство, место не только литературы, но и истины (под предлогом, что литература и истина – понятия женского рода) [6, с. 143].

Проблему двойственности и даже безличности, «сингулярности» (Ж. Делез) описания, прежде всего, представляет концепция «смерти автора» Р. Барта (хотя и раньше об этом писали, однако именно Барт оформил ее так, что она стала классикой постмодернистской мысли): «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность» [4, с. 384]. Таким образом, из текста мы никогда не узнаем: 1) думает ли автор действительно так, как он об этом говорит; 2) кому принадлежит высказывание – самому автору или его герою, ибо этого требуют законы жанра,

описание настроения сюжета; 3) передает ли адекватно текст мысли автора, ибо то, что «хотел» сказать автор, его замысел и то, что «получилось» на выходе, зачастую, не тождественно; 4) и даже, более того, произведение может изменяться даже для самого автора, когда письмо начинает писать автором, а не наоборот. Если о чем-либо рассказывается ради рассказа, ради самой истории (даже не ради того, чтобы произвести впечатление на публику, потрясти ее воображение истиной, красотой или откровением), то от автора уже ничего не зависит, он есть лишь орудие, инструмент для письма как такового, ибо язык говорит через автора, использует его. Получается, что панъязыковое мышление не способно сформулировать, оформить свои психические движения, не умеет или даже не желает этого делать, что, к удивлению, только усиливает успех эпатажной литературы постмодернистского дискурса.

Вообще надо признать, что «удаление автора» выгодно всем. Во-первых, самому автору – ему больше не надо объяснять, стараться донести до читателя тот единственный смысл, который он имел в виду, ибо текст оставляется как место, открытое для читательского понимания, для его личных смыслов и ассоциаций: «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический, смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. ...Он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде; в его власти только смешивать разные виды письма» [4, с. 388]. Во-вторых, «удаление автора» удобно читателю, который становится соавтором; тем, кто додумывает смысл, понимает текст в зависимости от своей психологии, культуры, воспитания. И критику, в-третьих, «удаление автора» также кстати, – ему есть чем заняться, а именно, искать автора с тем, чтобы наделить произведение определенным окончательным смыслом и возложить ответственность за содеянный текст, письмо, на кого-то конкретного.

Далее, «смерть автора» еще раз обнаруживает и иллюстрирует фундаментальную, или онтологическую (если такие категории еще уместны в постмодернистском контексте, тезаурусе), сущность текста эпохи постмодерна – цитатность. Текст

представляет собой совокупность цитат из бесконечного множества памятников культуры всевозможных стилей и направлений, происходящих из других времен и цивилизаций и, соответственно, вступающих друг с другом в диалог, а то может быть и в спор, пародию или подражание, ибо уже многое сказано, всегда идет отсылка к цитате прошлого и что-то принципиально новое сказать почти невозможно. Если человек укоренен в языке, то он сам по себе также цитатен, состоит из цитат. К примеру, футболка с афоризмом Ницше, прическа, как у злодея какого-нибудь космического блокбастера, очки, как у Элтона Джона, а одет, как самурай, и танцует, как Элвис Пресли! Как известно, новое – это хорошо забытое старое, цитата в новых условиях может звучать по-другому, то, что раньше не было воспринято, в другое время окажется блестящей мыслью. Читать между строк или, так сказать, *ad marginem*, что означает с латыни «на полях», «по краям» – таков призыв постмодернизма! И проблема здесь видится уже не в том, чтобы жонглировать цитатами, *а из всего этого хаоса и мозаичности суметь выстроить, прописать собственную речь и уникальное письмо, не сравнивая себя с другими цитатами и не откликаясь на иллюзорность и исчислимость разнообразного сущего!*

Тема «удаления автора», но несколько под другим углом, Р. Бартом интересно представлена и в другой его работе, в «Миф сегодня», где идеология «сегодня» определяется как современная мифология: «Буржуазная идеология постоянно преобразует продукты истории в неизменные сущности; подобно тому, как каракатица выбрасывает чернильную жидкость в целях защиты, так и буржуазная идеология все время пытается затушевать непрерывный процесс творения мира» [3, с. 126]. Мифы, как и идеология, вездесущи, они проникают всегда и везде, создавая некий зыбкий, туманный образ мира, но который, в свою очередь, задает конкретный идеальный стандарт, к которому необходимо, должно стремиться каждому. Создается иллюзия, что так было, есть и будет, что такова жизнь, так устроен мир, природа, такова суть вещей. Все это делается только ради того, чтобы не возникло даже мысли, что можно что-то менять: «Функция мифа заключается в опустошении реальности, миф – это буквально непрерывное испарение смысла. Миф не отрицает вещей, но он очищает их, делает безобидными, находит

им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность, характерную не для объяснения, а для констатации фактов; он творит мир без противоречий, потому что в нем нет глубины, и располагает его перед нашим взором во всей его очевидности, безмятежной ясности; кажется, что вещи значат что-то сами по себе» [3, с. 112]. Таким образом, идеология – это и есть современная мифология. Как прежде, в древние доисторические времена люди рассказывали мифы о мире, о его богах и героях (может быть, это можно обозначить как партиципация или антропоморфизм), так и теперь создается идеология, которая задает всеобщие аксиологические и даже гносеологические образцы, упрощенные картины мира, где закрепляется место за человеком, где он вписан в образ действительности. Согласно классической версии, миф – это древнейшая и примитивнейшая форма объяснения мира, которая должна была отмереть с появлением более совершенных форм, таких, как религия и наука! Но так как этого до сих пор не произошло, то можно предположить, что мифологичность, стремление упорядочивать мир с помощью мифа, как-то упрощать его – априорная черта человеческого существа, а иначе как объяснить живучесть такой формы мировоззрения, как миф!?

Следует особо отметить, что постмодернизмом ставится проблема не только двойственности описания, но и подвергается сомнению существование в современных условиях смысла вообще, *ибо абсурд становится если не модой, то повседневностью!* Одной из причин тому стала деятельность масс-медиа, которые занимаются не столько уже манипуляцией, сколько мистификацией реальности, порождая в изобилии всякого рода мифологемы: «Однако фактически это стирание онтологических границ прежде всего выражается в своеобразном антииллюзионизме постмодернизма, стремящегося уничтожить грань между искусством и действительностью и опереться на документально достоверные факты в литературе, либо на реальные предметы массового потребления в живописи и скульптуре» [7, с. 220]. То, что К. Маркс, автор «Немецкой идеологии», определял как «ложное сознание», порожденное классом буржуазии, ныне исполняют и внушают СМИ. И было бы заблуждением сводить проблему к тому, что масс-медиа оплачены заинтересованными лицами, ибо абсурдность, как известно, не исчислима!

Другое, но очень похожее на вышерассмотренное, явление современного мифотворчества – нарратология, выдвигающая тезис о том, что под правдоподобные истории, рассказывающие о реальности, всегда «находятся» и факты: «только литературность любого дискурса и делает возможным надделение смыслом мира. Подобное олитературивание мира знания имело своим следствием иррационализацию результатов исследовательского анализа» [6, с. 176]! Дело в том, что поводом для «нарративного поворота» стало понимание того, что этот разорванный, мозаичный мир поддается склейке только, если о нем рассказать поэтическую историю, тогда он обретает художественный образ и цельность, что позволяет его принять, описать, познать и осмыслить: «что делают ученые, сделавшие какое-то «открытие», когда их приглашают на телевидение, интервьюируют в газетах и т. п.? Они рассказывают эпопею о знании, которое, однако, совсем неэпическое. Они удовлетворяют, таким образом, правилам нарративной игры, давление которых остается сильным не только в средствах массовой информации, но и в глубине души самих ученых. Государство может тратить много средств на то, чтобы наука могла представляться как эпопея: с ее помощью оно становится внушающим доверие, создает общественное одобрение, в котором нуждаются сами решающие лица» [8, с. 72].

Министр науки Великобритании в 1993 году был вынужден объявить конкурс на самое простое объяснение, что такое бозон Хиггса: «В профессиональных группах, занятых так называемым духовным трудом, но зависимых или же экономически несостоятельных, жаргон является профессиональной болезнью...» [1, с. 24]! Наука усложнилась, в течение одной человеческой жизни происходит смена нескольких поколений технического обстояния, что не приблизило ни к пониманию паралогичности когда-то отчужденного нами мира, ни к осмыслению собственного бытия в нем и только с технической, материальной стороны сделала нашу жизнь чуть комфортнее. Если раньше государства боролись за новые территории, а затем за сырьевые источники, то теперь за власть над информацией: «В эпоху информатики вопрос о знании более чем когда-либо становится вопросом об управлении» [8, с. 28], что, в свою очередь, позволило Д. Беллу [5] и Э. Тоффлеру [10] назвать современные общества постиндустриальными.

В повседневной жизни человек часто использует нарратив как средство придания ясного и доступного смысла окружающей реальности, следовательно, за такое качество, как объяснительность, его можно определять как форму познания. Если в науке постпозитивизма строится концепция, выдвигается гипотеза, под которую подворачиваются, подводятся цифры, то здесь придумывается рассказ, под который подгоняются действительные исторические факты и действия! Если строить синонимический ряд, то выглядеть он будет примерно так: вымысел, повествование, история, миф, легенда. Таким образом, определим нарратив как последовательность событий, объединенных единым сюжетом (по форме это может быть мировая трагедия или вечная комедия, а может унылый эпос или грубая сатира), а по ходу повествования рассказчик может отвлекаться на комментарии и строить ассоциативные ряды. *Причем разница между нарративом и мифом только в том, что когда мы создаем миф, мы отдаем себе в этом отчет, мы делаем это сознательно, а когда строим нарратив, мы делаем это бессознательно, мы интуитивно, инстинктивно запутанную и фрагментарную реальность упорядочиваем, делаем доступной, даже стереотипной!*

Демонстрируя превосходство «наррации» перед «легитимацией», законностью, научностью, Ж. Лиотар напоминает платоновскую аллегория пещеры, где люди предпочитают слушать рассказы, чем получить, освоить какое-то новое знание. *А ведь это действительно так, ибо рассказы усыпляют, убаюкивают, в то время как для освоения нового знания необходимо произвести над собой духовное усилие, посмотреть на вещи, как они есть, назвать их собственными именами!* Примечательно, что Платон даже свои «Диалоги», посвященные восхвалению научных дискуссий, выстроил в манере совсем не научного рассказа, драмы, когда спор был показан, инсценирован, а не изложен и даже не поведен: «Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию-рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оно оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку» [8, с. 74]. Таким образом, Лиотар приходит к выводу о «незаконности» нарратива, ибо последний не подчиняется ни аргументам, ни доказательству, а сознание, ментальность,

его использующая, является примитивной и основанной на мифологемах.

Такой чертой нарратива как не просто излагать события и факты, но и упрощать их воспользовался политический дискурс в связи, во-первых, с политической биографией, когда успех избирательной кампании зависит теперь от архетипичности истории кандидата, где он выступает в роли мифического героя: «Простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создает мотивационную базу для определенного политического поведения» [11, с. 90]. И, во-вторых, нарратив как альтернатива слогану, который уже утратил свою воздействующую силу, ибо избиратель, как и потребитель к рекламе, выработал определенный иммунитет.

В заключение необходимо еще отметить, что в той или иной степени другие (постпозитивизм, философская герменевтика, синергетика), иные усилия адекватно описать, осмыслить гетерогенность и процессуальность мира оказались ограниченными рамками своих же догматов и не достигли исчерпывающего результата. Ранее мы уже пытались определить философскую герменевтику как попытку релевантного описания двойственности мира: «задача философской герменевтики сегодня определить, насколько уместна, употребима, адекватна та или иная версия интерпретации, ибо это прописывается уже не сухим сводом законов смыслообразований, а чувствованием разности контекста, а может даже экзистенции, способов порождения, открывания истины» [2, с. 113] Да, все так, но откуда у философской герменевтики найдутся методы «прочувствовать разность контекста» с тем, чтобы понять истинность того или иного варианта интерпретации. И в этом смысле возможности герменевтики ограничены все тем же «сухим сводом законов смыслообразования»!

Постмодернизм не претендует на роль оракула, не ставит диагноз, и не может его ставить в силу своей убежденности в невозможности такого, но он показывает основные механизмы, манипулятивные приемы, с помощью которых мир доводится до абсурдности, что, в свою очередь, приводит к анонимности и потере ответственности. И потому, именно постмодернизм ожидаемо стал новым стилем или даже методологическим инструментом неклассической постсовременности, ибо он

обладает рядом, набором методов, которые позволяют *учитывать* не только двойственность, или множественность, реальности, но даже ее *ускользающую литературность, правдоподобность*.

1. Адорно, Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии [Текст] / Т. Адорно. М.: Канон+, 2011. 191 с.
2. Ашимова, В.А. Герменевтика как попытка релевантного описания двойственности мира [Текст] / В.А. Ашимова // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 109–113.
3. Барт, Р. Миф сегодня [Текст] / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Барт, Р. Смерть автора [Текст] / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.
6. Ильин, И. ПОСТМОДЕРНИЗМ от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа [Текст] // И. Ильин. М.: Интрада, 1998. 255 с.
7. Ильин, И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. Ильин. М.: Интрада, 1996. 255 с.
8. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.Ф. Лиотар. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Стайн, Гертруда. Что такое шедевры и почему их так мало [Текст] / Гертруда Стайн // Логос. 1994. № 6. С. 332–339.
10. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002. 776 с.
11. Шейгал, Е.И. Многоликий нарратив [Текст] / Е.И. Шейгал // Политическая лингвистика. 2007. Выпуск (2) 22. С. 86–93.

References

1. Adorno, T. (2011) Zhargon podlinnosti. O nemetskoj ideologii, Moscow, Kanon+, 191 p. [in Rus].
2. Ashimova, V.A. (2014) Sotsium i vlast'. № 4 (48), pp. 109–113 [in Rus].
3. Bart R. (1989) Mif segodnya. Moscow, Progress, 616 p. [in Rus].
4. Bart, R. (1989) Smert' avtora. Moscow, Progress, 616 p. [in Rus].
5. Bell, D. (1999) Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].
6. Il'in, I. (1998) POSTMODERNIZM ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. Moscow, Intrada, 255 p. [in Rus].
7. Il'in, I. (1996) Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. Moscow, Intrada, 255 p. [in Rus].
8. Liotar, Zh.F. (1998) Sostoyanie postmoderna. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 160 p. [in Rus].
9. Stayn, Gertruda (1994) Logos. № 6, pp. 332–339 [in Rus].
10. Toffler, E. (2002) Tret'ya volna. Moscow, ООО Izdatel'stvo AST, 776 p. [in Rus].
11. Sheygal, E.I. (2007) Politicheskaya lingvistika. Vypusk (2) 22. pp. 86–93 [in Rus].

UDC 141.201

POSTMODERNISM AS AN IDEOLOGICAL AND POLITICAL DESCRIPTION OF THE WORLD

Ashimova Viktoriya Anatolyevna,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Urals Institute
of Administration (branch),
Associate Professor of the Chair
of Philosophy and Politics,
Candidate of Philosophical Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ashimova-v@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the crisis of relevant description of discrete and paralogic processes of the world which presents postmodernism in the humanitarian discourse in detail. «The Death of the Author», citationality, narrative and mythological concept are the keys with the help of which postmodernism reveals the process of «literation» of the world which results in the absurdness of everyday life and anonymity.

Key concepts:
postmodernism,
citationality,
description,
myth,
narrative.

УДК 32.019.5

ВЫБОРЫ НА ФОНЕ КРИЗИСА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье на основе статистических данных и результатов социологических исследований рассматривается и анализируется процесс нарастания кризисных явлений и их взаимосвязь с электоральной активностью, а также с политическим позиционированием избирателей на выборах в региональные парламенты. Предлагается концепция возможных сценариев хода выборов и даётся оценка реализации данных сценариев в одиннадцати регионах, в которых избирались региональные парламенты.

Ключевые понятия:
кризисные явления,
электоральная активностью,
политические ориентации,
сценарии выборов.

Главная особенность и ожидания, связанные с выборами в Законодательное Собрание Челябинской области фокусировались на том, что они проходили на фоне кризисных процессов и это могло повлиять на сценарий избирательной кампании.

Статистика фиксирует ухудшение социально-экономической ситуации в регионе в январе–августе 2015 года (в % к январю–июлю 2014 года): производство транспортных средств и оборудования снизилось на 15,6%; объем работ в строительстве – на 19%; оборот розничной торговли – на 14,2%; индекс потребительских цен вырос на 9,3% к декабрю 2014 года и на 14,4% – в среднегодовом выражении [3].

Доходы 408 тысяч южноуральцев в середине 2015 года находятся ниже прожиточного минимума [4]. С 1.01.2015 г. увеличилась численность безработных.

Данные проведенного нами социологического опроса [1] также зафиксировали изменение оценок населением Челябинска своего материального положения только за восемь месяцев в худшую сторону – группа населения, имеющая средний уровень материальной обеспеченности, уменьшилась на 17,8 процентных пунктов, а группа жителей, которым денег хватает только на питание, увеличилась на 14,8 процентных пунктов. При этом оценки экономической ситуации в Челябинской области распределились так: ситуация хорошая – 7%; удовлетворительная – 41,7%; плохая – 33,9%; затруднились ответить – 12%.

Не самым лучшим для большинства опрошенных выглядят и ожидания от ближайшего года жизни. Только 33,9% уверены в своём нормальном будущем на ближайший год, а 58,2% не уверены, ещё 7,9% затруднились ответить.

Пять главных причин неуверенности в будущем жителям Челябинска в августе представлялись следующими: низкий уровень жизни (недостаток материальных средств) – 60,4%; высокая вероятность потерять работу – 40,3%; болезни (хронические заболевания) – 27,3%; отсутствие постоянного места работы – 18,7%; плохие жилищные условия (отсутствие собственного жилья) – 15,8%.

Выявить взаимосвязь оценок экономической ситуации в регионе и уверенности или неуверенности в своём будущем на ближайший год не удалось.

Все перечисленные выше сложности жизни в условиях турбулентной экономической и социальной ситуации в регионе делали возможным три разных концептуальных сценария выборов в региональные парламенты.

Первый сценарий – конкурентные выборы: снижают уровень консервативности региональной политической системы и открывают перспективы демократизации политической жизни в регионе.

Второй сценарий – инерционный. Сохраняет существующий уровень стабильности и консервативности региональной политической системы.

Третий сценарий – референдумные выборы, которые ещё более укрепляют и консервируют существующую региональную политическую систему и авторитарные настроения в отношениях власти и общества.

Как показали данные социологического исследования, появившиеся в регионе кризисные тенденции не повлияли на уровень осведомлённости о предстоящих выборах и на готовность принять в них участие. На вопрос «Известно ли Вам, что 13 сентября 2015 года состоятся выборы депутатов Законодательного Собрания Челябинской области?» 91,3% респондентов ответили «да, известно» и только 8,7% заявили, что впервые об этом слышат.

Уровень информированности избирателей – жителей города Челябинска – за месяц до предстоящих выборов выглядит как очень высокий.

Готовность 13 сентября прийти и проголосовать на избирательных участках оказалась ниже уровня информированности. Ответы респондентов на вопрос: «Планируете ли вы принять участие в голосовании на выборах депутатов Законодательного Собрания (ЗСО) Челябинской области?» распределились так (см. табл. 1).

большей степени представлена мужчинами, студентами вузов и техникумов, людьми с уровнем материального положения выше среднего.

Большинство – 62,4% – выразили готовность участвовать в выборах. Социальное представительство группы активных избирателей традиционно. Наибольшая электоральная активность зафиксирована у женщин, избирателей в возрасте старше 50 лет, пенсионеров. Примерно каждый 6–7 из респондентов не планировал принимать участие в выборах, а социальный статус пассивной когорты избирателей выглядит достаточно привычно. Это, в большей степени, мужчины, молодые избиратели в возрасте 18–30 лет, рабочие.

Обычно политики и аналитики, оценивая интерес избирателей к выборам, фиксируют повышенный интерес к кампаниям, проводимым избирателями-одномандатниками. Ответы респондентов на вопрос: «В рамках выборов депутатов Законодательного Собрания Челябинской области какое голосование является наиболее значимым лично для вас?» распределились следующим образом. Из 46% респондентов, определивших свою позицию, 27,1% проголосовали за кандидатов, выдвинутых политическими партиями, а только 19,0% – за кандидатов-одномандатников. Избиратели, проявляющие больший интерес к партийным кандидатам, – это мужчины в возрасте 31–50 лет со средним общим, специальным или неоконченным высшим образованием, рабочие, со средним уровнем материальной обеспеченности.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о планировании участия в голосовании на выборах

совершенно точно приму участие	39,7
скорее всего, приму участие	22,7
активная электоральная позиция – 62,4%	
скорее всего, не приму участие	4,5
совершенно точно не приму участие	15,3
пассивная электоральная позиция – 19,8%	
затрудняюсь ответить	17,8

Прежде всего, обращает на себя внимание высокий процент челябинцев, выбравших уклончивую позицию «затрудняюсь ответить», таких по итогам анкетирования набралось 17,8%, то есть практически каждый пятый. Эта группа в

У избирателей, для которых голосование за кандидатов-одномандатников является более значимым, социальные характеристики выглядят иными. Это граждане старше 50 лет, с высшим образованием, специалисты с высшим образованием и

имеющие уровень материальной обеспеченности выше среднего.

По данным, полученным в ходе опроса, информантами были выбраны из 21 позиции, предложенной в закрытом вопросе, одиннадцать проблем, получивших около 20 и более процентов поддержки.

партии власти, в силу её такого позиционирования, как раз и ожидают решения всех проблем. Слоган единороссов – «Работа. Стабильность. Достойная жизнь» оказался достаточно универсальным и в снятом виде включил в себя повестку дня избирателей, хотя выглядел популистски мечтательным.

Таблица 2

Корреляция актуальных проблем с готовностью голосовать за список какой-либо политической партии

Проблемы, наиболее актуальные для города Челябинска и требующие первоочередного решения		По всему массиву опрошенных	За список кандидатов какой политической партии Вы бы проголосовали, если бы выборы депутатов Законодательного Собрания Челябинской области состоялись в ближайшее воскресенье?					
			Единая Россия	Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	Справедливая Россия	Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	Яблоко	затрудняюсь ответить
Процент голосов в поддержке партий			44,7	5,4	3,9	5,4	1,2	43,0
1.	высокие и постоянно растущие тарифы ЖКХ	59,5	61,4	61,5	75,0	69,2	66,7	54,8
2.	низкий уровень жизни населения (рост цен)	42,1	41,6	61,5	25,0	30,8	33,3	43,3
3.	безработица	33,9	36,7	33,1	25,0	0,0	33,3	36,0
4.	плохая работа системы здравоохранения	32,2	29,7	15,4	62,5	38,5	66,7	32,7
5.	экологические проблемы (загрязненный воздух, водоемы и т.д.)	28,9	33,7	38,5	37,5	7,7	33,3	25,0
6.	наркомания	27,3	27,7	7,7	25,0	53,8	33,3	26,0
7.	строительство и ремонт дорог	23,1	21,8	38,5	12,5	30,8	33,3	22,1
8.	плохая работа коммунально-бытовых служб	21,9	14,9	46,2	37,5	23,1	0,0	25,0
9.	коррупция среди чиновников и должностных лиц	20,2	14,9	23,1	27,5	26,2	0,0	22,7
10–11.	недостаточное внимание работе с молодежью (молодежная политика)	19,4	22,8	0,0	12,5	30,8	0,0	18,3
10–11.	высокие цены на жилье	19,0	17,8	30,8	25,0	15,4	33,3	18,3

Приведённые в таблице 2 данные свидетельствуют, что заявленные избирателями острые проблемы сторонников более равномерно распределяются среди сторонников «Единой России». Это означает, что от

Особенности ожидаемой избирателями повестки дня для партий системно оппозиции вполне просматривается. А вот их слоганы: у КПРФ это «Вернём власть народу», у ЛДПР – «ЛДПР – от слов к

делу»; у «Справедливой России» – «Они отняли – мы вернём!» слабо сориентированы на проблемное поле избирателей и фактически избегают вопросов, связанных с кризисом.

Исследование позволило зафиксировать отличие электората по отношению к федеральным и региональным политикам (см. табл. 3).

КПРФ заняла 6 место с результатом 11,69%, такое же место заняла ЛДПР с результатом 10,01%. «Справедливая Россия» – 1-е место с результатом 15,9%. Стратегия формирования лидеров региональных списков партии у «Единой России» ориентирована на закрепление первым номером губернатора региона. Это имело место в 10 регионах. Только в Новосибирской области список

Таблица 3

Доверие федеральным и региональным политикам в составе электората партий

		«Единая Россия»	ЛДПР	КПРФ	«Справедливая Россия»
В. Путин	доверяющие	50,5	5,3	4,8	3,7
	не доверяющие	3,3	6,7	6,7	3,3
Д. Медведев	доверяющие	52,6	6,2	2,1	2,1
	не доверяющие	25,8	6,2	10,3	6,2
Б. Дубровский	доверяющие	51,6	0,0	7,8	4,7
	не доверяющие	25,6	9,0	7,7	6,4
В. Мякуш	доверяющие	54,3	0,0	16,7	33,3
	не доверяющие	19,7	7,2	10,1	7,2

По данным, приведённым в таблице, видно, что доверие ко всем политикам примерно одинаково работает на мобилизацию электората «Единой России». За одним исключением – доверяющие В. Мякушу также заметно представлены в электорате «Справедливой России» – 33,3% и КПРФ – 16,7%. К тому же, Д. Медведев, Б. Дубровский и В. Мякуш имеют заметные по численности группы не доверяющих им избирателей как раз в составе сторонников «Единой России».

Прошёл день голосования. Имеющаяся электоральная статистика позволяет сравнить выборы в Законодательное Собрание Челябинской области с аналогичными выборами в десяти субъектах Российской Федерации и с предыдущими выборами 2010 года в Законодательное Собрание региона. Начнём со сравнения с российскими выборами.

Челябинская область оказалась на пятом месте по явке избирателей – 41,2% (самая высокая в Ямало-Ненецком автономном округе – 69,35%, самая низкая в Курганской области – 30,37%). «Единая Россия» во всех 11 регионах заняла первое место и её среднеарифметическое место – 1, среднеарифметическое место КПРФ – 2,9, «Справедливой России» – 3,2%, ЛДПР – 3,4%. По количеству голосов избирателей, отданных за «Единую Россию», Челябинская область с 56,24% оказалась на 9 месте среди 11 регионов,

возглавил А. Караськов, директор Новосибирского НИИ патологии кровообращения имени академика Е.Н. Мешалкина.

КПРФ выдвигала первыми номерами руководителей региональных отделений своей партии, ЛДПР во всех регионах была представлена российским лидером партии В. Жириновским.

«Справедливая Россия» в десяти регионах была представлена С. Мироновым, и только в Челябинской области было исключение из правила – региональный список возглавил В. Гартунг, председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии партии. Исключение оказалось удачным решением – партия с 15,9% голосов только в Челябинской и Магаданской областях заняла второе место.

По одиннадцати регионам подали заявки на участие в выборах в среднем 13,6 партий, а было зарегистрировано в среднем по 8 партий. Самое высокое количество партий, участвовавших в выборах, – 15, было в Костромской области. Челябинская область с пятью участвовавшими в выборах партиями имела самый низкий показатель партийной конкуренции.

Если сравнивать результаты голосования за партийные списки в Челябинской области на выборах 2005, 2010 и 2015 года, то проясняется следующая картина.

По количеству участвующих в выборах партий ситуация выглядит так: в 2005 году – 6 партий, в 2010 году – 7 партий,

Таблица 4

**Сравнение трёх избирательных циклов
по формированию регионального парламента Челябинской области**

	2015		2010		2005	
	Челябинская область	Челябинск	Челябинская область	Челябинск	Челябинская область	Челябинск
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»	56,24	49,76	55,73	51,32	51,98	37,55
«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»	15,90	19,44	14,61	13,18	–	–
КПРФ	11,69	13,17	11,81	13,63	12,60	13,76
«ЛДПР»	10,01	10,09	9,16	10,41	9,00	9,84
«ЯБЛОКО»	1,96	3,89	2,53	4,56	–	–
РОЧО политической партии «Союз правых сил»	–	–	–	–	1,86	3,82
«Патриоты России»	–	–	1,52	1,43	–	–
ЧРО партии «РОДИНА»	–	–	–	–	7,02	10,36
ЧРО СДПР	–	–	–	–	1,82	3,22
«Правое дело»	–	–	1,20	2,24	–	–
Явка	41,32	34,81	45,69	40,72	32,08	26,49

в 2015 году – 5 партий. И это уменьшение произошло на фоне 61 зарегистрированного регионального отделения партий, появившихся в Челябинской области после реформы 2012 года. Однако количественный рост региональных отделений не привёл к качественным изменениям. Наоборот, в сравнении с предыдущими выборами 2010 года число допущенных к избирательной кампании партий уменьшилось на две. В Челябинской области камнем преткновения для партий оказалась процедура сбора подписей избирателей. Пять партий – «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и «Яблоко – зелёная Россия» относятся к партиям первого плана – они освобождены от сбора подписей, они и участвовали в избирательной кампании.

Приведём ещё несколько оценочно-статистических параметров сравнения выборов в Законодательное Собрание Челябинской области. Параметр первый – количество голосов, которые получают на выборах партии системной оппозиции, а также примкнувшие к ним партии несистемной оппозиции.

В 2005 году оппозиционные «Единой России» партии получили 32,3% голосов, в 2010 году чуть меньше – 31,6%, а в 2015

кризисном году уже 39,56% голосов. Правда, такое соотношение – 60% к 40% не конвертировалось в дополнительные мандаты депутатов ЗСО Челябинской области. Как и в 2010 году, партиям системной оппозиции по партийным спискам досталось 11 мандатов из 30 разыгрывавшихся. Получается цифра, далёкая от 40% – только 27,5% мандатов. Картину политического представительства явно искажает принятая система подсчёта голосов для определения количества мандатов, закрепляемых за партиями, называемая Империяле.

Второе обстоятельство, на которое следует обратить внимание, – это количество голосов избирателей, проголосовавших либо «против всех», по закону, действовавшему в 2005 году, либо испортивших избирательные бюллетени. Конечно, часть бюллетеней испорчена случайно, по ошибке, по невнимательности. Но, предположительно, есть и другой мотив порчи бюллетеней – сознательный, как выражение протеста по отношению к существующему политическому режиму. Он фиксируется социологическими исследованиями. Так вот, динамика количества недействительных бюллетеней и голосов «против всех» выглядит так. В 2005 недействительных бюллетеней – 3,07%, голосов «против

всех» – 10,36%, в сумме – 13,43%. В 2010 году только недействительных бюллетеней оказалось 3,42%. А в 2015 году показатель числа недействительных бюллетеней составил 4,2%. Небольшой рост позволяет сделать вывод – данная группа избирателей мала и имеет незначительную динамику роста.

Нельзя оставить без внимания и такую практику, как досрочное голосование, а также голосование вне помещения для голосования. Отметим, что в 2005 году число бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно, составляло 0,64%¹, в 2010 – 4,0%, а в 2015 – уже 7,0%. Число бюллетеней в переносных ящиках составляло 9,23% в 2005 году, в 2010 году – 6,7%, в 2015 году – 9,1%. Итого в сумме досрочно голосующих и голосовавших вне помещения для голосования: в 2005 году – 9,23%, в 2010 – 10,7%, а в 2015 году – 16,2%, то есть каждый седьмой. Предположительно, это означает, что 16,2% проголосовавших делали это в особых условиях, не предполагающих контроля за этой процедурой со стороны партийных наблюдателей. К тому же, на десятилетнем отрезке времени видна отчётливая динамика увеличения количества избирателей, голосующих таким образом.

Итак, на основании данных электоральной статистики можно выделить четыре

уровня «электоральной конкурентности» на выборах в региональные парламенты, когда основанием является соотношение голосов, полученных «Единой Россией», с процентом голосов, набранных остальными партиями, участвовавшими в выборах. Первый уровень – высокий в тех регионах, где оппозиционные «Единой России» партии набрали более 40% голосов: Новосибирская область (50,73%), Костромская область (45,72%), Курганская область (40,59%). Второй уровень – выше среднего, где оппозиционные «Единой России» партии набрали от 35 до 40% голосов. Это Челябинская область (39,64%), Магаданская область (38,58%), Калужская область (38,27%), Республика Коми (38,07%), Белгородская область (35,61%). Третий – средний уровень, когда оппозиционные «Единой России» партии набрали в регионах от 30 до 35% голосов, – это Рязанская область (34,96%). В четвёртый уровень – ниже среднего (оппозиционные «Единой России» партии набрали от 25 до 30% голосов) – попал Ямало-Ненецкий автономный округ (28,06%). В категории с низким уровнем, где оппозиционные «Единой России» партии набрали менее 25% голосов, попадает один регион – Воронежская область (24,08%).

Можно зафиксировать ещё один аспект, характеризующий «партийную кон-

Таблица 5

Уровень «партийной конкурентности» на выборах в региональные парламенты

Уровень конкуренции на выборах	Количество партий, участвовавших в выборах	Коэффициент конкурентности ² $k=1/(n)$	Наименование региона
I ($k > 1,5$)	15	1,7	Костромская область
II ($k = 1-1,5$)	10	1,2	Калужская область
	8	1,0	Республика Коми
	9	1,1	Белгородская область
	10	1,2	Рязанская область
III ($k < 1,0$)	7	0,9	Новосибирская область
	6	0,8	Курганская область
	6	0,8	Магаданская область
	6	0,8	Ямало-Ненецкий автономный округ
	6	0,8	Воронежская область
	5	0,7	Челябинская область

¹ В 2010 вместо досрочного были открепительные удостоверения. Цифра за 2010 г. указана по ним.

² Коэффициент «партийной конкурентности» участвовавших в выборах партий представляет собой показатель, отражающий уровень конкурентности на выборах в региональные парламенты. Он был рассчитан как среднее арифметическое от числа партий, принявших участие в выборах во всех 11 регионах, где проходили избирательные кампании по выборам депутатов региональных парламентов. Этот показатель составил 8,0 партий и был принят за единицу. Отклонение от единицы в ту или иную сторону считалось как + 0,1 к среднему по массиву.

курентность» выборов, – это число политических партий, принявших участие в выборах в региональные парламенты.

Применение двух критериев позволяет дать классификацию сценариев, по которым проходили выборы в региональные парламенты.

Конкурентные выборы имели место только в Костромской области, где оппозиционные партии набрали 45,72% голосов, а показатель «партийной конкурентности» составил 1,7.

Второй – инерционный сценарий, наблюдался на выборах в Калужской области (у оппозиции 38,72% голосов, а показатель «партийной конкурентности» – 1,2); Рязанской области (у оппозиции 34,96% голосов, а показатель «партийной конкурентности» – 1,2); Белгородской области (у оппозиции 35,61% голосов, а показатель «партийной конкурентности» – 1,1); в Республике Коми (у оппозиции 38,70% голосов, а показатель «партийной конкурентности» – 1,0); в Новосибирской области (у оппозиции 50,73% голосов, а показатель «партийной конкурентности» – 0,9); в Курганской области (у оппозиции 40,59% голосов, а уровень «партийной конкурентности» – 0,8); в Магаданской области (у оппозиции 38,58% голосов, а уровень «партийной конкурентности» – 0,8); и, наконец, в Челябинской области (у оппозиции 39,64% голосов, а уровень «партийной конкурентности» – 0,7).

Третий сценарий – референдумных выборов – имел место в Ямало-Ненецком автономном округе (процент голосов у оппозиции 28,06%, а уровень «партийной конкурентности» – 0,8), Воронежской области (у оппозиции 24,08% голосов, а уровень «партийной конкурентности» – 0,8).

Преобладание инерционного и референдумного сценария объясняется авторитетными исследователями тем, что «постсоветский политико-правовой режим не справился с задачей институционализации нового социально-экономического порядка. Первоначальная попытка сделать это радикально быстрыми темпами подтвердила историческую закономерность – обрыв социокультурной преемственности навязыванием «сверху» норм, ценностей и институтов, возникших на иной культурно-цивилизационной основе, неотвратимо восстанавливает архаику прошлого, противоположного по отношению к декларируемым целям и критериям современности. Институциональная система России в

формально-правовом (конституционном) смысле вполне современна. Фактически в ней доминируют традиционные, неформальные, корпоративно-бюрократические правила» [2, с. 51].

Во-первых, социологическое исследование и анализ хода избирательной кампании не выявили заметного влияния кризисных социально-экономических процессов на основные параметры электорального поведения жителей Челябинска. Отсутствует причинно-следственная связь между ростом заработной платы и электоральной активностью. Сравнение темпов прироста заработной платы жителей в январе–августе 2015 года к январю–августу 2014 года с явкой на выборы и местом среди муниципалитетов по показателю электоральной активности не выявило каких-либо зависимостей. Так, в Троицке наблюдался самый большой процент роста номинальной заработной платы – 133,6%, а явка на выборы составила 35,3% и только 45 место (среди 51 муниципального образования по показателю электоральной активности). А в Чебаркуле при росте заработной платы на 103,7% явка составила 38,33%, а место – 41. Октябрьский район: рост заработной платы – 102,2%, явка – 58,5%, место – 3.

Во-вторых, несмотря на рост пессимистов среди избирателей около 2/3 не уверены в своём благополучном ближайшем будущем, осознания глубины и остроты кризиса большинством населения ещё не произошло. Эксперты отмечают, что от начала кризиса до интериоризации его последствий проходит полтора-два года.

В-третьих, за полтора десятилетия стабильности значительной части населения города удалось накопить страховой запас жизненной прочности: есть денежные вклады, куплены предметы длительного пользования, автомобиль, новая квартира, более 40% населения города имеют садовые участки, а это дополнительный источник продуктов питания.

В-четвёртых, актуализация опасностей и тревог в момент проведения выборов в общественном мнении фокусировалась на тематике внешней политики России, а во внутренней политике избиратели угроз для себя не видят.

Видимо, анализ этих причин осуществлялся и партийными аналитиками, что и стало основанием для ухода от кризисной тематики в программно-пропагандистском обеспечении и слоганах проводимых ими избирательных кампаний.

Однако проблема, заявленная в статье, не теряет своей актуальности, поскольку в России и выборы, и кризис в ближайший год будут иметь место.

1. Выборы 13 сентября: накануне дня голосования. Данные социологического опроса, проведённого 14–18 августа 2015 г. в городе Челябинске специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии. Опрошено 700 респондентов. Статистическая погрешность данных +4% [Электронный ресурс]. URL: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 03.10.2015).

2. Ершов, Ю.Г. Парадоксы идеологического процесса в современной России // Социум и власть. 2015. № 3 (53).

3. Итоги социально-экономического развития Челябинской области за январь–июль 2015 года. Данные с сайта министерства экономического развития Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econom-chelreg.ru/socreview?news=3065> (дата обращения: 01.10.2015).

4. Панкова, И. За порогом бедности. Малоимущих южноуральцев всё больше // Аргументы и факты. 19–25.08.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chel.aif.ru/money/economy/za_porogom_bednosti_maloimushchih_yuzhnouralcev_vsyu_bolshe (дата обращения: 01.10.2015).

5. Челябинский облзбирком пожалуется в СКР на две партии // Коммерсант. 4.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2802293> (дата обращения: 05.10.2015).

References

1. Vybery 13 sentjabrja: nakanune dnja golosovaniya. Dannye sociologicheskogo oprosa, provedjonno 14–18 avgusta 2015 g. v gorode Cheljabinske specialistami laboratorii prikladnoj politologii i sociologii. Oprosheno 700 respondentov. Statisticheskaja pogreshnost' dannyh +4%. Available at: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (accessed: 03.10.2015) [in Rus].

2. Ershov, Ju.G. (2015) Socium i vlast', № 3 (53), pp. 50–54 [in Rus].

3. Itogi social'no-jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti za janvar'-ijul' 2015 goda. dannye s sajta ministerstva jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti. Available at: <http://www.econom-chelreg.ru/socreview?news=3065> (accessed: 01.10.2015) [in Rus].

4. Pankova, I. Za porogom bednosti. Maloimushchih juzhnoural'cev vsjo bol'she // Argumenty i fakty. 19–25.08.2015 g. Available at: http://www.chel.aif.ru/money/economy/za_porogom_bednosti_maloimushchih_yuzhnouralcev_vsyu_bolshe (accessed: 01.10.2015) [in Rus].

5. Cheljabinskij oblzбирком pozhaluetsja v SKR na dve partii // Kommersant. 4.09.2015. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2802293> (accessed: 05.10.2015) [in Rus].

UDC 32.019.5

ELECTIONS IN CONNECTION WITH THE CRISIS: REGIONAL SCENARIO

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Director, Doctor of Political Science, Professor Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru.

Annotation

On the basis of the statistical data and the results of sociological research the article considers and analyzes the process of rising tide of crisis phenomena and their interrelation with electoral activity and also with political positioning of the voting public during elections to the regional parliaments. The author suggests the conception of possible scenarios during elections and gives an estimation to the scenarios realized in eleven regions where regional parliaments were elected.

Key concepts:

crisis phenomena,
electoral activity,
political orientations,
election scenarios.

УДК 321.011

ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Скиперских Александр Владимирович,
Национальный исследовательский
университет
Высшая школа экономики,
профессор кафедры
гуманитарных дисциплин,
доктор политических наук,
Пермь, Россия.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Аннотация

В статье речь идёт о том, как в различных культурных контекстах выражено право человека на сопротивление, и как данное право фиксировалось политико-философской мыслью. История политических отношений показывает, что сопротивление может объективироваться во многих формах. В частности, одной из таких форм является бунт. Анализ политико-философских взглядов ряда авторов, а также обращение к политической мемуаристике позволяют нам увидеть особое отношение к праву на бунт, существующему в различных культурных и правовых традициях. Различия культур сказываются на восприятии бунтующего человека, равно как и на справедливости его претензий на удовлетворение своих экспектаций. Право человека на сопротивление в ряде культур является непреходящей ценностью, что прямо отражается на политической практике. В других политических и правовых системах право на сопротивление не является вечной ценностью, что не замедляет сказываться на траекториях развития политических процессов.

Ключевые понятия:

бунт,
власть,
закон,
политический процесс,
сопротивление.

Политическая власть не может существовать без сопротивления, представляющего диалектическим противником власти. Когда в политическом дискурсе говорят о власти и оппозиции, о правящих и оппозиционных элитах, как правило, и происходит констатация присутствия сопротивления в его различных объективациях.

Право на сопротивление уже давно стало предметом интереса в политических и философских штудиях. Конечно, наибольший интерес данная проблема занимает исследователей в тех политических традициях, где происходит постоянное совершенствование трудного диалога между властью и оппозицией. В частности, в европейской правовой традиции попытки концептуализации права на сопротивление можно увидеть у целого ряда авторов, в исключительных случаях, оставивших за обществом возможность требовать с власти подотчётности и чёткого следования законам. Во многом это было связано с прогрессивной в период позднего Средневековья теорией общественного договора, согласно которому правитель мог брать на себя гарантии по поддержанию общественного благополучия и порядка.

Рассмотрев теоретические построения некоторых авторов, можно заметить, что понимание необходимости права на бунт и восстание против своего господина нарастало в историческом процессе. И если в трудах древнегреческих философов практически нет сентенций, допускающих возможность восстания против власти в каких-либо формах, то позже такая возможность чаще концептуализируется представителями политико-философской мысли.

Например, Аристотель (384–322 до н.э.) не рассматривает даже вероятности подобного бунта, хотя в «Политике» проводится мысль о сопротивлении, которое может быть оправданно.

«Выражения “рабство” и “раб” употребляются в двояком смысле: бывает раб и рабство и по закону; закон является своего рода соглашением, в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им. Это право многие причисляют к противозакониям из тех, что иногда вносят ораторы: было бы ужасно, если бы обладающий большой физической силой человек только потому, что он способен к насилию, смотрел на захваченного путем насилия как на раба и подвластного себе» [1, с. 384].

Аристотель описывает ситуацию, юридически возникающую в древнегреческом

дискурсе войны, когда в результате её приобреталась собственность. Отсюда возникает сомнение в необходимости подчинения человеку, оказывающему давление с помощью физической силы. Кажется, что на данном примере мы видим некоторое сомнение по поводу оправданности подчинения.

Подобная проблема является не только частной, но имеет и государственное значение. Аристотель предупреждает, что «если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю» [1, с. 384]. По мнению Аристотеля, перевороты и возмущения могут быть проявлены в разных формах политического устройства, вызывающих презрение к строю со стороны определённых социальных групп и классов.

Вероятность низложения правителя в случае презрительного отношения к нему отмечается и Н. Макиавелли (1469–1527), предупреждавшего государя о необходимости поддержания дружбы с народом, «иначе в трудное время он будет свергнут» [4, с. 34]. Необходимо отметить, что Н. Макиавелли вряд ли имел в виду свержение власти «снизу». Возможно, более «оптимальным» вариантом нужно считать низложение правителя посредством заговора против него со стороны влиятельных инстанций власти (магистрат). С точки зрения итальянского философа, «государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа» [4, с. 57].

Безусловно, дистанцирование от осмысления этической стороны покушения на власть не могло быть нормой дискурса политической философии. В частности, рассуждения о справедливости претензий на смену власти «снизу» можно встретить у голландского мыслителя Гуго Гроция де Гроота (1583–1645). Мыслитель задаётся вопросом справедливости права «частным или должностным лицам восставать против тех органов верховной и подчинённой власти, которым они сами подчинены?» [2, с. 158]. Интересно, что Гуго Гроций красочно осознал, как культурные различия подвергают коррекции само право на бунт. Это хорошо заметно в его мысли о том, что «государство может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка» [2, с. 159]. Несмотря на то, что Гуго Гроций отмечается выгодным для дискурса власти сравнением терпения народа с терпением Христа,

показательна его оговорка: «если государи состоят в подчинении у народа, – либо с самого начала получившие власть от него, либо ставшие к нему в подчинение впоследствии... в случае нарушения ими закона... им не только возможно противиться силой, но при необходимости наказывать и смертью» [2, с. 171].

Идея о сопротивлении власти, а также и о праве на сопротивление постепенно становится частью политико-философского дискурса. Диалектический характер власти и сопротивления присутствует и в рассуждениях о государстве Жана Бодена (1529–1596), отмечавшего, что дух решительных людей становится тем упорнее, чем больше с ним борются, а не встречая сопротивления, уступает. Ж. Боден, кстати, равно как и Н. Макиавелли, предупреждал правителей об опасности использования силы против своих подданных.

Диалектическое противостояние власти и сопротивления спустя 4 столетия будет рассматриваться и М. Фуко, видевшим в сопротивлении такую же данность, равно как и в самой власти. По мнению М. Фуко «никакая власть не способна сделать его (прим. А.С. – сопротивление) полностью невозможным» [9, с. 16].

Политический процесс можно представлять как поиск оптимального баланса между властью и сопротивлением. По мере усиления давления на общественное тело власть получает новые объёмы сопротивления. Сопротивление, нарастающее в результате давления на общественное тело, вытесняясь из публичного пространства, находит себя в различных формах, принадлежащих непубличному, неофициальному. На уровне деклараций власть может рапортовать об успехах собственной борьбы с оппозицией, но на самом деле происходит активизация «партизанского» сопротивления, относящегося к потаённому. В частности, вытеснение бунта из официального пространства, уже рассматривавшегося нами как способность говорить, может объективировать протестное политическое письмо. Это является вполне логичным следствием ограничения творчества субъекта, что вызывает «политическое творчество несистемных групп, связанных с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории» [6, с. 109].

В условиях ужесточения репрессий появляется всё больше поверхностей, захватывающихся протестным политическим письмом. Скажем, излишняя жестокость оккупационного режима, приводящего в

страх местных жителей, вполне логично вызывает к жизни практики периодического сопротивления ей – сопротивления партизанского, носящего, по словам немецкого политического философа К. Шмитта, «иррегулярный характер» [10, с. 11].

Именно издержка неоправданного давления на общественное тело как раз и лежит в основе технологии политического джиу-джитсу, когда безудержная, нарастающая энергия власти при умелой блокировке используется против неё самой. И, наоборот, неумная энергия масс, проявляющаяся в различные периоды исторического и политического процесса, может быть переведена властью в дискурс общественно полезных дел.

Ещё острее тема общественной свободы, выражающейся в праве на бунт, стала проявляться в период Просвещения, наделявшего индивида высокими кондициями в способности определения собственного места и роли в политической картине мира. «Человек рождён свободным, а между тем повсюду он в оковах» [8, с. 224], – недоумевает Ж.Ж. Руссо в «Общественном договоре».

Данная фигура Ж.Ж. Руссо определённо предполагает некое оправдание попытки преодолеть трагическую, молчаливую участь человека, волею обстоятельств оказавшегося несвободным. Далее в рассуждениях французского мыслителя в одном из текстов рассматривается вероятность того, что народ «может стряхнуть с себя иго...<...>...он возвращает себе свободу в силу того же права, в силу которого она была у него похищена» [8, с. 224]. Фигура Ж.Ж. Руссо очень похожа на пример, который будет использовать Джордж Оруэлл в политическом эссе «Подавление литературы», когда будет говорить об особенностях терпения русского народа, сравнивая его с терпением лошади, облепленной мухами. Даже если предположить, что Д. Оруэлл не был знаком с текстом Ж.Ж. Руссо, то всё равно в контексте нашего исследования выглядит достаточно показательно периодическое единодушие, с которым представители круга европейских интеллектуалов в различные исторические периоды могли воспринимать восточную версию репрессии как таковой, её давление на общественное тело в России.

Нередко власть склонна самостоятельно отмечать высокие протестные кондиции общества. В случае, если таковые присутствуют, власть наделяет общество определёнными шансами *status quo*. Подобным

правом наделяются определённые группы, действующие от имени общества, – политические партии, общественно-политические организации, лоббистские структуры и другие группы давления, использующие право ведения диалога с властью от имени широких общественных слоёв.

Протестный опыт заставит правящие элиты быть более рефлекторными в период формирования общественного ресентимента, в момент появления ростков недовольства и озлобления действиями власти. Власть становится всё более гибкой и эластичной, приобретая навык предвосхищения общественного недовольства. Появление в конституциях государств положений и норм, предусматривающих возможность реализации данного права, а также законодательное оформление выражения несогласия и её чёткая регламентация во многом свидетельствует о том, что политическая практика сопротивления имела довольно значительные масштабы.

Импичмент, вотум недоверия правительству, право на референдум, право на оппозицию – все эти меры и формы лишней раз подтверждают существование в европейской (западной) практике политико-правового института сопротивления, подвергающегося постоянному мониторингу и концептуализации.

На наш взгляд, следует признать, что возможность использования права на бунт нарастает по горизонтальной оси – с Востока на Запад, и по вертикальной – с Юга на Север. Довольно серьёзным подтверждением справедливости подобного определения нарастания демократии может служить американский опыт. Как иронично выскажется по этому поводу Ц. Тодоров, «в одной из британской колонии группа людей сделает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит своё право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика» [7, с. 34]. Возможно, ответы на данный феномен скрываются в волнах демократизации, постепенно продвигающейся по оси с Запада – на Восток. Демократические принципы постепенно заимствуют системы, не слишком уделявшие внимание проблемам прав и свобод человека. Вместе с данным заимствованием, безусловно, происходит рецепция права на протест, право на демонстрацию собственного мнения и позиции.

Право на сопротивление приобретает, оно ещё и даруется по умолчанию. В этом может состоять политика компромис-

сов, торгов, попыток поиска оптимального соотношения между практиками власти и шансами оппозиции. На наш взгляд, достаточно показательна в этом смысле фраза из текста письма Т. Джефферсона – Дж. Мэдисону (1787). Т. Джефферсон признаётся, что «небольшие мятежи, случающиеся время от времени, – вещь хорошая, они столь же необходимы в политическом мире, как бури в мире физическом. Безуспешные мятежи, конечно, обычно провоцируют покушения (со стороны власти) на права мятежного народа. Понимание истинной пользы восстаний должно побуждать честных правителей республики быть настолько умеренными в наказаниях за мятежи, чтобы чрезмерно не обескуражить их будущих участников. Восстания, как лекарства, необходимы для того, чтобы правительства были здоровыми и разумными» [3].

Фраза из письма Т. Джефферсона, безусловно, говорит об умонастроениях просвещённых американцев – моралистов, большое значение придававшим идеям свободы, этического выбора человека, вынужденного быть «схваченным» государственной и политической машиной. В таком случае, человек мог выбирать либо подчинение, либо бунт, за которым следовало приведение непопулярной власти в чувство.

Симптоматично, что тезис Т. Джефферсона рефлексировал с одним из положений «Декларации независимости», предполагающим, что народ имеет право свержения непопулярной, деспотической власти, приносящей ему страдания, насилие, склонной к злоупотреблению правом – «народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечить людям безопасность и счастье» [3].

Как мы видим, тем самым в американском правовом дискурсе, важной основой которого как раз и является «Декларация независимости», был установлен некий «коридор» для протеста, для выплеска протестной энергии. Можно представить, как это воспитывает субъекта в интересующем нас контексте, как придаёт ему ощущение силы и правоты в контроле над политическими институтами.

Необходимость признания любого представителя власти равным себе – важнейшая преамбула всей гражданской истории конкретного субъекта. Данные тексты фактически признают за человеком право

на сопротивление, которым он мог с той или иной эффективностью пользоваться, творя как национальную, так и мировую историю. В принципе исторический процесс как раз и можно рассмотреть как постоянную борьбу между властью и оппозицией, периодически сотрясаемую войнами и конфликтами. Ч. Тилли отмечает, что «история государств Запада с 1800 года является историей насилия. В данный период отмечалось достаточно переворотов и гражданских войн полный, а также других, не менее серьёзных конфликтов, пусть даже и меньшего масштаба» [11, с. 4].

Безусловно, артикулированная субъектность в человеке есть не что иное, как выражение своих прав, зафиксированных в определённых контрактах с государством. Как мы видим, в большей степени необходимость подобного выражения ради удовлетворения исключительно личных экспектаций или поиска справедливости в большей степени характерна для западных обществ, значительно опережавших восточные общества в гражданском вызревании. Нарастание демократии на Западе означает постепенно увеличивающийся отрыв от восточных систем в чувствительном и бережливом отношении к человеку, традиционно испытывающему проблемы с гражданской просвещённостью общества.

В этом смысле периодические вызовы со стороны политической реальности лишней раз напоминают правящим элитам о том, какой вектор развития выбран ими в качестве оптимального. Действительно, насколько необходимость постоянной актуализации в человеке его гражданских кондиций кажется оптимальной в условиях эпохи постмодернити, где высокая скорость политических процессов, появление симулякров – неудачных, «мёртвых» копий при утраченных оригиналах вещей и явлений, отсутствие адекватных героических и символических иконостасов могут сыграть злую шутку с сознанием человека, расщепив его окончательно.

Должно ли государство быть охранителем свободы, ставя в фокус собственных интересов ценности отдалёно взятого человека как некий стандарт? Либо, наоборот, государство должно ставить во главу угла исключительно интересы системы, государственной машины? Данные вопросы являются дискуссионными вплоть до настоящего времени, поляризуя политико-философский дискурс на сторонников открытых и закрытых систем. Что касается нашей точки зрения, то, очевидно, что в

условиях закрытых систем общество лишается перспективы активного развития, что латаргическое единообразие и монотонность вредны для общественного прогресса, неплохим катализатором которого может явиться некий кризис, мобилизация, постоянная актуализация гражданских прав и свобод индивида. Другое дело, когда ценности свободы могут быть реанимированы в момент, когда человек столкнётся с откровенным произволом, вызывающим в нём истерический культурный шок.

Либо наоборот. Государство может испугать людей экспериментом «дарования» свободы. Тогда такая свобода тяжким бременем повиснет на индивиде. Вспомним, как у В. Высоцкого: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?». Смогли ли распорядиться свободой землепользования крестьяне из романа «Воскресенье», когда Д. Нехлюдов – прототип Л. Толстого – оставляет им в пользование землю?

Вообще, право на выражение протеста совершенствуется, приобретая новые возможности и шансы в демократизирующихся политических системах. Опыт каждого отдельного государства в данном контексте представляется уникальным, отображая прежде всего готовность самой правящей элиты поделить властью с оппозицией, сумевшей мобилизовать протестные настроения. Либо опыт отдельно взятых политических систем, в первую очередь, учитывает кондиции гражданского общества, постоянно ставящего перед правящей элитой трудновыполнимые задачи.

Не каждое государство готово предоставить обществу правовой коридор для реализации протеста. Не все политические системы могут воспроизводиться с помощью реальных, демократических процедур. В современном политическом пространстве есть примеры управления посредством репрессии, блокировки инициатив гражданского общества и подмены их симулякрами, порождаемыми «сверху» и выдаваемыми за политическое участие «снизу». Такие политические системы сложно определять как демократические. Как правило, ограничения в данных системах объясняются изначально высокими патермальными ориентациями общества, подданической политической культурой, не располагающей к выпестовыванию внутри системы сильных и ярких участников. В правовом дискурсе целого ряда государств вплоть до настоящего времени существуют установления, охраняющие верховную власть от любых попыток сомнений в её справедливости.

Эта консервативность не может быть преодолена, и мало только одного стремления к демократизации лишь определённой группы людей, как мы видим на примере современного Узбекистана [5].

Но протест проникает сквозь толщу времени и репрессии, свидетельствуя о неизбежности сопротивления. Наиболее подверженными ему являются системы, находящиеся в транзитивном состоянии, демократический процесс в которых начинает приобретать авторитарный дрейф.

В ряде государств, находящихся в состоянии постсоветского транзита, законодательство в интересах власти ограничивает право общества выражать протест. Примером может послужить законодательство РФ, «сыгравшее» в сторону ограничения права на протест после протестных акций 2011–2012 года. Власть прекрасно понимает, что скорректированное законодательство сужает перспективы протеста. Что-то подобное уже можно увидеть и на примере Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и других государств.

В январе 2014 года В. Янукович пытался «продавить» через Верховную Раду Украины ряд законов, увеличивающих ответственность за блокировку городских присутственных зданий, за неповиновение сотрудникам полиции и т.д. Эти законы получили название законов «16 января». Но поспешное законотворчество, нашедшее отражение в целом пакете законов, принимавшихся в Верховной Раде простым поднятием рук, вызвало негодование общества, ещё в большей степени катализировавшее внутривнутриполитический кризис.

Данные примеры показывают, что власть в любом случае не может быть полностью согласна с тем, что у общества существует право на выражение несогласия, которое в креативном, информационном мире каждый день находит всё новые и новые трещины в самой системе и делегитимирует правящий режим. В этой связи логичным решением правящего режима может быть сужение пространства протестной активности и, наоборот, чем слабее политический режим, тем сильнее возможности улицы вмешаться в его дальнейшую судьбу.

Представленная нами политико-философская ретроспектива развития представлений о праве человека на сопротивление и бунт показывает, что политический процесс, рассматривающийся как постоянное взаимодействие политических акторов по поводу власти, просто обязан пониматься

ещё и в контексте постоянного совершенствования законодательства, оптимизации «правил игры», создающих правовые основания для протестной активности.

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. (пер. С.А. Жебелева) [Текст]. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Гроций, Г. О праве войны и мира (пер. с лат. А.Л. Сакетти) [Текст]. / Г. Гроций. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
3. Жидков, О.А. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / О.А. Жидков, В.И. Лафитский. М.: Прогресс, Универс, 1993. 769 с.
4. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия [Текст]. / Н. Макиавелли. М.: Транзиткнига, 2006. 461 с.
5. Скиперских, А.В. Интеллектуалы в процессе становления демократических институтов в постсоветском Узбекистане [Текст] / А.В. Скиперских // Социум и власть. 2011. № 1. С. 51–57.
6. Скиперских, А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России [Текст] / А.В. Скиперских // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 108–113.
7. Тодоров, Ц. Дух Просвещения [Текст] / Ц. Тодоров. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 120 с.
8. Философия. Хрестоматия (Сост. проф. П.С. Гуревич) [Текст] / П.С. Гуревич. М.: Гардарики, 2002. 453 с.
9. Фуко, М. Восставать бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) [Текст] / М. Фуко // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 16–20.
10. Шмитт, К. Теория партизана (пер. с нем. Ю.Ю. Коринца) [Текст]. / К. Шмитт. М.: Праксис, 2007. 301 с.
11. Tilly, C. Collective Violence in European Perspective. / C. Tilly. University of Michigan, 1978. 70 p.

References

1. Aristotel. (1983) Sochinenija v 4 t. (per. S.A. Zhebeleva). T. 4. Moscow, Mysl', 830 p. [in Rus].
2. Grocij, G. (1994) O prave vojny i mira. Moscow, Ladomir, 868 p. [in Rus].
3. Zhidkov, O.A., Lafitskij, V.I. (1993) Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitucija i zakonodatel'stvo. Moscow, Progress, Univer, 769 p. [in Rus].
4. Makiavelli N. (2006) Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija. Moscow, Tranzitkniga, 461 p. [in Rus].
5. Skiperskih, A.V. (2011) Socium i vlast', № 1, pp. 51–57 [in Rus].
6. Skiperskih, A.V. (2014) Politicheskaja lingvistika, № 1, pp. 108–113 [in Rus].
7. Todorov, C. (2010) Duh Prosveshhenija. Moscow, Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 120 p. [in Rus].
8. Filosofija (2002) Hrestomatija / Sost. Prof. P.S. Gurevich. Moscow, Gardariki, 453 p. [in Rus].
9. Fuko, M. (2011) Neprikosnovennyj zapas, № 5 (79), pp. 16–20. [in Rus].
10. Shmitt, K. (2007) Teorija partizana (per. s nem. Ju.Ju. Korinca). Moscow, Praksis, 301 p. [in Rus].
11. Tilly, C. (1978) Collective Violence in European Perspective. University of Michigan, 70 p. [in Eng].

UDC 321.011

RIGHT TO OPPOSITION: POLITICAL AND PHILOSOPHICAL RETROSPECTIVE

Skiperskih Aleksander Vladimirovich,
National Research University Higher School
of Economics,
Professor of the Chair of the Humanities,
Doctor of Political Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Annotation

The article tells how the right to opposition is differently manifested in different cultural contexts and how this right was documented by political and philosophical thought. The history of political relations shows that opposition can be objectified in various forms. One of such forms is a revolt in particular. The analysis of philosophical views of some authors and reference to the political memoiristics help us to see special attitude to the right to a revolt which exists in different cultural and legal traditions. Differences in cultures affect both the perception of a rebel and on the justice of his claim to satisfying his expectations. The right to opposition in some cultures is an enduring value which directly affects political practice. In other political and legal systems the right to opposition is not an eternal value which affects the trajectory of development of political processes.

Key concepts:

revolt,
power,
law,
political process,
opposition.

УДК 329.11'13 + 329.3:23

У ИСТОКОВ ИСПАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: Х.П. ФОРНЕР

Василенко Юрий Владимирович,

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
кандидат философских наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу идей, взглядов и ценностей выдающегося испанского общественно-политического деятеля второй половины XVIII в.

Х.П. Форнера, стоявшего у истоков испанского национализма. Отреагировав крайне негативно на провокацию французских просветителей, Форнер внёс значительный вклад в становление испанского культа национального величия, которым в дальнейшем воспользовались испанские традиционалисты и правые радикалы для построения авторитарного франкистского режима.

Определённое идейно-ценностное влияние Форнера фиксируется и в тех «культурных войнах», которые ведут современные испанские традиционалисты не столько против либералов, сколько против традиционных геополитических соперников Испании.

Ключевые понятия:

национализм,
политическая идеология,
традиционализм,
Испания,
XVIII век,
Х.П. Форнер.

Генезис национализма как политической идеологии – процесс сложный. Идейно-ценностные ростки национализма, обуславливаемые и обуславливающие становление современных наций, относительно четко фиксируются в Европе уже в XVII–XVIII вв. и далее их развитие в каждой стране соответствует уровню либерально-буржуазной модернизации. Если же по каким-либо причинам модернизация запаздывала, национализм сразу же начинал подпитываться из иных источников, благодаря чему на общем фоне в отдельно взятой стране он мог приобретать весьма заметную специфику. Как представляется, именно в такой ситуации во второй половине XVIII в. оказалась испанская империя, которая, увязнув в своей неоспоримо великой средневековой традиции, с большим трудом переплавляла ее в научно-технический – и шире: социальный – прогресс, каким его стали понимать в XIX–XX вв.

Отсюда одним из главных источников испанского национализма становится жесткая критика извне, спровоцировавшая крайне негативную реакцию в среде испанских интеллектуалов, уязвленная гордость которых активно способствовала зарождению болезненного культа национального величия, а в дальнейшем – уже в XX в. – стала одним из ключевых социально-психологических факторов становления авторитарного франкистского режима с фашистскими интенциями на первом этапе его существования. Для более глубокого понимания подобных реакций мы предлагаем проанализировать весьма репрезентативный, на наш взгляд, кейс – идеи, взгляды и ценности одного из выдающихся интеллектуалов своего времени, конвенционально признаваемого основоположником испанского национализма – **Хуана Пабло Форнера-и-Сегарра** (1756–1797). Современный испанский историк-позитивист П.К. Гонсалес Куэвас, например, называет его «протонационалистом эпохи» и «прежде всего националистом» [см.: 8, р. 61].

Выходец из Эстремадуры, профессор юриспруденции в Саламанкском университете Форнер прославился в Испании второй половины XVIII в. прежде всего как поэт и писатель. По словам выдающегося испанского историка второй половины XIX в. М. Мендеса-и-Пелайо, выступающего в данном случае в роли литературного критика, Форнер – «высокоодаренный поэт-сатирик, хотя тяжелый и грубый» [12], «писатель плодотворный, энергичный, сильный и уверенный в себе, его слезоточивость и правильность

привлекает и вызывает любовь» [12]. В наибольшей степени Форнер-поэт и писатель был известен как автор острой поэтической «Сатиры против пороков, привнесенных в кастильскую поэзию» (1782 г.), написанной в подражание традициям «золотого века» испанской литературы. Почти конвенциональное включение Форнера в ряды основоположников испанского национализма было связано с его довольно жестким ответом на памфлет не только забытого сегодня, но и второстепенного уже для современников французского писателя-энциклопедиста Н. Массона де Морвильера (1740–1789).

Массон был одним из авторов 206-томной «Методической энциклопедии», в которой в 1782 г. написал крайне провокационный, хотя и находящийся в целом, если вспомнить 121-е из «Персидских писем» Ш.-Л. Монтескье и «Суждение об испанцах» М.Ж.А.Н. Кондорсе, в русле французского Просвещения раздел «Испания», вошедший в интеллектуальную историю Испании как вопрос-вызов «Чем мы обязаны Испании?» [см.: 4]. В своем тексте Массон сделал следующие комментарии и выводы: «А чем мы обязаны Испании? В течение последних двух столетий, четырех столетий, десяти столетий, что она сделала для Европы? Сегодня этим слабым и несчастным колониям, которые постоянно нуждаются в защите своей метрополии, нужно оказывать поддержку нашим искусством и нашими открытиями; однако эти безнадежные больные, которые даже не понимают, что больны, отвергают руку помощи. Понятно, что, если им нужен политический кризис для того, чтобы выйти из этого постыдного летаргического сна, на что они еще могут надеяться? Искусства спят, науки продаются! Без наших мастеров на их мануфактурах не обойтись совсем. Их ученые наставляют, но вынуждены прятать наши книги! В Испании нет ни математиков, ни физиков, ни астрономов, ни натуралистов!» [цит. по: 4, р. I] Несмотря на то, что в целом Массон имел в виду предельно незначительный, как ему показалось, вклад Испании в развитие прежде всего европейской науки, походя несколько раз он упомянул еще и искусство, закончив один из своих пассажей риторическим и очень едким вопросом: «Еще один рывок, и кто знает: за что можно будет превозносить эту прекрасную нацию?» [4, р. 49]

Притом что сам по себе текст Массона никогда не имел какого-либо политико-идеологического значения (как таковой он вообще был посвящен географии, но в очень широком смысле, как ее понимали в конце

XVIII в., уйдя глубоко и в средневековую историю), многие испанские интеллектуалы конца XVIII в. посчитали, что им брошен исторический вызов, и первым, кто вызвался ответить на него, заручившись поддержкой графа Флоридабланка, был именно Форнер. В 1786 г. Форнер, продолжая развивать ставшую центральной для всего его политико-идеологического творчества тему, пишет так называемую «Апологетическую молитву за Испанию и ее литературное достоинство» [см.: 7]. Притом что основная цель сочинения звучит довольно консервативно («защита нашей [испанской – Ю.В.] литературы» [7, р. II]), Форнер отказывается выступать в роли политического идеолога (как он говорит, «декламатора»), претендуя лишь на роль «критического историка» [7, р. IV].

Своеобразная ирония заключается в том, что жанр «критической истории» больше соответствует либеральному французскому Просвещению, на борьбу с которым Форнер вольно или невольно должен был подниматься. «Наши Апологии не должны писаться для нас [испанцев – Ю.В.], – пишет он, – они нужны для того, чтобы убедить иностранцев, которые нас обвиняют» [7, р. II]. В конце концов именно иностранная проекция позволяет Форнеру отвлечься от средневекового локального понятия «кастильское», которое он использует применительно к испанской поэзии еще в 1782 г., и выйти на уровень «испанского», что было крайне важно для становления не только испанского национализма как политической идеологии, но и для обоснования существования единой испанской нации как таковой, находящейся на тот момент – подобно другим европейским нациям – на начальной стадии своего становления.

При написании своего сочинения Форнер пытался удовлетворить, скажем так, политико-идеологический запрос сразу двух политических сил, противоборство которых на тот момент в открытую фазу своего развития еще не перешло: Католической церкви, отстаивающей свои традиционалистские идеи, взгляды и ценности, с одной стороны, и зарождающейся потенциально либеральной буржуазии, с другой. Причем становящееся постепенно традиционным противоречие между традиционализмом первой и либерализмом второй усугублялось еще и неожиданно пока проявившимся противоречием между кастильской проекцией Церкви и общеиспанской проекцией буржуазии.

Как представляется, жесткую негативную реакцию испанских интеллектуалов

конца XVIII в. и Форнера, в частности, на изначально провокационный текст Массона можно объяснить лишь тем, что все они восприняли его как неотъемлемую часть постепенно утверждающейся в Европе и в мире в целом так называемой «черной легенды», уходящей своими корнями в испанское средневековье. Тот факт, что имя Массона в «Апологетической молитве» центральным не является и упоминается Форнером лишь несколько раз [см.: 7, р. 1–2, 4, 40, 154, 246–247, 316], пусть даже в словосочетаниях «неумолимый Массон» [см.: 7, р. IV], «невежество Массона» [см.: 7, р. 72] и «некий Массон» [см.: 7, р. 75], говорит именно об этом. Следуя, по-видимому, той же самой логике, выдающийся британо-американский специалист по истории Латинской Америки XX в. Р. Хилтон определил Массона как «испаниста-испанофоба» [см.: 10]. Несмотря на то, что на общем фоне вклад этого французского автора в «черную легенду» Испании не столь уж и велик (что такое Массон в сравнении с Монтескье и Кондорсе?), традиционно молчанием его не обходят. Например, главный испанский специалист начала XX в. по «черной легенде» Х. Худериас-и-Лойот упоминает Массона лишь единожды, но называет его статью «знаменитой» [см.: 11, р. 285]. В итоге в Испании сформировалась целая традиция, и уже в наше время тех же самых – крайне негативных и предельно презрительных – эпитетов от испанских патриотов-традиционалистов в свой адрес удостоился современный британский историк-испанист Г. Кеймен [см.: 1; 15], в течение уже многих лет целенаправленно занимающийся изучением именно «черных страниц» в многовековой и действительно довольно противоречивой истории испанской империи.

Текст Массона сыграл для генезиса испанского национализма роль своеобразного катализатора традиционалистской – и шире: консервативной – реакции. После Форнера на вопрос «Чем мы обязаны Испании?» отвечали многие испанские традиционалисты и – более остальных – Менендес-и-Пелайо, который, как представляется, вообще положил «Апологетическую молитву» в основу всех своих выдающихся сочинений, посвященных апологии и защите как испанской культуры, так и испанской науки. Как признается сам Менендес-и-Пелайо, Форнер для него – это «защитник и реставратор древней испанской культуры, каудильо, предшественник и маэстро для всех нас, кто после него работал в этом направлении» [12]. В современной Испании в этой

парадигме работают уже целые медийные проекты; и редкий испанский университет, претендующий на нечто хотя бы на национальном уровне, не имеет собственного. Однако наиболее значимые, на наш взгляд, из них – это два, давно перешагнувшие государственные границы Испании: «Проект “Философия на испанском”» под руководством выдающегося испанского философа-материалиста – бывшего неомарксиста, а ныне либерального консерватора-националиста – Г. Буэно Мартинеса [см.: 14]; и «Виртуальная библиотека Мигеля де Сервантеса», возглавляемая либеральным консерватором и великим перуанским писателем М. Варгасом Льюса [см.: 3].

В этом контексте сочинение Форнера, в котором он, по словам Гонсалеса Куэваса, «подвел позитивный баланс под развитием испанской культуры начиная с римских времен и заканчивая эпохой Карлоса III, четко выступив в поддержку экспериментальных наук, единственных действительно полезных» [8, р. 62], может быть представлено как образцовое для всего обширнейшего творчества Менендеса-и-Пелайо и его последователей. Тем более что значимость «экспериментальных наук» Форнер оценивает все-таки выше; первые слова «Апологетической молитвы»: «научная слава нации...» [7, р. 1].

Тот факт, что в дальнейшем – уже в XIX–XX вв. – ответами на провокацию Массона и им подобным были озабочены по большому счету лишь традиционалисты (притом что у Форнера изначально было как минимум два предшественника, которых весьма затруднительно отнести к испанским традиционалистам: итальянский историк аббат К.Дж.М. Денина [см.: 5; 6] и выдающийся валенсийский просветитель, ботаник и натуралист аббат А.Х. де Каванильес-и-Палоп [см.: 13]), в то время как либеральные консерваторы предпочитали этот вопрос-вызов как бы не замечать, а то и вовсе стыдливо отмолчиваться, говорит, на наш взгляд, о многом. В перспективе не критическое согласие с французской (а также британской, а сегодня и американской) критикой, вне зависимости от степени ее справедливости, корректности и релевантности, станет отличительной чертой подавляющего большинства либералов. Как пишет современный испанский историк Х. Альварес Хунко, это станет одной из главных проблем «процесса национализации» [см.: 2, р. 118] этих государств. Крайне негативная реакция на «Апологетическую молитву» Форнера со стороны испанских либералов

была в этом контексте лишь «первым звонком». Именно отсюда, помимо всего прочего, и производно на этапе генезиса прямое заимствование в этих странах как целых политико-идеологических парадигм, так и отдельных идей, взглядов и ценностей британско-французских провозвестников и классиков либерализма. Консерваторов же данное заимствование заставит говорить о «предательстве наследуемой идентичности» [см.: 2, p. 118].

Великая французская революция лишь радикализовала и без того консервативные идеи, взгляды и ценности Форнера. Как пишет испанский историк второй половины XX в. Х. Эрреро: «...политический тон [Форнера – Ю.В.] стал более радикальным...» [9, p. 122]. Так, в «Речи о патриотическом духе» (1794 г.) Форнер противопоставляет два «духа»: патриотический и демократический. И если последний является порождением либерально-буржуазного «принципа эгоизма», то первый базируется «на принципе власти, который рождается из абсолютной монархии» [9, p. 124]. Форнер активно защищает суверенитет монарха, что позволяет нам предположить, что суверенитет нации, зафиксированный в либеральной Конституции 1812 г., он, скорее всего, принять бы не смог; и на Кадисских кортесах стал бы либо членом традиционалистской «сервильной» партии, либо, что также вполне вероятно, присоединился к группе Ховельяноса как провозвестника либерального консерватизма, эволюционировавшего на тот момент вправо.

Таким образом, отталкиваясь от наивной испанофобии французов, Форнер закладывает концептуально-методологические и – глубже – идейно-ценностные основания для развития традиционалистского – и шире: консервативного – культа испанского национального величия. Однако проблема Форнера как политического идеолога заключалась в том, что он так и не смог выйти за рамки негативной реакции на пусть и весьма грубую внешнюю провокацию. Излишне погрузившись в частную дискуссию со своим непосредственным оппонентом Массоном и успешно влившись в ряды испанских традиционалистов, выступивших относительно единым фронтом против либеральных инноваций Великой французской революции, как политический идеолог Форнер так и не смог предложить зарождающейся испанской нации иной – последовательно позитивной – мотивации для успешного продвижения по пути социального прогресса. За него это сделали другие. Хотя и сейчас многие современные испанские традиционалисты ра-

ботаю, как представляется, в той же идейно-ценностной парадигме, по-прежнему оправдываясь в преступлениях, совершенных испанским государством в очень далекие уже времена, и ведя культурные войны не столько с современными либералами, предлагающими спорные идейно-ценностные инновации, сколько со своими традиционными геополитическими соперниками, подорвавшими некогда бывшее величие испанской империи.

1. Перес-Реверте, А. «Сангрия» для историка [Текст] // А. Перес-Реверте // Живым не возьмете. М.: Эксмо, 2006. С. 721–724.

2. Álvarez Junco, J. *Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX* [Text] / J. Álvarez Junco. Madrid: Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001. 685 p.

3. Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/> (дата обращения: 30.06.2014).

4. Cases, V. La polémica *España* de Masson de Morvilliers / V. Cases. URL: <http://www.saavedrafajardo.org/Archivos/LIBROS/Libro0665.pdf> (дата обращения: 30.06.2014).

5. Denina, C. *Cartas críticas para servir de suplemento al discurso sobre la pregunta, Qué se debe a las Españas?* [Text] / C. Denina. Madrid: por Don Plácido Barco López, 1788. 200 p.

6. Denina, C. *Respuesta a la pregunta: Qué se debe a la España? Discurso leído en la Academia de Barlin en la asamblea pública de 26 de enero de 1786, día del aniversario del Rey* [Text] / C. Denina. Barcelona: Por la Viuda Pifferrer, 1768. 56 p.

7. Forner, J.P. *Oración apologética por la España y su mérito literario, para que sirva de exornación al discurso leído por el abate Denina en la Academia de Ciencias de Berlín, respondiendo á la cuestión ¿qué se debe á España?* [Text] / J.P. Forner. Madrid: En la Imprenta Real, 1786. 86 p.

8. González Cuevas, P.C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días* [Text] / P.C. González Cuevas. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p.

9. Herrero, J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español* [Text] / J. Herrero. Barcelona: Editorial Cuadernos para el Dialogo, S.A., 1973. 411 p.

10. Hilton, R. *La légende Noire au 18e Siécle. Le Monde Hispanique Vu du Dehors* / R. Hilton. URL: <http://www.historicaltextarchive.com/books.php?action=nextchapter&bid=8&cid=3> (дата обращения: 30.06.2014).

11. Juderías, J. *La leyenda negra* [Text] / J. Juderías. Madrid: Ediciones ATLAS; Martinez Libros, S.L., 2007. 429 p.

12. Menéndez y Pelayo, M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III: El enciclopedismo en España durante el siglo XVIII. VII: Literatura apologética. -Impugnadores españoles del enciclopedismo. -Pereira, Rodríguez, Forner, Ceballos, Valcárcel, Pérez y López, el P. Castro, Olavide, Jovellanos, Fr. Diego de Cádiz, etc., etc.* / M. Menéndez y Pelayo. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (дата обращения: 30.06.2014).

13. *Observations de M. L'Abbé Cavanilles sur l'article «Espagne» de la Nouvelle Encyclopédie* [Text] / Cavanilles. P.: Chez Alex. Jombert jeune, 1784. 156 p.

14. Proyecto Filosofía en español. URL: <http://www.filosofia.org/index.htm> (дата обращения: 30.06.2014).

15. Vaca de Osma, J.A. El imperio y la Leyenda negra [Text] / J.A. Vaca de Osma. Madrid: Ediciones RIALP, S.A., 2004. 239 p.

References

1. Peres-Reverte, A. *Zhivym ne voz'mjote* [You will not take me alive]. Moscow, Eksmo, 2006, pp. 721–724 [in Rus].

2. Álvarez, Junco J. *Mater, Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX*. Madrid: Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001. 685 p. [in Spanish].

3. *Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes*. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/> (дата обращения: 30.06.2014) [in Spanish].

4. Cases, V. *La polémica España de Masson de Morvilliers* / V. Cases. URL: <http://www.saaavedra-fajardo.org/Archivos/LIBROS/Libro0665.pdf> (дата обращения: 30.06.2014) [in Spanish].

5. Denina, C. *Cartas críticas para servir de suplemento al discurso sobre la pregunta, Qué se debe a las Españas?* Madrid: por Don Plácido Barco López, 1788. 200 p. [in Spanish].

6. Denina, C. *Respuesta a la pregunta: Qué se debe a la España? Discurso leído en la Academia de Barlin en la asamblea pública de 26 de enero de 1786, día del aniversario del Rey*. Barcelona: Por la Viuda Pifferer, 1768. 56 p. [in Spanish].

7. Forner, J.P. *Oración apologetica por la España y su mérito literario, para que sirva de exornación al discurso leído por el abate Denina en la Academia de Ciencias de Berlin, respondiendo á la cuestión qué se debe á España?* Madrid: En la Imprenta Real, 1786. 86 p. [in Spanish].

8. González, Cuevas P.C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días*. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p. [in Spanish].

9. Herrero, J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español*. Barcelona: Editorial Cuadernos para el Dialogo, S.A., 1973. 411 p. [in Spanish].

10. Hilton, R. *La légende Noire au 18e Siècle. Le Monde Hispanique Vu du Dehors* / R. Hilton. URL: <http://www.historicaltextarchive.com/books.php?action=nextchapter&bid=8&cid=3> (дата обращения: 30.06.2014) [in French].

11. Juderías, J. *La leyenda negra*. Madrid: Ediciones ATLAS; Martinez Libros, S.L., 2007. 429 p. [in Spanish].

12. Menéndez, y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III: El enciclopedismo en España durante el siglo XVIII. VII: Literatura apologetica. -Impugnadores españoles del enciclopedismo. -Pereira, Rodríguez, Forner, Ceballos, Valcárcel, Pérez y López, el P. Castro, Olavide, Jovellanos, Fr. Diego de Cádiz, etc., etc.* / M. Menéndez y Pelayo. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (дата обращения: 30.06.2014) [in Spanish].

13. *Observations de M. L'Abbé Cavanilles sur l'article «Espagne» de la Nouvelle Encyclopédie*. P.: Chez Alex. Jombert jeune, 1784. 156 p. [in French].

14. Proyecto Filosofía en español. URL: <http://www.filosofia.org/index.htm> (дата обращения: 30.06.2014) [in Spanish].

15. Vaca de Osma, J.A. *El imperio y la Leyenda negra*. Madrid: Ediciones RIALP, S.A., 2004. 239 p. [in Spanish].

UDC 329.11'13 + 329.3:23

AT THE ORIGIN OF SPANISH NATIONALISM: J.P. HORNER

Vasilenko Yuriy Vladimirovich,
the Institute of Philosophy and Law of
Russian Academy of Sciences, Ural Branch,
Candidate of Philosophical Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the ideas, viewpoints and values of outstanding Spanish public and political figure of the second part of the XVIII century J.P. Horner who stood at the origin of Spanish nationalism. Having reacted quite negatively to the provocative act of French representatives of the Enkidu, Forner made a great contribution to the establishing of Spanish cult of national dignity which was then used by Spanish traditionalists and right-wing extremists for building authoritarian regime. Ideological influence of Forner is definitely fixed in those «cultural wars» which are conducted by modern Spanish traditionalists against traditional «geopolitical» rivals of Spain rather than against left-wingers.

Key concepts:
nationalism,
political ideology,
traditionalism,
spain,
XVIII century,
J.P. Horner.

УДК 342.25

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ К ВОПРОСАМ ПОЛНОМОЧИЙ

Ильных Алексей Валерьевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
декан факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: iav@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена правовому анализу последних изменений территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации и вопросам полномочий органов местного самоуправления и органов государственной власти в этой сфере. В статье делается попытка критического анализа проведённых изменений территориальных основ в их прямой зависимости от имеющихся и перераспределённых полномочий органов публичной власти, также затрагиваются вопросы правового положения (в части компетенции) отдельных видов муниципальных образований и их органов.

Ключевые понятия:

территориальные основы местного самоуправления,
организационные основы местного самоуправления,
городской округ с внутригородским делением,
внутригородской район,
вопросы местного значения,
компетенция муниципального образования,
полномочия органов местного самоуправления.

За последние два года в сфере правового регулирования местного самоуправления произошло достаточно много концептуальных изменений. В последнее время в научной литературе в основном идет дискуссия о территориальных преобразованиях, в частности о появлении двух новых видов (типов) муниципальных образований: городского округа с внутригородским делением и внутригородского района [1, с. 62–66] [2, 62–67] [4, 57–61], а также о некоторых изменениях в организационной сфере [2, 62–67], однако в этих обсуждениях предметно практически не затрагиваются вопросы полномочий органов местного самоуправления, проблемы сельских и городских поселений, особенно в контексте того, как территориальные преобразования повлияли на объем и характер полномочий муниципалитетов и их органов. Именно этот вопрос и ставится на рассмотрение в данной статье.

Итак, постараемся рассмотреть отдельные аспекты заявленной нами проблемы.

Первое. Необходимо отметить, что Федеральный закон от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее 136-ФЗ) передал значительное число вопросов местного значения от сельских поселений муниципальным районам, поскольку, по мнению инициаторов, органы местного самоуправления подавляющего большинства сельских поселений не могли эффективно решать многое вопросы местного значения в связи с отсутствием у них необходимых финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

Фактически произошло чуть ли не трехкратное сокращение базового перечня вопросов местного значения, ранее характерных для сельских поселений, и все это предположительно было направлено

¹ Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.06.2014. № 22. Ст. 2770.

на укрепление местного самоуправления и улучшения качества предоставления муниципальных услуг жителям, а также должно было обеспечить согласованность реальных возможностей органов местного самоуправления решать возложенные на данный уровень публичной власти задачи.

Наряду с этим субъектам Российской Федерации поручено своими законами своевременно дополнять перечень вопросов местного значения сельских поселений с учетом имеющейся региональной и местной специфики. Как показывает мониторинг, проводимый Комитетом Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, эта работа ведется субъектами весьма активно: в 30 из 54 субъектов РФ, которые направили в Комитет информацию об изменении регионального законодательства, за сельскими поселениями закрепляются дополнительные вопросы местного значения, из них наиболее часто закрепляются следующие:

организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения (в 21 субъекте РФ);

создание условий для массового отдыха жителей поселения и организация обустройства мест массового отдыха населения, включая обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам (в 21 субъекте РФ);

обеспечение проживающих в поселениях и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, осуществление муниципального жилищного контроля, а также иных полномочий органов МСУ в соответствии с жилищным законодательством (в 19 субъектах РФ);

организация в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации (в 18 субъектах РФ);

участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения (в 18 субъектах РФ);

создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах поселения (в 17 субъектах РФ);

сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности поселения, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории поселения (в 17 субъектах РФ);

организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора (в 17 субъектах РФ) [3, с. 3].

Второе. Вводя два новых типа муниципальных образований: городской округ с внутригородским делением и внутригородской район, законодатель не стал закреплять исчерпывающий и не подлежащий изменению перечень вопросов местного значения, которые эти муниципальные образования призваны решать. Поступили достаточно прагматично, взяли базовый реестр вопросов местного значения городского округа, установленный Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее 131-ФЗ) и определили минимальный перечень вопросов местного значения для внутригородских районов (причем некоторые из них по логике к районным вопросам отнести достаточно сложно, например: «Утверждение правил благоустройства территории», получается, что в каждом районе города эти правила могут быть совершенно различными, и как это будет выглядеть, к счастью, пока разум преобладает, и на практике таких расхождений нет).

При этом законодатель использовал формулу, как и в случае с сельскими поселениями, а именно – законами субъектов и уставом городского округа с внутригородским делением, а также принятым в соответствии с ними уставом внутригородского района за внутригородским районом могут закрепляться другие вопросы из числа установленных в соответствии со 131-ФЗ вопросов местного значения городских округов. По практике единственного на данный момент примера функционирования подобных муниципалитетов (г. Че-

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

лябинск и семь внутригородских районов) городской округ ни один из вопросов местного значения не передал районам и по ощущениям пока собирается. Это понятно и объяснимо, так как вопросы местного значения, как правило, коррелируют с бюджетом: чем их меньше, тем меньше и последний.

Однако в вопросе взаимоотношений городских округов и внутригородских районов имеется отличие от поселенческой схемы, в частности – между сельскими поселениями и муниципальными районами на договорной основе сохраняется возможность перераспределения полномочий по решению вопросов местного значения, в городах же с районным делением установлен иной порядок разграничения полномочий. Здесь полномочия органов города и его районов могут разграничиваться только лишь законами субъекта Федерации и последующими изменениями в уставах данных муниципалитетов. Получается, что примененный в этом случае законодательный, в отличие от договорного (в случае с поселениями), характер разграничения полномочий может служить правовой гарантией против дисбаланса полномочий обоих уровней самоуправления и сохранения единого городского хозяйства, однако, фактически регулятором этого выступает субъект Федерации, который может и «насаждать» свою позицию и вынуждать муниципалитеты подстроиться.

Третье. Стоит отметить введение в законодательство такого нового института, как перераспределение полномочий.

136-ФЗ предоставлено также право субъектам своими законами осуществлять перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ (за исключением ряда полномочий). Эта схема в целом соответствует федеративной природе российского государства и, при правильном ее применении, может быть эффективным инструментом оптимизации полномочий муниципалитетов с учетом региональных и местных особенностей. Законодатель, при введении данной нормы, был осмотрителен и в целях исключения практики неоправданно частых перемещений полномочий органов местного самоуправления предусмотрел правило, в соответствии с которым перераспределение полномочий между органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления может

осуществляться региональными законами, связав его еще и сроком полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта, причем данные региональные законы могут вступать в силу только с начала нового финансового года.

Вообще, используемый в 131-ФЗ термин «перераспределение» не позволяет однозначно говорить о том, что он означает возможность передачи полномочий от муниципальных органов к региональным. Природа данного слова дает основания отличать его от понятий «определение» и «установление» полномочий. Так, определять полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, обозначенных федеральными законами могут федеральные законы и по ряду вопросов законы субъектов (ч. 1.1 ст. 17 131-ФЗ). Изначальное установление полномочий муниципальных образований не является прерогативой органов государственной власти субъектов Федерации, кроме отдельно оговоренных случаев. Безусловно, содержание нового понятия полезно было бы раскрыть в ст. 2 131-ФЗ, так называемом «словаре» данного закона.

Другое обстоятельство, которое характеризует институт перераспределения полномочий, это законодательный запрет регионам изымать из ведения муниципалитетов их полномочия в сферах управления и исполнения местного бюджета, осуществления охраны общественного порядка, установления структуры органов местного самоуправления, изменения границ территории муниципального образования, а также ряда полномочий, установленных в п. 1, 2, 7,8 ч. 1 ст. 17 и ч. 10 ст. 35 131-ФЗ.

Произведя банальное сопоставление тех полномочий, которые имеются, и тех, которые нельзя трогать, получается, что речь может идти о полномочиях в сферах здравоохранения, образования, культуры, социальной защиты, жилищно-коммунального хозяйства, дорожного строительства, транспортного обслуживания населения и ряда других. Опыт реализации положений 136-ФЗ показывает, что правом осуществлять перераспределение полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления воспользовались около 30 регионов. Ожидаемо одним из наиболее часто перераспределяемых полномочий стало

право распоряжения земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена.

В рамках анализируемого аспекта следует помнить, что при перераспределении полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления также необходимо помнить и нормы статьи 4 Европейской хартии местного самоуправления, ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 года № 55 «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления»³, являющейся составной частью российской правовой системы и, на основании подвергающейся в последнее время критике и обсуждению в средствах массовой информации, но действующей на данный момент ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, имеющими приоритет перед нормами российских законов. Детально в ч. 3 и ч. 4 ст. 4 Европейской хартии местного самоуправления говорится о принципе субсидиарности: осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам; передача какой-либо функции какому-либо другому органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии; предоставляемые органам местного самоуправления полномочия, как правило, должны быть полными и исключительными; они могут быть поставлены под сомнение или ограничены каким-либо другим центральным или региональным органом власти только в пределах, установленных законом; необходимо консультироваться с органами местного самоуправления, насколько это возможно, своевременно и надлежащим образом в процессе планирования и принятия любых решений, непосредственно их касающихся.

Подводя итоги произведенному обзору и анализу изменений в рамках заявленной темы представляется логичным сформулировать ряд итоговых позиций.

Во-первых, по нашему мнению, уместно вернуться к рассмотрению перечня вопросов местного значения сельских поселений. Анализ складывающейся практики

правоприменения показывает, что ряд субъектов Федерации вновь наделили сельские поселения целым блоком изъятых у них вопросов местного значения (например: организация в границах поселения водоснабжения и водоотведения, снабжения населения топливом; организация ритуальных мест и содержание мест захоронения; создание условий для массового отдыха жителей и организация обустройства мест массового отдыха; создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения и др.).

Таким образом, перечень вопросов местного значения сельских поселений требует детального обсуждения и в ближайшей перспективе – расширения. По сути, способность сельских поселений выполнять или не выполнять данные вопросы по объективным причинам и должна быть основным критерием в решении вопроса о его преобразовании (присоединения (объединения) с другим сельским поселением) или дальнейшем самостоятельном существовании.

Во-вторых, вновь введенный институт перераспределения полномочий между региональной и муниципальной властями, очевидно, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Так, например, что касается юридической возможности перераспределять полномочия законами субъектов Федерации, которые разграничены отраслевым Федеральным законом, то это уместно лишь в том случае, если в соответствующем отраслевом Федеральном законе предполагается такая возможность (Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации»⁴ закрепил именно это правило). Следовательно, требует уточнения соответствующее положение и в 131-ФЗ, иначе возникает коллизия данных актов.

Очевидно, что перечисленные проблемы в части правового регулирования территориальных преобразований и вопросах

³ Федеральный закон от 11 апреля 1998 года № 55 «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 13.04.1998. № 15. Ст. 1695.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2014 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. № 1 (часть 1). Ст. 38.

полномочий органов публичной власти в сфере местного самоуправления имеют, по своей природе, отнюдь не локальный характер и должны решаться силами единой системы органов государственной власти и местного самоуправления с соответствующим необходимым финансовым обеспечением, нереально рассчитывать, что при отсутствии этих факторов органы местного самоуправления успешно справятся с возложенными на них обязанностями.

1. Бялкина, Т.М. О некоторых аспектах российского городского самоуправления в свете новой муниципальной реформы [Текст] / Т.М. Бялкина // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 62–66.

2. Ильиных, А.В. Реформа местного самоуправления в действии: от территориальных преобразований к изменению организационно-правовых основ [Текст] / А.В. Ильиных // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 62–67.

3. Парламентские слушания 9 апреля 2015 года «Вопросы реализации Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и задачи совершенствования федерального законодательства на новом этапе муниципального строительства» [Текст] // Местное самоуправление. 2015. № 3. С. 3.

4. Пешин, Н.Л. Новые тенденции муниципальной реформы: уровень городских округов и муниципальных районов [Текст] / Н.Л. Пешин // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 57–61.

References

1. Bjalkina, T.M. (2015) Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, № 1, pp. 62–66 [in Rus].

2. Il'inyh, A.V. (2015) Socium i vlast', № 2 (52), pp. 62–67 [in Rus].

3. Parlamentskie slushanija 9 aprelja 2015 goda (2015) «Voprosy realizacii Federal'nogo zakona № 131-FZ «Ob obshhikh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» i zadachi sovershenstvovanija federal'nogo zakonodatel'stva na novom jetape municipal'nogo stroitel'stva» // Mestnoe samoupravlenie. 2015, № 3, p. 3 [in Rus].

4. Peshin, N.L. (2015) Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, № 1, pp. 57–61 [in Rus].

UDC 342.25

UP-TO- DATE PROBLEMS OF REFORMING LOCAL GOVERNMENT: FROM TERRITORIAL REFORMS TO THE ASPECTS OF EMPOWERMENT

Ilyinykh Alexey Valeryevich,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Dean of the Faculty of Economics and Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: iav@chel.ranepa.ru

Annotation

The article is devoted to the legal analysis of the latest changes of territorial basis of local government in the Russian Federation and aspects of empowerment of local government and bodies of state power in this sphere. The author makes an attempt to analyze changes of territorial basis in direct connection with redistribution of empowerment of bodies of public authority. The author also touches upon the aspects of legal standing (as for the competence) of particular kinds of municipal formations and their bodies.

Key concepts:

territorial basis of local government, organizational basis of local government, urban district with intra-urban division, intra-urban district issues of local importance, competence of a municipal foundation, empowerment of local government bodies.

УДК 343.17

КОНТРОЛЬ И ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ – ДВА ВИДА СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сергеев Константин Андреевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
профессор кафедры теории права,
уголовно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sergeev_ka@mail.ru

Чеботарева Ирина Юрьевна,

Филиал Адыгейского государственного
университета в г. Белореченске,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и правовых дисциплин,
г. Белореченск, Россия.

Аннотация

Работа посвящена вопросам, связанным с правовой природой контрольно-надзорной деятельности суда в уголовном судопроизводстве. Исследуются вопросы разграничения функций правосудия и контроля за предварительным расследованием. Исследуются вопросы оптимизации осуществления судебного контроля.

Ключевые понятия:

суд,
функция правосудия,
судебный контроль,
прокуратура.

Правовая природа содержания функциональной нагрузки судебных органов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является причиной серьезных научных споров. Системообразующими являются вопросы:

1. О единой природе судебного контроля и отправления правосудия.

2. О целесообразности судебного контроля и его роли в процессуальных механизмах обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

3. О границах (пределах) судебного контроля в досудебном производстве.

В решении данной проблемы о единстве судебного контроля и отправления правосудия сформированы две позиции:

а) судебный контроль и правосудие – одна и та же деятельность, и их разграничение формально;

б) судебный контроль и правосудие – различные виды деятельности суда, требующие отдельного изучения.

Так, В.М. Бозров отмечает, что «процессуальная деятельность суда, связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, есть не что иное, как правосудие» [13, с. 32]. С ним согласна И.Б. Михайловская. Она предлагает понимать под правосудием всю деятельность суда, осуществляемую в установленном законом порядке судопроизводства [10, с. 23].

Такая позиция является спорной. С ней не согласен, например, В.Ю. Мельников, считающий, что понятие правосудия не тождественно понятию судопроизводства, так как правосудие охватывает деятельность суда, в то время как судопроизводство включает и досудебные стадии [8, с. 6].

Промежуточное мнение содержится в предложении П.А. Луценко. Он предлагает рассматривать термин «правосудие» в узком и широком смысле этого понятия. В узком смысле правосудие представляет собой разрешение спора по существу в предусмотренном законом процессуальном порядке. В широком же смысле правосудие предстает в виде совокупности приемов и способов реализации полномочий суда [7, с. 38].

Позицию П.А. Луценко корректируют и углубляют В.А. Азаров и И.Ю. Таричко. Они справедливо считают необходимым «вычленение, наряду с функцией осуществления правосудия, самостоятельной уголовно-процессуальной функции судебного контроля за деятельностью органов уголов-

ного преследования, который имеет свой предмет и цель, а осуществляется исключительно в досудебных стадиях уголовного процесса» [1, с. 145].

От мнения считать судебный контроль и правосудие как единый вид правовой деятельности ещё более дистанцируется В.П. Божьев. Учёный утверждает, что правосудие является функцией судебной власти, а судебный контроль, формирование судейского корпуса и т. д. – это лишь полномочия судебной власти, виды ее реализации [17, с. 42].

В.Ю. Мельников предостерегает, что отождествление понятий правосудия и судебного контроля недопустимо. В качестве аргументов он приводит основания их разграничения: в порядке судебного контроля (в отличие от правосудия) суд не разрешает вопрос о виновности и ответственности, контролирует законность и обоснованность решений стадии предварительного расследования [9, с. 38]. В.П. Божьев указывает, что полномочия суда на досудебных стадиях не являются процессуальными действиями по разрешению уголовного дела [4, с. 5].

Мы также считаем ошибочной позицию учёных рассматривать действия суда по контролю за принимаемые следователем, дознавателем процессуальные решения как осуществление правосудия. Разделяем утверждения учёных, что правосудие ограничено действиями суда, направленными на принятие итогового решения уголовно-правового конфликта.

Среди учёных, придерживающихся мнения, что контрольная функция – самостоятельный вид судебной деятельности и не может называться правосудием, остаётся дискуссионным вопрос о целесообразности возложения на суд контрольных полномочий.

По данному вопросу выделяются три позиции:

а) позиция, согласно которой судебный контроль за досудебным производством является нецелесообразным. Наделение суда контрольными полномочиями не соответствует основному назначению суда – вершить правосудие;

б) позиция, согласно которой судебный контроль не только необходим, но и в современных правовых границах он недостаточен, а следовательно целесообразно его границы расширять;

в) позиция, согласно которой судебный контроль необходим, но его границы должны быть приведены к научно обосно-

ванным. В настоящее же время под судебный контроль подпадают процессуальные решения субъектов доказывания без всякой на то необходимости.

К сторонникам первой позиции следует отнести М.К. Свиридова, считающего, что суд может реализовывать лишь функцию разрешения уголовного дела по существу. В.В. Кальницкий отмечает, что судья является лишним звеном в процессе принятия решения о производстве следственного действия [5, с. 73]. Аналогичной точки зрения придерживается Д.М. Берова. Она утверждает, что правосудие может применяться лишь по прямому назначению, как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела [3, с. 161].

Н.Н. Ковтун отмечает, что «действующая конструкция оперативного судебного контроля не соответствует ни назначению, ни задачам, ни конституционному предназначению указанной деятельности» [6, с. 45].

А.Б. Соловьев указывает, что суд не может и не должен заменять надзорный орган [20, с. 17].

По второй позиции наиболее последовательными представителями являются И.Л. Петрухин, Н.Г. Муратова и др.

Так, Н.Г. Муратова, характеризуя судебный контроль, указывает, что он в уголовном судопроизводстве представляет многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность суда, осуществляемую в определенных законом процессуальных формах, направленную на реализацию комплексного института защиты с целью обеспечения доступа к правосудию и восстановлению нарушенных прав и законных интересов личности при производстве по уголовному делу [11, с. 78]. Т.В. Наделяева акцентирует внимание на том, что деятельность судебных органов представляет собой многоаспектную систему, в которую кроме задач, связанных с рассмотрением и разрешением дела по существу, входят полномочия по осуществлению судебного контроля, участие в решении кадровых вопросов, аналитическая деятельность и т.д. [12, с. 64].

И.Л. Петрухин утверждает, что при эффективной организации судебного контроля надобность в прокурорском надзоре в известной степени может быть излишней. Учёный считает, что прокурорский надзор может быть заменен хорошо отлаженным судебным контролем, а в тех случаях, когда принятие процессуальных решений и проведение следственных действий не

требуют соответствующего решения суда, прокурорский надзор должен сохраниться [15, с. 52].

Однако, развивая свою позицию, И.Л. Петрухин отмечает, что прогрессированию института судебного контроля серьезно противодействует ряд факторов. Во-первых, недостаточная фактическая обоснованность решений суда, вынесенных при осуществлении контроля, что закономерно при незавершенности предварительного расследования. Во-вторых, большая нагрузка на судебное звено, осуществляющее контроль. В-третьих, дублирование функций контроля следователя, прокурора и суда, что влечет необоснованное самоустранение и, как следствие, процессуальные ошибки. В-четвертых, существование принципа ложной солидарности означает поддержку процессуальных решений друг друга со стороны суда и прокуратуры [14, с. 90–92]. Названные факторы продолжают сосуществовать при действующей редакции уголовно-процессуального законодательства. А следовательно, делают актуальной задачу разработать обоснованные предложения, исключающие (или уменьшающие) негативное их воздействие на отправление правосудия.

В этой группе большая часть учёных при определении границ участия суда в досудебных стадиях рассматривает контрольную деятельность как разновидность правосудия.

Мы предлагаем свой вариант решения проблемы оптимизации функции судебного контроля на досудебных стадиях.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство всё многообразие вопросов, требующих судебного контроля, можно систематизировать по следующим основаниям:

1. Проверка соблюдения требований норм УПК о производстве отдельных следственных действий.

В настоящее время судом подлежит санкционированию следующий их перечень:

- обыск в жилище (ч. 3 ст. 182 УПК);
- выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ч. 3 ст. 183 УПК РФ);
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи (ч. 2 ст. 185);

– контроль и запись переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц, которые могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 186 УПК РФ);

– получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ);

– эксгумация трупа в случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации (ч. 3 ст. 178).

2. Об избрании мер пресечения и иных мер процессуального принуждения:

- домашний арест (ст. 107);
- заключение под стражу (ст. 108);
- залог (ч. 2 ст. 106 УПК РФ).

Указанное многообразие объектов судебного контроля неизбежно ведёт к возникновению негативного фактора загрузки судей, создаёт угрозу доминирования проверочной деятельности над отправлением правосудия.

Такое положение не только будет сохраняться, но и иметь тенденцию к расширению, если границы судебного контроля определять исходя из понимания Д.В. Фетищева. Он считает, что судебный контроль в досудебных стадиях уголовного судопроизводства должен распространяться на решения о производстве отдельных следственных и процессуальных действий, *существенно* (выделено нами) нарушающих права человека [21, с. 38]. Понятие существенности имеет оценочный характер. И при определённых условиях перечень решений субъектов доказывания можно продолжать расширять. Ещё более абстрактно предмет судебного контроля понимают И.А. Алешков, Т.В. Власова. Под судебным контролем они видят осуществляемую в процессуальной форме деятельность суда по проверке соблюдения требований нормативных правовых актов [2, с. 7]. Представляется правильным мнение о содержании предмета судебного контроля, выраженное П.А. Луценко. Он предлагает считать судебный контроль в досудебном производстве как направление деятельности суда по проверке соблюдения требований нормативных правовых актов [2, с. 7]. Представляется правильным мнение о содержании предмета судебного контроля, выраженное П.А. Луценко. Он предлагает считать судебный контроль в досудебном производстве как направление деятельности суда по проверке соблюдения требований нормативных правовых актов [2, с. 7]. Представляется правильной совокупность предусмотренных законом полномочий по защите (восстановлению) конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства посредством принятия промежуточных решений [7, с. 46].

Конституцией Российской Федерации дан следующий исчерпывающий перечень

прав граждан, контроль за соблюдением которых обязан осуществлять суд.

1. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 ст. 22 Конституции).

2. Ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции).

3. Проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц допускается на основании судебного решения. Жилище неприкосновенно (ст. 25 Конституции).

Данные конституционные установления должны быть критериальными при определении границ судебного контроля. Всё, что выходит за рамки конституционных положений и указанных в УПК РФ законодателем как подлежащее контролю, должно быть передано в полномочия прокуратуры в рамках надзорной деятельности. Такое предложение можно обосновать следующим правильным суждением: «конституционно-правовой статус прокуратуры России неразрывно связан с осуществлением правосудия и функционированием судебной системы, что обусловлено рядом причин. Во-первых, это схожие задачи органов прокуратуры и суда, направленные на восстановление и защиту прав граждан. Во-вторых, это ведущая роль, которая отведена суду и прокуратуре в сфере нормоконтроля. В-третьих, это необходимость поддержания прокурорами в суде обвинения от имени государства» [18, с. 235].

С учётом изложенного, предлагаем в качестве предмета надзорной деятельности за предварительным расследованием передать прокуратуре контроль за принятием субъектами доказывания следующих решений:

– о выемке предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ч. 3 ст. 183 УПК РФ);

– о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ);

– об эксгумации трупа в случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации (ч. 3 ст. 178);

– об избрании залога (ч. 2 ст. 106 УПК РФ);

– о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества (ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Несмотря на то что домашний арест в Конституции прямо не указан как подлежащий санкционированию, представляется целесообразным согласиться с законодателем и оставить за судом контроль за принятием решения по данной мере пресечения. Следует разделить позицию: «...домашний арест, и заключение под стражу связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределённым кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления. В силу этого применение таких мер пресечения должно осуществляться с соблюдением предусмотренных Конституцией Российской Федерации гарантий обеспечения данного права, схожих между собой по своим существенным характеристикам, в том числе определяющих сроки пребывания лица в условиях изоляции в соответствии с принципами юридического равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений» [16, с. 42].

Проведённое исследование позволяет сформулировать обоснованные выводы.

1. Утверждения учёных о нецелесообразности наделяния суда контрольными функциями являются ошибочными. Разделение данной позиции законодателем и упразднение контрольной функции суда за досудебным производством находится в противоречии с конституционными установлениями (ч. 2 ст. 22; ч. 2 ст. 23; ст. 25 Конституции РФ).

2. Судебный контроль – самостоятельный вид судебной деятельности. По своей природе он не является правосудием. С позиции обеспечения прав участников уголовного судопроизводства судебный контроль направлен на дачу правовой оценки промежуточных решений, принимаемых субъектами доказывания (дознавателем, следователем) в процессе досудебного производства. Правосудие же своим назначением имеет принятие конечного итогового решения по уголовно-правовому конфликту.

3. По отношению к правосудию судебный контроль выполняет обеспечительную функцию, устанавливая в деятельности субъектов доказывания факты соблюдения прав граждан. Обнаруживая нарушения нормативно установленных условий выполнения тех или иных процессуальных действий, о проведении которых ходатайствует субъект доказывания, и отказывая им в их производстве, суд таким способом:

– устраняет угрозы получения недопустимых доказательств (ст. 75 УПК РФ);

– формирует условия для получения качественных сведений (доказательств, ст. 74 УПК РФ), на основании которых только и возможно установление приговора обоснованного, законного, справедливого.

4. По вопросу пределов (границ) судебного контроля за досудебным производством мнение автора исследования заключается в том, что круг принимаемых субъектами доказывания процессуальных решений, которые обязаны контролировать судебные органы, является необоснованно широким. Такая компетенция суда не вызвана необходимостью; отсутствует и научное обоснование создавшегося положения. В настоящее время сформировалось противоречивое соотношение между двумя функциями суда: функцией контроля и функцией отправления правосудия. Продолжение законодателем усиления функции контроля может привести к её доминированию по отношению к основной – правосудию.

5. Предложен критерий оптимизации круга контрольных решений, принимаемых судом. Таким критерием должна стать Конституция Российской Федерации, положения которой определяют границы судебного контроля.

6. Разработаны предложения по передаче части контрольных функций надзирающим прокурорам.

4. Божьев, В.П. Состязательность на предварительном следствии [Текст] / В.П. Божьев // Законность. 2004. № 1. С. 4–12.

5. Кальницкий, В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны [Текст] / В.В. Кальницкий // Уголовное право. 2004. № 1. С. 70–75.

6. Ковтун, Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против [Текст] / Н.Н. Ковтун // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 42–48.

7. Луценко, П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации [Текст]: дисс. канд. юр. наук / П.А. Луценко. М., 2014. 25 с.

8. Мельников, В.Ю. Понятие правосудия и судебного контроля в досудебном производстве [Текст] / В.Ю. Мельников // Администратор суда. 2012. № 2. С. 6–15.

9. Мельников, В.Ю. Судебная реформа – некоторые вопросы судебного контроля [Текст] / В.Ю. Мельников // Российский судья. 2008. № 1. С. 35–45.

10. Михайловская, И.Б. Судебная власть [Текст] / И.Б. Михайловская. М. 2003. С. 21–27.

11. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики [Текст] / Н.Г. Муратова. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. 2004. С. 72–79.

12. Наделяева, Т.В. Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации [Текст] / Т.В. Наделяева // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 61–75.

13. Бозров, В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов [Текст] / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 28–37.

14. Петрухин, И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-разыскной деятельностью [Текст] / И.Л. Петрухин // Уголовное право. 2007. № 2. С. 90–92.

15. Петрухин, И.Л. Теоретические основы уголовного процесса России [Текст] / И.Л. Петрухин. Ч. 1. М., 2004. 285 с.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 51. ст. 7552.

17. Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст] // под. ред. В.П. Божева. М., 1996. 302 с.

18. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции: 22 марта 2013 г. [Текст] / Л.М. Аширова, М.С. Белоковильский, С.В. Бурмагин и др.; сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. С. 231–238.

19. Свиридов, М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда [Текст] / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей / под ред. Якимов

1. Азаров, В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России [Текст] / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. Омск: Омский гос. унив., 2004. 145 с.

2. Алешкова, И.А. Судебная власть в системе разделения властей в Российской Федерации: современное понимание [Текст] / И.А. Алешкова, Т.В. Власова // Российский судья. 2012. № 8. С. 6–9.

3. Берова, Д.М. Функция суда в уголовном судопроизводстве [Текст] / Д.М. Берова // Общество и право. 2011. № 1. С. 158–164.

вича. Томск: Томский госуниверситет. 2001. Вып. 7. С. 5–15.

20. Соловьев, А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора [Текст] / А.Б. Соловьев // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 15–21.

21. Фетищев, Д.В. Судебная власть в системе разделения властей [Текст] / Д.В. Фетищев // Российский следователь. 2008. № 10. С. 33–45.

References

1. Azarov, V.A., Tarichko I.U. (2004) *Functii sudebnogo kontrolya v istorii teorii i praktiki ugovnogo processa*, Omsk, pp. 145 [in Rus].

2. Aleshcova, I.A., Vlasova T.V. (2012) *Rossiiskii sudya*, № 8, pp. 6–9 [in Rus].

3. Berova, D.M. (2011) *Obshestvo i pravo*, № 1, pp. 158–164 [in Rus].

4. Bojev, V.P. (2004) *Zakonnost*, № 1, pp. 4–12 [in Rus].

5. Kalnickii, V.V. (2004) *Ugolovnoe pravo*, № 1, pp. 70–75 [in Rus].

6. Kovtun, N.N. (2010) *Rossiiskaya usticiya*, № 9, pp. 42–48 [in Rus].

7. Lucenko, P.A. (2014) *Sudebnii control v dosudebnih stadiyah ugovnogo processa: diss. kand. urid. nauk*. Moscow, 25 p. [in Rus].

8. Melnicov, V.U. (2012) *Administrator suda*, № 2, pp. 6–15 [in Rus].

9. Melnicov, V.U. (2008) *Rossiiskii sudya*, № 1, pp. 35–45 [in Rus].

10. Mihailovskaya, I.B. (2003) *Sudebnaya vlast*. Moscow, pp. 21–27 [in Rus].

11. Muratova, N.G. (2004) *Sistema sudebnogo kontrolya v ugovnom sudoproizvodstve: voprosi teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki*. Kazan, pp. 72–79 [in Rus].

12. Nadelyaeva, T.V. (2011) *Rossiiskii uridicheskii jurnal*, № 6, pp. 61–75 [in Rus].

13. Bozrov, V.M. (1999) *Sovremenie problem rossiiskogo pravosudia po ugovnim delam v deyatelnosti voennih sudov*. Ekaterinburg, pp. 28–37 [in Rus].

14. Petruhin, I.L. (2007) *Ugolovnoe pravo*, № 2, pp. 90–92 [in Rus].

15. Petruhin, I.L. (2004) *Teoreticheskie osnovy ugovnogo processa Rossii*. Moscow, 285 p. [in Rus].

16. *Postanovlenie Kostitucionnogo suda RF № 27-П 06.12.2011 // Sобрание zakonodatelstva RF 2011 № 51. St. 7552* [in Rus].

17. *Pravoohranitelnie organy Rossiiskoi Federacii (1996) // Pod red. Bojeva V.P. 302 p.* [in Rus]

18. *Sbornik statey po materielam Vserossiiskoy nauchno-practticheskoy konferencii 22 marta 2013 / L.M. Ashirova. S.-Peterburg (2013) pp. 231–238.* [in Rus].

19. Sviridov, M.K. (2001) *Sootnoshenie funkcii razreshenia ugovnih del i sudebnogo kontrola v deyatelnosti suda // Pravovie problem ukreplenia rossiiskoi gosudarstvennosti*. Tomsk, pp. 5–15 [in Rus].

20. Solovev, A.B. (2007) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, № 3, pp. 15–21 [in Rus].

21. Fetishev, D.V. (2008) *Rossiiskii sledovatel*, № 10, pp. 33–45 [in Rus].

UDC 343.17

CONTROL AND ADMINISTRATION OF JUSTICE – TWO KINDS OF JUDICIAL ACTIVITY

Sergeev Konstantin Andreevich,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Professor of the Chair of Theory of Law, Criminal and Legal Disciplines, Doctor of Legal Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: sergeev_ka@mail.ru

Chebotareva Irina Yuryevna,

Branch of Adygei State University in Belorechensk,

Senior teacher of the Chair the Humanities and Legal Disciplines, Belorechensk, Russia.

Annotation

The article is devoted to the aspects connected with legal nature of controlling and supervisory activities in criminal justice process.

Aspects of delimitating functions of justice and controlling pre-trial investigation are studied. The authors investigate the issues of optimizing judicial monitoring.

Key concepts:

trial,
function of justice,
judicial control,
prosecutor's office.

УДК 343.846

НАЛИЧИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Черепашкин Алексей Сергеевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры теории права
и уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: btr2205@mail.ru

Бадамшин Ильфат Давлетнурович,

Уфимский юридический институт
МВД России,
старший преподаватель кафедры
уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Уфа, Россия.
Email: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются теоретико-прикладные вопросы определения юридической природы освобождения от наказания в связи с болезнью, соотношения юридических и медицинских оснований применения.

Ключевые понятия:

наказание,
осужденный,
освобождение от наказания,
основания освобождения,
болезнь,
психическое расстройство,
иная тяжелая болезнь.

Институт освобождения от наказания в связи с болезнью носит комплексный характер. Его основу составляет ст. 81 УК РФ, устанавливающая правовые и медицинские основания освобождения от наказания. Кроме того, ч. 5–8 ст. 175 УИК РФ предусматривают установленный порядок обращения с ходатайством и направления представления об освобождении от отбывания наказания по болезни, а ст. 397, 399 и 443 УПК РФ закрепляют полномочия суда по рассмотрению вопросов, связанных с освобождением от наказания в связи с болезнью, и порядок их разрешения.

Вопрос о юридической природе исследуемого института взаимосвязан с содержанием самих правовых норм, поэтому, как нам представляется, необходимо более детально остановиться на анализе содержания ст. 81 УК РФ. Отсутствие четкой регламентации в уголовном законе и разъяснений Верховного Суда РФ о практике применения освобождения от наказания в связи с болезнью послужило причиной того, что в уголовно-правовой теории до настоящего времени, к сожалению, не выработан однозначный подход к пониманию его юридической природы, что подтверждается наличием различных точек зрения по данному вопросу.

Так, ряд авторов относят освобождение от наказания в связи с болезнью к условному виду освобождения ввиду наличия в действующей редакции ч. 4 ст. 81 УК РФ, предусматривающей возможность привлечения к реальному отбыванию назначенного наказания в случае выздоровления лица [14, с. 210–211]. Другие рассматривают данный вид освобождения от наказания как безусловный, т.к., по их мнению, отмена не ставится в полную зависимость от обстоятельств, относящихся к поведению осужденного после принятия решения о его освобождении [3, с. 74–75].

Отметим, что впервые «душевная болезнь», наступившая у виновного лица после совершения общественно опасного деяния, была предусмотрена в качестве основания освобождения от наказания в ст. 14 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., а впоследствии – и в УК 1922 г., УК 1926 г., и УК 1960 г., а также в ст. 362 УПК 1960 г. Статья 81 УК РФ 1996 г. в качестве основания предусмотрела «психическое расстройство».

Анализ ч. 1 ст. 81 УК РФ позволяет выделить ряд признаков, характеризующих психическое расстройство как медицинское основание освобождения от наказания:

а) время заболевания – оно должно наступить у лица после совершения преступления либо во время отбывания наказания;

б) медицинский критерий, т.е. какие виды психического расстройства предусмотрены в качестве основания освобождения;

в) юридический критерий, раскрывающий, каким образом наличие у лица психического заболевания отражается на его сознании и поведении.

От того момента, на каком этапе предварительного расследования или судебного рассмотрения дела у лица наступает психическое расстройство, зависит, какое решение будет принято по уголовному делу. От времени наступления заболевания зависит также и установление у лица судимости. В теории права нет непримиримых споров относительно мнения, что наступление после провозглашения обвинительного приговора, но до начала отбывания наказания психического расстройства, является основанием освобождения лица от отбывания наказания [4, с. 59–60]. В то же время по вопросу о судимости указанных лиц единого мнения нет. Так, Р.А. Базаров и К.В. Михайлов предлагают считать указанную категорию лиц несудимыми в силу того, что они не в состоянии воспринимать неблагоприятные последствия, которые вытекают из факта судимости, и в связи с этим срок погашения судимости у них следует исчислять только после их выздоровления [3, с. 90–91]. Однако, на наш взгляд, таких лиц справедливо и верно считать судимыми в соответствии с вступившим в законную силу обвинительным приговором суда с назначением наказания. В пользу данного подхода может свидетельствовать и положение, обозначенное нами выше и закрепленное в ч. 4 ст. 81 УК РФ.

В том случае, когда психическое расстройство наступает у виновных лиц после совершения преступления, но до момента вынесения судом обвинительного приговора, их следует считать несудимыми, т.к. факт осуждения не может возникнуть без назначения наказания, а также в силу положения, вытекающего из ч. 2 ст. 86 УК РФ, где указано, что если лицо освобождено от наказания, то оно считается несудимым.

Если же психическое расстройство у осужденного наступает в период отбывания назначенного наказания, то суд освобождает

его от дальнейшего отбывания наказания, и такое лицо считается судимым.

Ко второму признаку психического расстройства как медицинского основания освобождения от наказания относится непосредственно характеристика его видов. Так, ч. 1 ст. 81 УК РФ указывает лишь на психическое расстройство, лишаящее лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. При этом характер расстройства (хронический или временный) закон не оговаривает и не дает примерного перечня основных групп психических заболеваний, как это, к примеру, сделано в ч. 1 ст. 21 УК РФ о невменяемости. Не определив характер и виды психического расстройства в качестве основания рассматриваемого освобождения, законодатель тем самым предоставил весь спектр полномочий по определению психического состояния осужденных лиц правоприменителям в лице экспертов-психиатров. В данной связи вполне обоснованно опасение Б.А. Спасенникова, считающего, что «ситуация, при которой психическое расстройство делает невозможным исполнение наказания, должна быть строго регламентирована в законе и не зависеть от «клинического мышления» тех или иных психиатров-экспертов, которые в силу своей профессиональной принадлежности знакомы с принципами правосудия лишь на уровне обыденного правосознания» [10, с. 18].

В некоторой степени указанная проблема решена на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Так, в ранее действовавшем Перечне заболеваний 2001 г. речь шла о хронических психических расстройствах (психозах и слабоумии), в то время как в действующем Перечне заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденном Правительством РФ в 2004 г.¹, говорится о хронических психических расстройствах стойкого характера.

Установление психических расстройств, делающих невозможным назначение и исполнение наказания, составляющих медицинское основание рассматриваемого освобождения от наказания, приводит нас к выводу о том, что в качестве таковых могут выступать различные по характеру и виду группы заболеваний. Их изучение, как правило, требует специаль-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // Российская газета. № 28. 13.02.2004.

ных познаний в области общей и судебной психиатрии.

К третьей группе признаков, которые характеризуют медицинское основание, относятся влияние психического расстройства (заболевания) на сознание и поведение лица, а именно: неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и неспособность руководить своими действиями.

Таким образом, осуществив рассмотрение основных признаков психического расстройства как медицинского основания освобождения от наказания, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Время наступления психического расстройства у лица, совершившего преступление, имеет непосредственное влияние на наличие или отсутствие факта осуждения.

Так, если у лица наступает психическое заболевание после совершения преступления, но до вынесения судом обвинительного приговора, то оно должно быть освобождено от наказания, и при этом такое лицо следует считать несудимым.

Если же психическое расстройство наступило у лица после вынесения судом обвинительного приговора и до начала отбывания наказания, оно освобождается от наказания по указанному основанию, но при этом считается судимым.

2. Временное психическое расстройство не является медицинским основанием освобождения от наказания в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ в том случае, если оно наступило в ходе предварительного следствия, что будет являться основанием для приостановления следствия по делу (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), или оно наступило после совершения преступления, но до вынесения обвинительного приговора: в таком случае суд должен приостановить производство по уголовному делу согласно п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ до выздоровления обвиняемого.

Говоря об иной тяжелой (не психической) болезни как основании освобождения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 81 УК РФ), следует указать, что доля лиц с указанными заболеваниями значительно преобладает над лицами, которые были освобождены на основании ч. 1 ст. 81 УК РФ. Так, из результатов проведенного О.А. Алфимовой исследования можно установить следующие «наиболее часто встречающиеся тяжелые заболевания: туберкулез легких – около 33%; злокачественные новообразования различных органов и тканей – около 24%; цирроз печени различной этиологии в стадии декомпенсации – около 12%; болезни

органов кровообращения – около 10%» [1, с. 178–179].

Содержание ч. 2 ст. 81 УК РФ, устанавливающее освобождение от отбывания наказания в связи с иной тяжелой болезнью, позволяет нам выявить ряд признаков, характеризующих медицинские основания освобождения:

- тяжелый характер болезни;
- момент ее возникновения – после совершения преступления;
- наличие препятствий к отбыванию наказания.

Понятие «тяжелая болезнь» нельзя отнести к оценочным категориям, т.к. существует ранее указанный нами Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, который устанавливает весь их исчерпывающий список. Им руководствуются специальные медицинские комиссии при проведении медицинского освидетельствования осужденных, администрации исправительных учреждений и суд при решении вопроса об освобождении от наказания по ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ.

Более правильным нам представляется отнесение рассматриваемого понятия к так называемым бланкетным, содержание которого целиком и полностью зависит от изменения тех нормативно-правовых актов, которые раскрывают его значение.

Целесообразность регламентации ч. 2 ст. 81 УК РФ с использованием бланкетного понятия вполне себя оправдывает, и это связано с тем фактом, что инновационные достижения медицины в области профилактики, предупреждения и лечения тех или иных заболеваний, их тяжести и неизлечимости постоянно прогрессируют, что необратимо приводит к изменениям в самом Перечне таких заболеваний.

Характеризуя второй признак, – момент возникновения иной тяжелой болезни, необходимо указать, что для «тяжелых хронических заболеваний характерно длительное протекание с периодическим обострением и затуханием (так протекает цирроз печени, фиброзно-кавернозный туберкулез легких). Злокачественные образования (особенно с локализацией во внутренних органах) до стадии разгара (метастазирования) могут развиваться достаточно длительное время, не проявляя симптомов и не причиняя особых беспокойств человеку, т.к. инкубационный период может протекать до нескольких лет» [11, с. 440–441].

Учитывая данный аспект, одним из наиболее важных обстоятельств будет являться тот фактор, что с учетом длительно-

го развития и протекания многих тяжелых заболеваний очень высока вероятность их возникновения еще до совершения преступления.

Следовательно, требование закона о моменте возникновения заболевания «после совершения преступления» игнорирует довольно часто встречающиеся случаи прогрессирования болезни (которая началась до совершения преступления) уже в период предварительного расследования или отбывания наказания.

Таким образом, время наступления тяжелой болезни не имеет, на наш взгляд, принципиального уголовно-правового значения. При освобождении лица в связи с тяжелой болезнью необходимо учитывать совокупность двух основополагающих факторов – медицинского основания освобождения и установления наличия эффективности исправительного воздействия назначенного наказания на осужденного за период его фактического отбывания. Если же наказание не оказало на осужденного необходимого исправительного эффекта, то его освобождение в связи с иной тяжелой болезнью будет противоречить целям наказания, в частности – цели предупреждения совершения новых преступлений [2, с. 200].

Заключительным признаком медицинского основания является наличие препятствий к отбыванию наказания.

Степень общественной опасности и криминогенной зараженности лиц, страдающих тяжелыми болезнями, не являющимися препятствием к совершению новых преступлений, не отпадает только в силу факта наличия у них такого заболевания. В связи с этим, при освобождении указанной категории осужденных, суд в обязательном порядке учитывает не только медицинское основание (наличие и характер болезни), но и основные критерии освобождения, регламентированные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством: тяжесть совершенного преступления, срок назначенного наказания и фактически отбытый срок, личность осужденного и его поведение в период отбывания наказания, степень его исправления.

Так, основанием для отказа в удовлетворении представления, при том, что согласно медицинскому заключению, А.С. Рыжков может быть освобожден от дальнейшего отбывания наказания, явилось то, что

в настоящее время возможно исправление осужденного А.С. Рыжкова только в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы. Принимая решение, суд учитывал, что А.С. Рыжков получает всю необходимую квалифицированную медицинскую помощь, учитывал также характер и степень общественной опасности совершенных А.С. Рыжковым преступлений, срок назначенного наказания – 16 лет лишения свободы, степень исправления осужденного и срок неотбытого наказания – 14 лет 4 месяца 11 дней на момент рассмотрения представления, а также отказ осужденного выполнять медицинские рекомендации врачей.

Часть 2 ст. 81 УК РФ предусматривает право суда освободить от наказания лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, что обусловлено невозможностью либо бесполезностью осуществления исправительного воздействия в условиях тяжелого психического заболевания осужденного. Из представленных материалов видно, что, несмотря на тяжкое заболевание, исправительное воздействие на А.С. Рыжкова оказывается. Невозможности либо бесполезности осуществления исправительного воздействия не установлено. Опасность совершения им повторных преступлений при наличии болезни не исключается².

Диаметрально противоположным примером наличия препятствий к отбыванию наказания может служить следующий прецедент: «...за преступление небольшой тяжести высокозаразному больному с диссеминированным туберкулезом легких было назначено наказание в виде обязательных работ сроком на 160 часов. Медицинское освидетельствование осужденного было проведено обычным государственным учреждением здравоохранения, и заключение врачебной комиссии оказалось крайне неконкретным. Однако на основании данного заключения районный суд отказал осужденному в удовлетворении ходатайства об освобождении от отбывания наказания по болезни. Тюменский областной суд отменил решение районного суда и направил материал на новое рассмотрение.

В результате тяжелообольной и опасный для окружающих человек на длительное время оказался вовлеченным в юридическую волокиту вместо адекватного лечения, не будучи при этом изолированным от здоровых людей» [6, с. 18].

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 01.02.2012 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.rospravosudie.com> (дата обращения: 14.04.15).

Также в рамках рассматриваемого признака необходимо отметить, что, на наш взгляд, справедлива точка зрения Б.А. Спасенникова о том, «что трудно представить освобождение по болезни от штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания» [10, с. 42], т.к. исполнение этих наказаний не зависит от наличия или отсутствия заболевания у осужденного.

К.В. Михайлов полагает, что из содержания ст. 81 УК РФ можно сделать вывод, что освобождение от отбывания наказания по болезни возможно при осуждении к любому виду наказания [7, с. 169]. Однако более правильной представляется точка зрения С.Н. Сабанина о том, что рассматриваемое освобождение возможно лишь в отношении наказаний срочного характера, т.к. понятие «освобождение от отбывания наказания» в уголовном законодательстве используется применительно к ним [12, с. 151–152].

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ тяжелая болезнь может препятствовать лишь срочным видам наказаний, которые отбываются осужденными, причем в их число не входят: штраф; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Характерно, что в данном случае единственным законодательно установленным источником освобождения по рассматриваемому основанию с указанием видов наказания является Уголовно-исполнительный кодекс РФ, который в ч. 7 ст. 175 устанавливает: «В случаях признания осужденного к обязательным работам или исправительным работам инвалидом первой группы, а осужденного к принудительным работам инвалидом первой или второй группы он вправе обратиться в суд с ходатайством о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания».

Подводя определенный итог, мы можем прийти к следующему выводу.

В основу освобождения от наказания в связи с наличием «иной тяжелой болезни» положена определенная уверенность в том, что осужденный в значительной мере теряет свою общественную опасность и лишается, как правило, возможности вновь совершать преступления.

Определенным, к сожалению, нелицеприятным подтверждением нашей позиции может служить констатация М.С. Матейко-

вича: «по данным прокуратуры Тюменской области, средняя продолжительность жизни освобожденных от наказания осужденных, имеющих тяжелые заболевания, составляет в среднем полтора-два месяца, а в ряде случаев несколько дней» [6, с. 24].

По нашему мнению, если указанной категории осужденных и предоставляется полное освобождение от отбывания наказания, то таким лицам должно быть поставлено условие, включающее в себя как минимум соблюдение правопослушного поведения и выполнение установленных медицинских рекомендаций.

Гарантией позитивного посткриминального поведения в данном случае, помимо факта наличия «тяжелого» заболевания будут выступать определенные ограничительные рамки.

В данной связи обращает на себя внимание закрепление аналогичных норм в уголовном законодательстве Республики Польша. В частности, в ст. 72 § 1 УК РП гл. VIII – Меры, связанные с применением к виновному испытательного срока (*probie*), – установлено, что ... суд может обязать осужденного:

- воздерживаться от употребления алкоголя или потребления другого одурманивающего вещества;

- пройти курс лечения, в особенности направленного на отвыкание или реабилитацию.

Таким образом, на наш взгляд, для повышения эффективности рассматриваемого уголовно-правового института, целесообразным будет законодательное закрепление ряда требований, которые (по усмотрению суда) могут предъявляться к досрочно освобождаемым от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью (за исключением лиц, заболевших «хроническим») [14, с. 755] психическим заболеванием).

1. Алфимова, О.А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты [Текст] / О.А. Алфимова: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск: Изд-во «Вильямс», 2015. 180 с.

2. Бадамшин, И.Д. Исправление как цель наказания [Текст] / И.Д. Бадамшин, В.Б. Поезжалов: Учебно-методическое пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2012. 44 с.

3. Бадамшин, И.Д. Освобождение от наказания: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты [Текст] / И.Д. Бадамшин, А.А. Зеленцов, В.Б. Поезжалов: Учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2006. 63 с.

4. Базаров, Р.А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания [Текст] / Р.А. Базаров, К.В. Михайлов. Челябинск: Юрлит, 2014. 531 с.

5. Грамматчиков, М.В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты [Текст] / М.В. Грамматчиков: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск: Изд-во «Вильямс», 2015. 230 с.

6. Матейкович, М.С. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью [Текст] / М.С. Матейкович // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 23–25.

7. Михайлов, К.В. Уголовно-правовой институт освобождения от наказания [Текст] / К.В. Михайлов. М.: Юрлитинформ, 2014. 169 с.

8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 16-е изд., исправ. [Текст] / С.И. Ожегов. М.: Азъ, 1992. 755 с.

9. Спасенников, Б.А. Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством [Текст] / Б.А. Спасенников // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 42–43.

10. Сабанин, С.Н. Условное и безусловное освобождение от уголовной ответственности или наказания [Текст] / С.Н. Сабанин. М.: Экспо, 1983. 151 с.

11. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2013. 378 с.

References

1. Alfimova, O.A. (2015) Osvobozhdenie ot nakazaniya v svyazi s bolezni'ju: ugo-lovno-pravovoj i ugo-lovno-ispolnitel'nyj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnojarsk: Izd-vo «Vil'jams», 180 p. [in Rus].

2. Badamshin, I.D., Poezzhalov V.B. (2012) Ispravlenie kak cel' nakazaniya. Ufa, UJul MVD Rossii, 44 p. [in Rus].

3. Badamshin, I.D., Zelencov, A.A., Poezzhalov, V.B. (2006) Osvobozhdenie ot nakazaniya: ugo-lovno-pravovoj i ugo-lovno-ispolnitel'nyj aspekty. Ufa: UJul MVD Rossii, 63 p. [in Rus].

4. Bazarov, R.A., Mihajlov K.V. (2014) Osvobozhdenie ot ugo-lovnoj otvetstvennosti i nakazaniya. Cheljabinsk: JurLit, 531 p. [in Rus].

5. Grammatichikov, M.V. (2015) Sudimost': istoricheskij, ugo-lovno-pravovoj i ugo-lovno-ispolnitel'nyj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnojarsk: Izd-vo «Vil'jams», 230 p. [in Rus].

6. Matejkovich, M.S. (2014) Rossijskaja justicija, № 10, pp. 23–25 [in Rus].

7. Mihajlov, K.V. (2014) Ugo-lovno-pravovoj institut osvobozhdenija ot nakazaniya. M.: JurLitinform, 169 p. [in Rus].

8. Ozhegov, S.I. (1992) Slovar' russkogo jazyka. 16-e izd., isprav.. Moscow, Az', 755 p. [in Rus].

9. Spasennikov, B.A. (2013) Rossijskaja justicija, № 4, pp. 42–43 [in Rus].

10. Sabanin, S.N. (1983) Uslovnoe i bezuslovnoe osvobozhdenie ot ugo-lovnoj otvetstvennosti ili nakazaniya. Moscow, Jekspo, 151 p. [in Rus].

11. Ugo-lovnoe pravo (2013). Obshhaja chast': uchebnik dlja bakalavrov / pod red. A.I. Chuchaeva. Moscow, Prospekt, 378 p. [in Rus].

UDC 343.846

INCIDENCE OF ILLNESS AS A REASON FOR RELEASE FROM PUNISHMENT

Cherepashkin Aleksey Sergeevich,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Associate Professor of the Chair of Theory of Law, Criminal and Legal Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: btr2205@mail.ru

Badamshin Ilfat Davletnurovich,

Ufa Law Institute of Interior Ministry of Russia, Senior teacher of the Chair of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Ufa, Russia.
Email: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation

The article analyses theoretical and applied aspects of defining juridical nature of release from punishment on account of illness, proportion between juridical and medical reasons for application.

Key concepts:

punishment,
convicted offender,
release from punishment,
reasons for release,
illness,
mental disorder,
serious disease.

УДК 338.45/01

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Неживенко Елена Алексеевна,

Челябинский государственный
университет,
профессор кафедры экономической
теории и регионального развития,
доктор экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: mrcpk@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения региональной политики импортозамещения в промышленности Челябинской области. Высказываются предложения автора по формированию экспортоориентированных импортозамещающих комплексов в регионах и совершенствованию финансово-экономического обеспечения импортозамещения в Челябинской области. Рассматриваются предложения по улучшению инфраструктурного обеспечения импортозамещения в Челябинской области.

Ключевые понятия:

промышленность,
импортозамещение,
политика импортозамещения,
отрасли промышленности,
развитие экономики региона.

В современных экономических условиях, характеризующихся усилением санкционного давления на российскую экономику, импортозамещение выступает одним из важных факторов повышения конкурентоспособности отраслей промышленности, строительства и сельского хозяйства, а также обеспечения экономической безопасности.

При этом импортозамещение связывают с решением одной из основных задач экономики России – ее диверсификацией. В настоящее время, по оценкам правительства Российской Федерации, доля импорта в различных отраслях экономики крайне высока. Так, Россия импортирует в гражданском самолетостроении более 80% комплектующих, в тяжелом машиностроении – 70%, в нефтегазовом оборудовании – 60%, в энергетическом оборудовании – около 50%, в сельхозмашиностроении (в зависимости от категории продукции) – от 50% до 90% деталей [13].

С целью эффективной реализации политики импортозамещения и диверсификации экономики как в Российской Федерации, так и в ее регионах в настоящее время осуществляется планирование деятельности по импортозамещению в отраслях промышленности. В соответствии с Планом содействия импортозамещению в промышленности [10] Министерство промышленности и торговли Российской Федерации утвердило ведомственными приказами отраслевые планы по гражданским секторам промышленности. На основе перечня приоритетных и критических видов продукции было разработано 19 отраслевых программ импортозамещения, включающих 2059 проектов. В рамках подготовленных программ запланированы мероприятия в таких отраслях, как: фармацевтическая промышленность, тяжелое машиностроение, программное обеспечение, авиастроение, судостроение.

Планирование деятельности по импортозамещению в отраслях промышленности с целью их диверсификации и повышения устойчивости активно ведется и в российских регионах.

Так, в соответствии с утвержденным методическим подходом Мипродторга России к разработке отраслевых планов мероприятий по импортозамещению, в Челябинской области разработан Проект Государственной программы региона «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Челябинской области на 2015–2020 годы» [12], который корректно отражает задачи импортозамещения, формирует комплексную систему

мероприятий по импортозамещению, содержит механизм развития импортозамещения, соответствующий задачам и мероприятиям программы, генерирует перечень импортозамещающей продукции, выпускаемой или планируемой к выпуску предприятиями Челябинской области. Программа определяет экономические основы и создает инструменты, которые делают процессы импортозамещения в регионе необратимыми.

В то же время решение задач импортозамещения в российских регионах могло быть более действенным, если бы в региональных программах импортозамещения нашел отражение ряд аспектов и были учтены следующие недостатки.

Прежде всего следует отметить нечетко сформулированную цель Программы. В качестве цели, на наш взгляд, должно стать не «создание условий для формирования конкурентоспособного промышленного комплекса» [12, с. 2], а рост валового регионального продукта за счет увеличения объемов производства и сбыта конкурентоспособной импортозамещающей продукции промышленным комплексом Челябинской области. Такая цель была бы увязана с целевыми индикаторами программы и позволяла количественно оценивать ее достижение.

Что касается самих целевых индикаторов программы, то по ним, скорее, можно оценить уровень экономического развития региона, но не протекающие в нем процессы импортозамещения. Чтобы эти индикаторы точнее отражали суть импортозамещения и его цель, в их состав следует дополнительно включить:

- объем отгруженной продукции по приоритетным продуктовым направлениям импортозамещения;

- объем инвестиций предприятий, получивших меры государственной поддержки на освоение импортозамещающих видов продукции (таблица 1).

Другим недостатком Программы является неупорядоченность в определении критериев при выделении приоритетных рынков сбыта импортозамещающей продукции. На наш взгляд, ведущим критерием при выделении приоритетных рынков должны стать «емкость и потенциал внутреннего и внешнего рынков Челябинской области в части импортозамещения» (сейчас это 3-й критерий). При этом следует отметить слабую ориентацию программы на формирование спроса на промышленную и наукоемкую продукцию в ведущих отраслях – потребителях импортозамещающей продукции: в машиностроении, на транспорте, строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве. Фактически в Программе отсутствуют инструменты стимулирования спроса в отраслях-потребителях наукоемкой промышленной продукции со стороны региональных органов власти. Без действенных мер по формированию спроса на импортозамещающую продукцию целевые индикаторы не будут достигнуты [11].

Для решения этой задачи в регионе следует разработать комплекс административных мер, направленных на реорганизацию жилищно-коммунального хозяйства и строительства, а также их перевод на принципы жесткого энергосбережения и новые технологии строительства, требующие нового инженерного оборудования зданий и сооружений, в том числе приборов учета потребления тепла и энергии, устройств энергосбережения, а также новой импортозамещающей строительной техни-

Таблица 1

Существующие и предлагаемые целевые индикаторы Программы развития импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Челябинской области

Существующие целевые индикаторы программы	Предлагаемые дополнительные целевые индикаторы программы
Индекс промышленного производства, 2020 год в % к 2014 году	Объем отгруженной продукции по приоритетным продуктовым направлениям импортозамещения в 2020 году
Объем инвестиций в основной капитал региональных предприятий и организаций в 2020 году	Объем инвестиций предприятий, получивших меры государственной поддержки на освоение импортозамещающих видов продукции за 2015–2020 годы
Объем экспорта во внешнеторговом обороте области, 2020 год в % к 2014 году	

ки. При решении этой задачи важно обеспечить эффективный контроль принятых решений по оснащению многоквартирных домов коллективными и индивидуальными приборами учета используемых воды, тепловой энергии, электрической энергии.

Изменение критериев импортозамещения должно согласовываться с переориентацией простого импортозамещения на экспортоориентированное (рис. 1) с использованием потенциала «глобальных производителей» товаров.

ров по более высокой цене, более низкого качества, а должна исходить из поддержки тех секторов, которые способны производить продукцию одинаково конкурентоспособную на внутреннем и внешнем рынке. Тем более что в настоящее время для реализации такой промышленной политики в регионах имеются объективные макроэкономические предпосылки и необходимая динамика валютного курса.

Реализация модели экспортоориентированного импортозамещения долж-

Существующий ориентир	Простое импортозамещение
Предлагаемый ориентир	Экспортоориентированное импортозамещение

Рис. 1. Ориентиры развития импортозамещения в Челябинской области

Необходимость такого подхода вытекает из того обстоятельства, что во многих случаях емкость внутреннего рынка, особенно в части его машиностроительного сегмента, является недостаточно широкой [2, 3, 5, 9]. Поэтому перспективным следует считать не просто импортозамещение зарубежной промышленной и машиностроительной продукции на российскую для ее реализации на внутреннем рынке, а импортозамещение с целью продаж на зарубежных рынках. При этом региональная промышленная политика не должна строиться исходя из концепции навязывания отечественному потребителю своих това-

на осуществляться на базе предлагаемых нами экспортоориентированных импортозамещающих комплексов (рис. 2), которые необходимо создавать в регионах.

Эффективное функционирование в регионах предлагаемых импортозамещающих комплексов обеспечит преодоление нацеленности экономики с простого импортозамещения на экспортоориентированное, а следовательно, решит проблему ограниченных возможностей внутреннего рынка Челябинской области и Российской Федерации.

Развитие экспортоориентированного импортозамещения также сдерживается

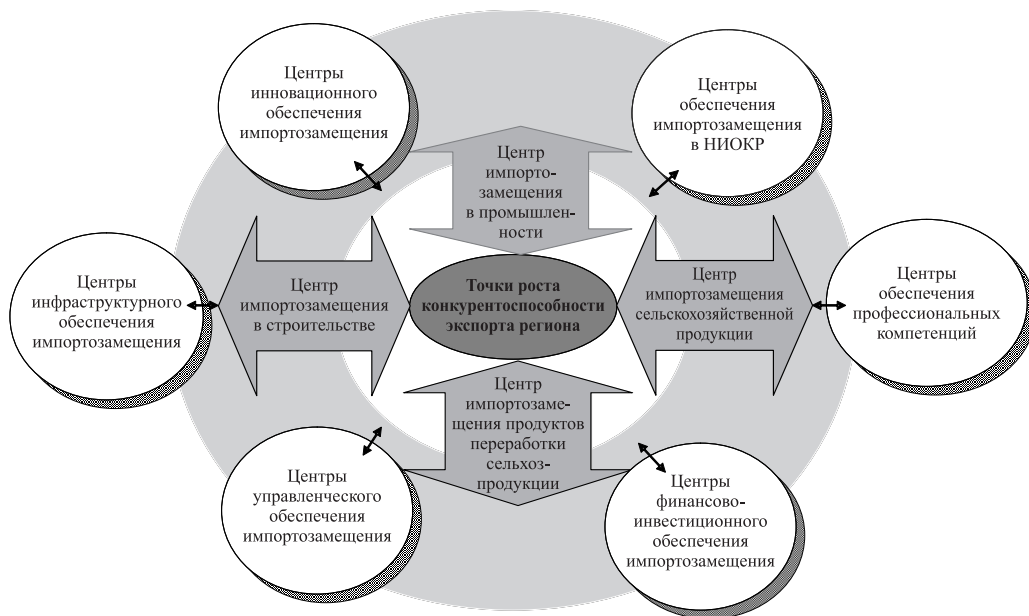

Рис. 2. Экспортоориентированный импортозамещающий комплекс региона

ввиду неэффективности его финансово-экономического обеспечения.

Прежде всего, в Челябинской области ограничены объемы привлечения инвестиций в импортозамещающие подотрасли [6, 7], что не формирует условий для наращивания производственных мощностей у региональных производителей импортозамещающей продукции. Собственные же ресурсы недостаточны для полноценной реализации программ по организации производства импортозамещающей продукции. Так, по данным Челябинскстата, за 2014 год объемы инвестиций в обрабатывающие производства региона сократились на 15,4%, в производство электрооборудования – на 22,9%, в металлургическое производство и производство готовых металлических изделий – на 26,7%, в химические производства – на 50,5% [4].

Кроме этого, фактически единственным инструментом финансово-экономического обеспечения импортозамещения в регионе является предоставление Министерством экономического развития Челябинской области из средств областного бюджета субсидий для покрытия процентных ставок тем хозяйствующим субъектам, которые реализуют инновационные проекты по импортозамещению.

Недостатком предлагаемого минэкономразвития региона механизма субсидирования является то, что при неограниченном максимальном размере кредита субсидия, предназначенная для покрытия процентных ставок, ограничивается всего лишь 5 миллионами рублей. Такой размер субсидии позволит простимулировать лишь краткосрочные локальные инвестиционные проекты по техническому перевооружению, но не будет способствовать массовому созданию импортозамещающих производств за счет этого источника. На таких условиях субсидирования промышленные и машиностроительные предприятия не смогут реализовывать крупные долгосрочные инвестиционные проекты.

Проведенный экономический расчет показывает, что субсидия, выданная на условиях Государственной программы региона «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Челябинской области на 2015–2020 годы», покроет кредит в размере 60 млн рублей сроком на 12 месяцев или 25 млн руб. сроком на 5 лет. При этом средняя стоимость инвестиционных проектов, осуществляемых, например, ОАО «Уралэлемент» по техни-

ческому перевооружению производства химических источников тока и батарей (на существующих площадях), составляет 332 млн руб. при среднем сроке реализации в 5 лет; на ООО «Уфалейский завод металлоизделий» средняя стоимость проекта – 365 млн руб. при среднем сроке реализации в 4 года.

В настоящее время такой размер субсидии в большей мере соответствует условиям поддержки малого, а не крупного бизнеса в регионе. Для эффективной государственной поддержки крупных долгосрочных инвестиционных проектов, нацеленных на экспорториентированное импортозамещение, установленный Минэкономразвития Челябинской области размер субсидии для покрытия процентных ставок необходимо повысить до 30–50 млн руб.

В целях повышения эффективности Государственной программы развития импортозамещения в отраслях промышленности Челябинской области состав программно-целевых инструментов следует расширить, поскольку одного субсидирования процентных ставок явно недостаточно.

В настоящее время в Программе дополнительно следует задействовать следующие инструменты государственной поддержки, предусмотренные Законом Челябинской области № 201-30 от 18.06.2015 г. «О промышленной политике в Челябинской области» [8]:

- предоставление финансовой поддержки субъектов промышленности за счет средств областного бюджета через Государственные фонды развития промышленности Челябинской области;
- предоставление налоговых льгот в соответствии с законодательством о налогах и сборах Российской Федерации и Челябинской области;
- предоставление областных государственных гарантий;
- предоставление субъектам промышленности субсидий на финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполняемых в ходе реализации инвестиционных проектов;
- предоставление финансовой поддержки организациям, осуществляющим инновационную деятельность, при оказании инжиниринговых услуг, при реализации проектов по повышению экологической безопасности промышленных производств;
- формирование условий для координации и кооперации деятельности субъектов в сфере промышленности при осу-

ществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности;

– стимулирование деятельности по созданию или освоению производства промышленной продукции путем внедрения в производство результатов интеллектуальной деятельности в приоритетные направления развития техники и технологий.

Анализ реализации действующих инфраструктурных проектов в регионе показал, что не все из них в полной мере нацелены на развитие импортозамещения в отраслях промышленности. Так, только что открытый мультимодальный транспортно-логистический комплекс «Южноуральский» (кроме сборочного производства) в значительной мере ориентирован на переработку сельскохозяйственной продукции и производство продуктов питания. Индустриальный парк инноваций «Малая Со斯诺вка» фактически пустует из-за высокого входного барьера (от 200 млн руб.) и незавершенных работ по подведению к границе сетей газоснабжения, электроснабжения, водоснабжения и водоотведения. В то же время в регионе не предусмотрен долгосрочный инфраструктурный проект по модернизации городского трамвайного парка в Челябинске, Магнитогорске и Златоусте с учетом системной работы по замене импортных узлов и комплектующих выпускаемых трамвайных вагонов на аналоги российского производства, что позволило бы загрузить производственные мощности Усть-Катавского вагоностроительного завода. При этом следует учитывать, что износ трамвайного парка в области составляет 90%, а замене подлежит более 500 трамваев [1]. Для обеспечения государственной поддержки в данной сфере правительство Челябинской области должно включить в Программу развития импортозамещения в отраслях промышленности: 1) комплекс мероприятий по обновлению трамвайных вагонов в городах Челябинской области (Челябинске, Магнитогорске и Златоусте) до 2020 года; 2) мероприятия по финансированию затрат на закупку субсидируемой техники (трамвайных вагонов), а также сам план закупок субсидируемой техники в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Постановление Правительства РФ от 01.04.2015 № 303).

Дополнение Проекта Государственной программы региона «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности

Челябинской области на 2015-2020 годы» за счет отмеченных положений позволит достичь ее основную цель – увеличить валовой региональный продукт за счет роста производства импортозамещающей продукции и расширения рынков ее сбыта.

1. Генеральный директор Усть-Катавского вагоностроительного завода (УКВЗ) Александр Гнатюк: УКВЗ нацелен на долгосрочные перспективы [Текст] // Комсомольская правда. 2015. 15 апр. Режим доступа: <http://www.chel.kp.ru/daily/26367/3248524/> (дата обращения: 09.07.2015).

2. Головихин, С.А. К новой стратегии повышения конкурентоспособности региона на основе развития наукоемкого машиностроения [Текст] / С.А. Головихин // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 103–108.

3. Головихин, С.А. Обеспечение конкурентоспособности региона на основе формирования конкурентных преимуществ региональных машиностроительных предприятий [Текст] / С.А. Головихин // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 40 (223). С. 13–22.

4. Динамика инвестиций в основной капитал в Челябинской области по видам экономической деятельности (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году) [Электронный ресурс]. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/resources/1e872f0048c0f205a051f0f7eaa5adf2/%D0%98%D0%A4%D0%9E+%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82.pdf (дата обращения: 10.08.2015).

5. Малых, О.Е. Знание как основной фактор экономического роста [Текст] / О.Е. Малых, А.П. Каюмова // Научное мнение. 2013. № 9. С. 264–269.

6. Неживенко, Е.А. Классификация факторов конкурентоспособности региона [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–7. С. 1397–1401.

7. Неживенко, Е.А. Системный подход к региональным исследованиям конкурентоспособности [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–5. С. 1012–1016.

8. О промышленной политике в Челябинской области: Закон Челябинской области № 201-ЗО от 18.06.2015 г. URL: [file:///C:/Users/26er/Downloads/7400201506220003%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/26er/Downloads/7400201506220003%20(1).pdf) (дата обращения: 08.08.2015).

9. Печерица, Е.В. Кластерный подход к изучению территориальных социально-экономических систем [Текст] / Е.В. Печерица, Е.Е. Шарафанова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 3 (17). С. 144–150.

10. План содействия импортозамещению в промышленности: Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2014 года № 1936-р. URL: http://prom.tularegion.ru/netcat_files/7645/11598/h_b77c8021d05140cd86206080fba5fd69 (дата обращения: 07.08.2015).

11. Полякова, А.Г. Государственное управление в контексте проблемы модернизации экономики региона [Текст] / А.Г. Полякова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 1. С. 128–131.

12. Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Челябинской области на 2015–2020 годы: Проект государственной программы Челябинской области. URL: <http://www.econom-chelreg.ru/progrrealmingp&article=3397&print=1> (дата обращения 10.08.2015).

13. Тимошенко, В. Политика импортозамещения в России: от слов к делу [Текст] / В. Тимошенко. URL: <http://www.garant.ru/article/630000/#ixzz3iLZGk8Cv> (дата обращения: 08.08.2015).

References

1. Generalnyi direktor Ust-Katavskogo va-gonostroitel'nogo zavoda (UKVZ) Aleksandr Gnatyuk: UKVZ natselen na dolgosrochnnye perspektivy (2015) // Komsomolskaya Pravda, April the 15, available at: <http://www.chel.kp.ru/daily/26367/3248524/> (accessed: 09.07.2015) [in Rus].

2. Golovikhin, S.A. (2014) Sotsium i vlast', № 4 (48), pp. 103–108 [in Rus].

3. Golovikhin, S.A. (2011) Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika, № 40 (223), pp. 13–22 [in Rus].

4. Dinamika investitsiy v osnovnoi kapital v Chelyabinskoi oblasti po vidam ekonomicheskoi deyatel'nosti (v sopostavimyyh tsenah; v protsentah k predyduschemu godu) (2015). Available at: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/resources/1e872f0048c0f205a051f0f7eaa5adf2/%D0%98%D0%A4%D0%9E+%D0%B8%D%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82.pdf (accessed: 10.08.2015) [in Rus].

5. Malykh, O.E., Kayumova, A.R. (2013) Nauchnoye mneniye, № 9, pp. 264–269 [in Rus].

6. Nezhivenko, E.A., Novikova, I.A. (2013) Fundamentalnye issledovaniya, № 11–7, pp. 1397–1401 [in Rus].

7. Nezhivenko, E.A., Novikova, I.A. (2013) Fundamentalnye issledovaniya, № 11–5, pp. 1012–1016 [in Rus].

8. O promyshlennoi politike v Chelyabinskoi oblasti: Zakon Chelyabinskoi oblasti № 201-30 ot 18.06.2015 (2015). Available at: [file:///C:/Users/26er/Downloads/7400201506220003%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/26er/Downloads/7400201506220003%20(1).pdf) (accessed: 08.08.2015) [in Rus].

9. Pecheritsa, E.V., Sharafanova, E.E. (2013) Teoria i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii, № 3 (17), pp. 144–150 [in Rus].

10. Plan sodeistviya importozamescheniyu v promyshlennosti: Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 30 sentyabrya 2014 goda № 1936-p (2014). Available at: http://prom.tularegion.ru/netcat_files/7645/11598/h_b77c8021d05140cd86206080fba5fd69 (accessed: 07.08.2015) [in Rus].

11. Polyakova, A.G. (2011) Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki, № 1, pp. 128–131 [in Rus].

12. Razvitiye importozamescheniya i nauchno-proizvodstvennoi kooperatsii v otraslyah promyshlennosti Chelyabinskoi oblasti na 2015–2020 gody: Proekt gosudarstvennoi programmy Chelyabinskoi oblasti (2015). Available at: <http://www.econom-chelreg.ru/progrrealmingp&article=3397&print=1> (accessed: 10.08.2015) [in Rus].

13. Timoshenko, V. Politika importozamescheniya v Rossii: ot slov k delu (2015). Available at: <http://www.garant.ru/article/630000/#ixzz3iLZGk8Cv> (accessed: 08.08.2015) [in Rus].

UDC 338.45/01

THE POLICY OF IMPORT SUBSTITUTION IN INDUSTRY AND ITS IMPACT ON THE PROSPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHELYABINSK REGION

Nezhivenko Elena Alekseevna,

Chelyabinsk State University,
Professor of the Chair of Economic Theory and Regional Development,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: mrcpk@list.ru

Annotation

The paper deals with the fundamental principles of regional policy of import substitution in the industry of Chelyabinsk region. The author makes proposals as for the forming of export-oriented import substituting complexes in the region and improving financial economic support of import substitution in Chelyabinsk region. Proposals to improve infrastructural support of import substitution in Chelyabinsk region are considered.

Key concepts:

industry,
import substitution,
policy of import substitution,
industrial sectors,
development of regional economics.

УДК 332.146.2; 338.45.621; 339.137.22

УПРАВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТНЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУКОЁМКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ)

Головихин Сергей Александрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель декана
факультета экономики и права,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: gsa@rane74.ru

Валетов Анатолий Игоревич,

Департамент внешнеэкономических
и международных связей,
Правительство города Москвы,
заместитель руководителя департамента,
кандидат экономических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: anatoly.valetov@gmail.com

Аннотация

Эффективное управление конкурентными преимуществами отраслевых региональных комплексов выступает одним из ведущих факторов повышения конкурентоспособности российских регионов. В статье рассматривается модель формирования и обеспечения конкурентных преимуществ регионального наукоемкого машиностроения, выступающего драйвером роста конкурентоспособности промышленно развитых регионов. Раскрываются внутренние и внешние факторы конкурентных преимуществ, состав субъектов формирования и обеспечения конкурентных преимуществ, выполняемые ими функции.

Ключевые понятия:

регион,
конкурентоспособность региона,
конкурентные преимущества,
наукоемкое машиностроение.

Необходимость перехода к новой концепции экономического роста, опирающейся на интенсивное развитие и повышение конкурентоспособности наукоемких отраслей промышленности, и прежде всего машиностроения, требует действенного формирования его конкурентных преимуществ [1, 2], а также эффективного управления конкурентными преимуществами наукоемкого машиностроения в регионах.

Принципиальный подход к управлению конкурентными преимуществами регионального наукоемкого машиностроения отражается в разработанной структурно-логической модели формирования и обеспечения конкурентных преимуществ (см. рисунок). Такая модель представляет собой логическое описание компонентов и функций, отражающих конкурентные преимущества наукоемкого машиностроения в регионе и процесс их формирования и обеспечения, рассматриваемых во взаимосвязи [4, 6].

В соответствии с содержательным наполнением понятий «формирование» и «обеспечение», формирование конкурентных преимуществ наукоемкого машиностроения в регионе предлагается трактовать как их создание, а обеспечение – как предоставление условий для того, чтобы конкурентная позиция региона в действительности была достигнута за счет его конкурентных преимуществ, то есть условий для реального использования конкурентных преимуществ наукоемкого машиностроения как фактора конкурентоспособности региона.

Разделению процессов формирования и обеспечения конкурентных преимуществ соответствует разделение субъектов, реализующих эти процессы.

Субъекты формирования конкурентных преимуществ представлены хозяйствующими субъектами (промышленными предприятиями-производителями, научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро) – непосредственными создателями и производителями наукоемкой машиностроительной продукции в регионе.

Непосредственное формирование конкурентных преимуществ осуществляют руководство предприятий, а также руководство и персонал их структурных подразделений. В инженерных центрах предприятий происходит формирование конкурентных преимуществ в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Сотрудники подразделений основного, вспомогательного и обслуживающего производств создают конкурентные преимущества в производственной сфере.

В сфере реализации формирования конкурентных преимуществ происходит в отделе маркетинга, финансово-экономическом отделе. В сфере обслуживания продукции конкурентные преимущества формируются сервисными центрами гарантийного и послегарантийного обслуживания.

Особенность создания конкурентных преимуществ и специфика этого процесса может определяться наличием интеграционных форм взаимодействия предприятий-производителей наукоемкой машиностроительной продукции в рамках объединений, финансово-промышленных групп, региональных кластеров [8].

изводства, соответствующими требованиям эффективного функционирования регионального наукоемкого машиностроения;

- потребители наукоемкой продукции определяют реальные и потенциальные потребности, объем и структуру спроса, соотношение качества и цены;

- предприятия-конкуренты косвенно обеспечивают конкурентные преимущества, используя собственные конкурентные преимущества;

- международные организации (Международная организация по стандартизации, Всемирная торговая организация, Европейская экономическая комиссия и

Рис. Структурно-логическая модель формирования и обеспечения конкурентных преимуществ наукоемкого машиностроения в регионе

Обеспечивают конкурентные преимущества такие субъекты, как:

- органы власти (законодательные и исполнительные). Они создают законодательные и нормативные условия, способствующие как возникновению новых, так и проявлению имеющихся конкурентных преимуществ [7]. Правительственные органы РФ, используя нетарифные меры регулирования, могут ограничивать доступ зарубежных производителей на внутренний рынок и за счет этого обеспечивать условия для появления конкурентных преимуществ у отечественных производителей наукоемкой машиностроительной продукции. Государственная система защиты интеллектуальной собственности также направлена на обеспечение конкурентных преимуществ производителей наукоемкой продукции;

- поставщики ресурсов создают условия для своевременного обеспечения качественными и экономичными факторами про-

др.). В результате их деятельности могут появляться условия для проявления на внешних рынках конкурентных преимуществ региональных производителей наукоемкой машиностроительной продукции;

- кредитные, венчурные и страховые организации. Они способствуют обретению превосходств региональными производителями наукоемкой машиностроительной продукции путем создания условий для инвестирования и снижения рисков вложений в новое производство, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, увеличение масштабов функционирующего производства, инновационных проектов и др.;

- консалтинговые организации оказывают региональным наукоемким машиностроительным предприятиям услуги по техническому, экономическому и правовому консультированию, что делает возможным более быстрое обретение превосходств ре-

гиональным наукоемким машиностроением в научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках, производстве и освоении рынков;

– образовательные и научные центры способствуют созданию превосходств в знаниях, инновациях, уровне квалификации и пр. [3].

Функциями субъектов формирования и обеспечения конкурентных преимуществ в ходе их взаимодействия являются формирование и обеспечение:

– конкурентных преимуществ в технике и технологии. Примером может являться то, что региональное наукоемкое машиностроение за счет поддержки превосходств в автоматизации производства и управления, в использовании прогрессивного оборудования и современных информационных технологий получает возможность выхода на более высокие конкурентные позиции по техническим характеристикам производства и выпускаемой продукции;

– организационно-экономических конкурентных преимуществ. Например, кластеризация регионального наукоемкого машиностроения позволяет использовать интеграционные конкурентные преимущества в сфере научного и промышленного производства и обращения наукоемкой машиностроительной продукции региона [9];

– экологических конкурентных преимуществ. Регламентация природоохранной деятельности способствует реализации тех конкурентных преимуществ, которые увязаны с экологичностью производственных процессов и изготавливаемой продукции тех региональных предприятий наукоемкого машиностроения, которые отвечают экологическим стандартам;

– социально-политических преимуществ. Производители региональной наукоемкой машиностроительной продукции, которые строят менеджмент на принципах тотального управления качеством и экологией, достигают превосходств как в эффективности производства, так и в восприятии их потребителями;

– культурных конкурентных преимуществ. Нацеленность, стимулирование и формирование содержательных и организационных условий для регулярного и своевременного повышения квалификации способствует опережающему конкурентов обновлению знаний и на этой основе повышению конкурентоспособности регионального наукоемкого машиностроения.

Формирование и обеспечение конкурентных преимуществ регионального на-

укоемкого машиностроения происходит под воздействием факторов внутреннего и внешнего происхождения.

Внешние факторы существуют независимо от функционирования хозяйствующих субъектов регионального наукоемкого машиностроения [5]. Это внешнеэкономические и политические условия; устойчивость политики государства в области экономики, предпринимательства; установление порядка и процедур налогообложения; эффективность правовой защиты объектов интеллектуальной собственности; рыночная конъюнктура; политическая обстановка в регионе, стране и в глобальном масштабе; инфляция; состояние правового регулирования конкуренции.

Внутренние факторы конкурентных преимуществ зависят от деятельности хозяйствующих субъектов регионального наукоемкого машиностроения, порождаются ими: умение менеджеров управлять конкурентоспособностью; инновационная политика; уровень организации регионального наукоемкого машиностроения, уровень управления трудом и производственными процессами; приверженность прогрессивным системам управления качеством; эффективность управления затратами и ценами.

Результатом выполнения описанных выше функций субъектов формирования и обеспечения конкурентных преимуществ, осуществляемых под влиянием внутренних и внешних факторов, является приобретение наукоемким машиностроением ряда конкурентных преимуществ, выступающих условием и движущей силой обеспечения конкурентоспособности региона.

Эффективность осуществления данных функций, а также возможность ослабления субъектами формирования и обеспечения конкурентных преимуществ наукоемкого машиностроения региона негативного влияния внутренних и внешних факторов и усиления воздействия позитивных факторов требует формирования действенной региональной политики повышения конкурентоспособности на основе развития конкурентных преимуществ наукоемкого машиностроения.

1. Головихин, С.А. К новой стратегии повышения конкурентоспособности региона на основе развития наукоемкого машиностроения [Текст] / С.А. Головихин // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 103–108.

2. Головихин, С.А. Обеспечение конкурентоспособности региона на основе формирования

конкурентных преимуществ региональных машиностроительных предприятий [Текст] / С.А. Головихин // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 40 (223). С. 13–22.

3. Малых, О.Е. Знание как основной фактор экономического роста [Текст] / О.Е. Малых, А.Р. Каюмова // Научное мнение. 2013. № 9. С. 264–269.

4. Неживенко, Е.А. Формирование теоретических подходов к региональным экономическим исследованиям на основе выявления содержания понятия «конкурентоспособность региона» [Текст] / Е.А. Неживенко, С.А. Головихин // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5 (Электронный журнал). URL: <http://www.science-education.ru/105-7101> (дата обращения: 05.10.2012).

5. Неживенко, Е.А. Классификация факторов конкурентоспособности региона [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–7. С. 1397–1401.

6. Неживенко, Е.А. Системный подход к региональным исследованиям конкурентоспособности [Текст] / Е.А. Неживенко, И.А. Новикова // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–5. С. 1012–1016.

7. Полякова, А.Г. Государственное управление в контексте проблемы модернизации экономики региона [Текст] / А.Г. Полякова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 1. С. 128–131.

8. Портер, М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость [Текст] / М. Портер: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.

9. Печерица, Е.В. Кластерный подход к изучению территориальных социально-экономических систем [Текст] / Е.В. Печерица, Е.Е. Шарафанова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 3 (17). С. 144–150.

References

1. Golovikhin, S.A. (2014) Sotsium i vlast', № 4 (48), pp. 103–108 [in Rus].

2. Golovikhin, S.A. (2011) Regionalnaya economica: teoriya i praktika, № 40 (223), pp. 13–22 [in Rus].

3. Malykh, O.E., Kayumova, A.R. (2013) Nauchnoye mneniye, № 9, pp. 264–269 [in Rus].

4. Nezhivenko, E.A., Golovikhin, S.A. (2012) Modern problems of science and education, № 5. Available at: <http://www.science-education.ru/105-7101> [in Rus].

5. Nezhivenko, E.A., Novikova, I.A. (2013) Fundamentalnye issledovaniya, № 11–7, pp. 1397–1401 [in Rus].

6. Nezhivenko, E.A., Novikova, I.A. (2013) Fundamentalnye issledovaniya, № 11–5, pp. 1012–1016 [in Rus].

7. Polyakova, A.G. (2011) Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki, № 1, pp. 128–131 [in Rus].

8. Porter, M. (2005) Konkurentnoye preimuschestvo: Kak dostich vysokogo rezultata i obespechit ego ustoichivost. Moscow, Alpina Business Books, 715 p. [in Rus].

9. Pecheritsa, E.V., Sharafanova, E.E. (2013) Teoria i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii, № 3 (17), pp. 144–150 [in Rus].

UDC 332.146.2; 338.45.621; 339.137.22

MANAGEMENT OF COMPETITIVE ADVANTAGES IN THE REGION (AS EXEMPLIFIED BY HIGH-TECH ENGINEERING)

Golovikhin Sergey Aleksandrovich,
Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Vice-Dean of the Faculty of Economics and Law,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: gsa@rane74.ru

Valetov Anatoliy Igorevich,
Department of External Economic and International Relations,
Moscow City Government,
Deputy Director of the Department,
Candidate of Economic Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: anatoly.valetov@gmail.com

Annotation

Effective management of competitive advantages of industry-based regional complexes is one of the leading factors of increasing competitiveness of a Russian region. The article considers the model of forming and providing competitive advantages of regional high-tech engineering which is a driver of growth of competitiveness of industrially developed regions. The authors point out internal and external forces of competitive advantages, structure of subjects of forming and providing competitive advantages, functions performed by them.

Key concepts;
region,
competitiveness of a region,
competitive advantages,
high-tech engineering.

УДК 336.15

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ ВНУТРИГОРОДСКИХ РАЙОНОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой
экономики, финансов
и бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Аннотация

В связи с реформой местного самоуправления в России появились муниципальные образования нового типа – городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы. В статье рассматриваются проблемы и опыт формирования бюджетов внутригородских округов в городе Челябинске – единственном городском округе в России, где реализована двухуровневая модель организации местного самоуправления.

Ключевые понятия:

муниципальная реформа,
внутригородские районы,
местные бюджеты.

Эволюционные изменения политических, социальных и экономических приоритетов развития современного общества вызывают необходимость реформирования системы муниципального управления.

В 2014 году в законодательстве Российской Федерации произошли изменения, предполагающие двухуровневую модель организации местного самоуправления для крупных городских округов [1]. Для крупных городов фактически предлагается применять поселенческую модель: муниципальный район, в состав которого входят городские и сельские поселения. В соответствии с новой моделью в России появились два новых вида муниципальных образований: городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы, формируемые внутри данных городских округов [3].

Изменение модели местного самоуправления в крупных городах имеет целью построение более дееспособной, эффективной системы местного самоуправления, приближающей местные власти к решению насущных проблем жителей с целью совершенствования реализации непосредственной муниципальной демократии [2].

Челябинск стал первой, и пока единственной, территорией в России, где реализована двухуровневая модель организации местного самоуправления. Челябинский городской округ наделен статусом городского округа с внутригородским делением [5]. В составе округа образованы внутригородские районы: Калининский, Курчатовский, Ленинский, Металлургический, Советский, Тракторозаводский, Центральный.

Важным аспектом рассматриваемой новеллы муниципального права является определение эффективных финансовых механизмов обеспечения единства городского хозяйства, самостоятельности и финансовой устойчивости бюджетов города и городских округов.

Особенностью реализации данной реформы явилось то, что на момент принятия решения о смене модели управления в Челябинске на федеральном уровне не были решены важнейшие вопросы местного самоуправления, и прежде всего не были разграничены властные полномочия и не определены источники финансирования этих полномочий.

В настоящий момент полномочия между городом и внутригородскими районами разграничены нормами федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] и региональным законодательством [4].

Вопрос определения доходных источников бюджетов внутригородских районов остается «слабым звеном» реформы местного самоуправления. В первую очередь это происходит из-за неурегулированности данного вопроса на федеральном уровне. Бюджетный кодекс РФ определяет перечень налоговых доходов, поступающих в местные бюджеты, но не разграничивает доходные источники между бюджетами городского округа с внутригородским делением и внутригородских районов, входящих в этот округ.

Конкретные источники доходов бюджетов внутригородских районов определяются местными нормативно-правовыми актами; в Челябинске – это «Положение о межбюджетных отношениях в городе Челябинске» [7].

Источниками формирования доходов бюджетов, в соответствии с Бюджетным кодексом России, являются налоговые, неналоговые доходы и безвозмездные поступления.

Перечень налоговых источников внутригородских районов значительно уже, чем у городских округов и даже городских и сельских поселений

Налоговые доходы внутригородских районов Челябинского городского округа представлены отчислениями от местных налогов и налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами (таблица 1):

- налога, взимаемого в связи с применением патентной системы налогообложения – 100%;
- налога на имущество физических лиц – 10%;
- земельного налога – 3%.

Роль налога на доходы физических лиц в формировании доходов бюджетов всех уровней является значительной. Основной проблемой с позиций выравнивания территорий является существующая в России система уплаты НДФЛ работодателями по месту их регистрации, а не налогоплательщиками по месту проживания. Значительное количество граждан проживают на территории одного муниципального образования и, соответственно, пользуются услугами учреждений социальной сферы, объектами инфраструктуры, а работают в другом. И соответственно НДФЛ уплачивается ими в бюджет последнего муниципального образования.

Внутри города эта проблема стоит еще острее. Поэтому налог на доходы физических лиц подлежит зачислению в бюджет городского округа (по нормативу, установленному Бюджетным кодексом РФ) и не поступает в бюджеты внутригородских районов.

Одним из принципов государственного и муниципального управления является закрепление за местным уровнем таких налогов, на которые реально могут влиять органы местного самоуправления, в данном случае – органы самоуправления внутригородских районов. Это будет стимулировать увеличение налогового потенциала территорий и обеспечивать стабильное поступление доходов.

В отношении земельного налога и налога на имущество физических лиц этот принцип выполняется. Действительно, на локальном уровне легче осуществлять мониторинг земельных участков и имущества, точнее определять их рыночную стоимость, уровень

Таблица 1

Налоговые доходы бюджетов городских округов, внутригородских районов, городских и сельских поселений (указан процент отчислений от налогов)

Налоговые доходы бюджетов	Городской округ	Городской округ с внутри-районным делением	Внутри-городской район	Городское поселение	Сельское поселение
Налог на доходы физических лиц	15	15	–	10	2
Единый налог на вмененный доход	100	100	–	–	–
Патентная система налогообложения	100	–	100	–	–
Единый сельскохозяйственный налог	100	100	–	50	30
Налог на имущество физических лиц	100	90	10	100	100
Земельный налог	100	97	3	100	100

Составлено автором на основе Бюджетного кодекса РФ.

арендной платы. Кроме того, доходы от имущественных налогов достаточно равномерно распределены по территории города.

Налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения, уплачивается индивидуальными предпринимателями. Таким образом, закрепление этого налогового источника за внутригородскими районами должно создавать стимул у

численности населения района 99910 человек средние налоговые доходы составляют 187,78 рубля на человека.

Удельные налоговые доходы во внутригородских районах города Челябинска составляют от 58 до 188 рублей на человека; общие годовые доходы бюджета составляют от 160 до 425 рублей на человека (таблица 2).

Таблица 2

Доходы бюджетов внутригородских районов г. Челябинска в расчете на 1 жителя

Внутригородские районы	Доходы бюджета в расчете на 1 жителя, руб./чел.	
	Налоговые	Общие доходы
Калининский	102,52	184,88
Курчатовский	60,02	160,26
Ленинский	86,92	191,21
Металлургический	123,27	302,28
Советский	138,68	315,48
Тракторозаводский	58,00	230,90
Центральный	187,78	424,54

Рассчитано автором на основе [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14].

районных властей в развитии этого сегмента малого бизнеса, поскольку именно платежи этого бизнеса являются основой наполнения бюджета. Но анализ расходной части бюджетов показывает, что в районах направление средств на эти цели не предусматривается.

Скудность доходной базы проявляется не только в перечне налогов, поступающих в районные бюджеты, но и в их сумме. Так, в 2014 году, при прежней модели формирования бюджета, поступления от налога на имущество физических лиц в бюджете г. Челябинска составляли 1,1% общей суммы доходов бюджета города. Поступления от патентной системы налогообложения – 0,05% доходов бюджета, поступления от земельного налога несколько более значимы – 8% доходной базы бюджета.

Оценить исполнение бюджетов по доходам в части налоговых доходов будет возможно только после окончания третьего квартала, так как срок уплаты местных налогов установлен 1 октября. Сумма налоговых поступлений в 2015 году по Центральному району – самому «богатому» району города по критерию среднедушевых доходов бюджета – прогнозируется в следующем размере: по земельному налогу – 8,4 млн руб., налога на имущество физических лиц – 6 млн руб., налога, взимаемого в связи с применением патентной системы налогообложения – 4,4 млн руб. При

Неналоговых доходов внутригородские районы не имеют. Это обусловлено отсутствием разграничения городской собственности и имущества между районами города для обеспечения единства хозяйственного комплекса.

Отдельным вопросом доходной базы бюджетов внутригородских районов являются вопросы межбюджетных трансфертов. Безвозмездные поступления представлены только дотациями на выравнивание бюджетной обеспеченности внутригородских районов. Дотации формируются за счет средств бюджета города Челябинска и за счет субвенции из средств областного бюджета, полученной бюджетом города Челябинска для осуществления государственных полномочий по расчету и предоставлению дотаций бюджетам внутригородских районов.

Межбюджетные трансферты в виде субвенций в бюджете не запланированы – это объясняется отсутствием передаваемых на районных уровень полномочий. Отсутствие такого вида трансфертов как субсидии показывает, что власти города не предусматривают выделение средств в бюджеты районов на развитие муниципальной экономики, на реализацию социально значимых проектов.

Только в одном внутригородском районе – Калининском – безвозмездные поступ-

Таблица 3

Структура доходов бюджетов внутригородских районов г. Челябинска

Внутригородские районы	Структура доходов бюджетов, %	
	налоговые и неналоговые	безвозмездные поступления
Калининский	55,5	44,5
Курчатовский	37,5	62,5
Ленинский	45,5	54,5
Металлургический	40,8	59,2
Советский	44,0	56,0
Тракторозоводский	25,1	74,9
Центральный	44,2	55,8

Рассчитано автором на основе [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14].

ления меньше 50% общей суммы доходов, во всех остальных районах бюджеты зависят от городского бюджета больше чем на половину (таблица 3).

Структура расходов (таблица 4) свидетельствует, что около 3/4 всех расходов занимают общегосударственные расходы, которые включают в себя содержание аппарата управления – Советов депутатов и администраций внутригородских районов. Около 1/5 расходов направляется на благоустройство территорий внутригородских районов. Оставшиеся расходы, предусмотренные для финансирования образования, культуры, физической культуры и спорта, крайне незначительны. Полномочия, которые касаются муниципальной экономики, здравоохранения, социальной политики, охраны окружающей среды, у внутригородских районов отсутствуют, поэтому расходы на эти направления не предусмотрены.

Сопоставление объема бюджета городского округа и суммарного объема бюджетов

внутригородских районов показывает, что доля суммарного объема бюджетов внутригородских районов в бюджете города составляет: по доходам – 2,35%, по расходам – 0,85%, что также подтверждает недостаточность доходных ресурсов внутригородских районов для обеспечения финансовой самостоятельности (таблица 5).

Делать выводы о становлении в России двухуровневой модели местного самоуправления в городских округах можно только по Челябинскому опыту. В настоящий момент не сформирована заинтересованность менеджерского корпуса внутригородских районов в повышении эффективности муниципальной экономики, качестве предоставления муниципальных услуг населению. Их деятельность на данном этапе направлена на выполнение указаний городских властей, поддержание исполнительской дисциплины, а не на принятие решений для улучшения качества жизни населения и совершенствование институциональной среды.

Таблица 4

Структура расходов бюджетов внутригородских районов г. Челябинска, %

Внутригородские районы	Калининский	Курчатовский	Ленинский	Металлургический	Советский	Тракторозаводский	Центральный
Общегосударственные вопросы	73,6	79,7	72,1	72,4	79,2	77,5	78,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	22,9	17,9	22,6	19,7	17,7	19,6	18,9
Образование	0,5	0,4	0,6	0,6	0,5	0,5	0,3
Культура, кинематография	2,2	1,5	3,6	6,2	1,8	1,6	1,2
Физическая культура и спорт	0,8	0,6	1,0	1,1	0,7	0,8	0,9
Всего расходов:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано автором на основе [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14].

Таблица 5

**Сопоставление объема бюджета городского округа
и суммарного объема бюджетов внутригородских районов**

	Доходы	Расходы
Бюджет городского округа с внутрирайонным делением, тыс. руб.	23 899 813,9	25 081 432,0
Суммарный объем бюджетов внутригородских районов, тыс. руб.	561 895,80	214 055,50
Доля, %	2,35	0,85

Рассчитано автором.

В сложившихся условиях существует опасность, что внутригородские районы так и не станут реальной политической силой, способной приблизить власть к народу не номинально, а фактически, не обладая финансовыми ресурсами, обеспечивающими реализацию их властных полномочий.

Отсутствие собственной устойчивой экономической базы у органов местного самоуправления внутригородских районов лишает их возможности предлагать и реализовывать собственные инициативы, является объективным препятствием, тормозящим реализацию начатой реформы.

1. Ильных, А.В. Реформа местного самоуправления в действии: от территориальных преобразований к изменению организационно-правовых основ [Текст] / А.В. Ильных // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 62–68.

2. Коротина, Н.Ю. Реформа местного самоуправления и новые возможности развития муниципальных образований [Текст] / Н.Ю. Коротина // Муниципалитет: Экономика и управление. 2014. № 3.

3. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст]: [от 27.05.2014 № 136-ФЗ (ред. от 23.06.2014)] // Собрание законодательства РФ. 2014. № 22. ст. 2770.

4. О разграничении полномочий органов местного самоуправления Челябинского городского округа и органов местного самоуправления внутригородских районов в его составе по решению вопросов местного значения внутригородских районов [Электронный ресурс]: [от 18.12.2014 № 97-ЗО (Принят постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 18.12. 2014) (ред. от 12.03.2015 г.)] // Режим доступа: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

5. О статусе и границах Челябинского городского округа и внутригородских районов в его составе [Текст]: [от 10 июня 2014 г. № 706-ЗО (принят постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 10.06.2014)] // Южноуральская панорама. № 87. 14.06.2014.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Элект-

ронный ресурс]: [от 06.10.2003 № 131-ФЗ (принят ГД РФ 16.09.2003) (ред. от 29.06.2015)] // Российская газета. № 202. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

7. Об утверждении Положения о межбюджетных отношениях в городе Челябинске [Текст]: Решение Челябинской городской Думы от 23 декабря 2014 г. № 4/4.

8. О бюджете Калининского внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 7/1 (принят решением Совета депутатов Калининского внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

9. О бюджете Курчатковского внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 7/1 (принят решением Совета депутатов Курчатковского внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

10. О бюджете Ленинского внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 24.02.2015 № 6/1 (принят решением Совета депутатов Ленинского внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

11. О бюджете Metallургического внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 5/1 (принят решением Совета депутатов Metallургического внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

12. О бюджете Советского внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 7/1 (принят решением Совета депутатов Советского внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

13. О бюджете Тракторозаводского внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 5/2 (принят решением Совета депутатов Тракторозаводского внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

14. О бюджете Центрального внутригородского района на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов [Текст]: [от 25.02.2015 № 6/4 (принят решением Совета депутатов Центрального внутригородского района первого созыва)]. URL: [Консультант плюс] – загл. с экрана.

References

1. Il'nyh, A.V. (2015) Socium i vlast', № 2 (52), pp. 62–68 [in Rus].

2. Korotina, N.Ju. (2014) Municipalitet: Jekonomika i upravlenie, № 3 [in Rus].

3. O vnesenii izmenenij v stat'ju 26.3 Federal'nogo zakona «Ob obshhiih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii» i Federal'nyj zakon «Ob obshhiih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» [Tekst]: [ot 27.05.2014 № 136-FZ (red. ot 23.06.2014)] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 22. st. 2770 [in Rus].

4. O razgranichenii polnomochij organov mestnogo samoupravlenija Cheljabinskogo gorodskogo okruga i organov mestnogo samoupravlenija vnutrigorodskih rajonov v ego sostave po resheniju voprosov mestnogo znachenija vnutrigorodskih rajonov [Jelektronnyj resurs]: [ot 18.12.2014 № 97-ZO (Prinjat postanovleniem Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoy oblasti ot 18.12.2014) (red. ot 12.03.2015 g.)] // URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

5. O statuse i granicah Cheljabinskogo gorodskogo okruga i vnutrigorodskih rajonov v ego sostave [Tekst]: [ot 10 ijunja 2014 g. № 706-ZO (prinjat postanovleniem Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoy oblasti ot 10.06.2014)] // Juzhnoural'skaja panorama. – № 87. – 14.06.2014 [in Rus].

6. Ob obshhiih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]: [ot 06.10.2003 № 131-FZ (prinjat GD RF 16.09.2003) (red. ot 29.06.2015)] // Rossijskaja gazeta. – № 202. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

7. Ob utverzhenii Polozhenija o mezhbjudzhetnyh otnoshenijah v gorode Cheljabinske [Tekst]: Reshenie Cheljabinskoy gorodskoj Dumy ot 23 dekabrja 2014 g. № 4/4 [in Rus].

8. O bjudzhetе Kalininskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 7/1 prinjat reshenie Soveta deputatov Kalininskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

9. O bjudzhetе Kurchatovskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 7/1 prinjat reshenie Soveta deputatov Kurchatovskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

10. O bjudzhetе Leninskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 24.02.2015 № 6/1 prinjat reshenie Soveta deputatov Leninskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

11. O bjudzhetе Metallurgicheskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 5/1 prinjat reshenie Soveta deputatov Metallurgicheskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

12. O bjudzhetе Sovetskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 7/1 prinjat reshenie Soveta deputatov Sovetskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

13. O bjudzhetе Traktorozavodskogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 5/2 prinjat reshenie Soveta deputatov Traktorozavodskogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

14. O bjudzhetе Central'nogo vnutrigorodskogo rajona na 2015 god i na planovyj period 2016–2017 godov [Tekst]: [ot 25.02.2015 № 6/4 prinjat reshenie Soveta deputatov Central'nogo vnutrigorodskogo rajona pervogo sozyva]. URL: [Konsul'tant pljus] – zagl. s jekrana [in Rus].

UDC 336.15

PECULIARITIES OF FORMING THE BUDGET OF INTRACITY DISTRICTS IN THE CONTEXT OF REFORMING THE LOCAL GOVERNMENT

Korotina Natalya Yuryevna,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Head of the Chair of Economics, Finance and Accounting, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Annotation

Taking into consideration the reform of local government there appeared municipal foundations of a new kind in Russia. They are urban districts with intracity division and intracity districts.

The article considers problems and experience of forming budget of urban districts in Chelyabinsk, the only urban district in Russia, where a two-level model of organizing local government is realized.

Key concepts:

municipal reform, intracity districts, local budget.

УДК 331.101.6(476)

РАССОГЛАСОВАНИЕ ТЕМПОВ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ: ВОЗМОЖНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Иванов Олег Петрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель директора по развитию,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Аннотация

В контексте развития кризисной ситуации в экономике Российской Федерации и регионов показан рост макроэкономической диспропорции, вызванной наблюдаемым на протяжении многих лет опережающим ростом заработной платы по отношению к производительности труда. Дальнейшее развитие этой тенденции чревато возможной потерей экономической устойчивости и социальной стабильности отдельных регионов и Российской Федерации в целом.

Ключевые понятия:

Российская Федерация,
регион,
производительность труда,
зарплата,
диспропорция темпов роста,
экономика,
потеря устойчивости,
социально-экономические последствия.

Краткосрочные позитивные изменения, произошедшие в апреле–мае 2015 года на валютных рынках и на рынке нефти, как и ожидалось, сменились новым витком падения цен на нефть и снижением курса рубля по отношению к основным валютам. Развитие ситуации в экономике Российской Федерации в 2014 и 2015 годы показало, что фундаментальные причины кризисных явлений, обострение которых произошло в 2008 году, за прошедшее время не только сохранились, но стали проявляться в еще большей мере. Реально существующая структура российской экономики и экономик многих регионов, а также принятая модель государственного управления экономическими процессами в сложившихся условиях не обеспечили надежного противостояния негативным воздействиям внешней среды [1], [2]. Можно предположить, что дальнейшее развитие этой ситуации в экономике будет сопровождаться высокой волатильностью основных рыночных параметров и периодическими обострениями кризисного характера.

Так, например, размер валового внутреннего продукта (ВВП) Российской Федерации за первое полугодие 2015 года составил по сравнению с аналогичным периодом 2014 года лишь 96,6%, а индекс промышленного производства снизился до 97,3%. При этом индекс потребительских цен вырос и составил 108,5%, а реальная заработная плата снизилась до 91,5% [3]. Насколько долго смогут выдержать эту макроэкономическую стенокардию российские власти, бизнес и общество – вопрос не из легких, но поиск ответа на него крайне важен. Смогут ли федеральные и региональные власти успешно пройти по лезвию бритвы, найдя разумный компромисс между финансовой поддержкой экономики и социальной сферы? Соизмеримо ли долготерпение и запас прочности экономики в целом, бизнеса и населения, а также бюджетов всех уровней с продолжительностью и глубиной протекающих и возможных в будущем кризисных процессов?

Выводя за скобки негативное влияние внешних геополитических факторов, в качестве основной причины кризиса российской экономики можно назвать очевидное её несоответствие вызовам XXI века как по структуре, так и по технологическому базису. Основные объемы продукции промышленного производства России выпускаются на базе оборудования 3-го и 4-го технологических укладов. Естественным следствием этого является соответствующая

им относительно низкая производительность труда и высокая себестоимость продукции, что в итоге предопределяет низкие темпы роста ВВП. При этом экономическое развитие страны обеспечивается в основном за счет экстенсивных факторов.

В рейтинге стран по уровню производительности труда 2013 года (\$ ВВП в час рабочего времени) Россия занимает 42-е место – \$19,7, в то время как лидер этого рейтинга – Норвегия – производит в час \$75,18 [4]. В рейтинге стран по ВВП на душу населения (ППС) позиции России еще более слабые: она находится на 77-м месте.

Ситуация в перспективе усугубляется высоким уровнем износа промышленного оборудования и всевозрастающей недостаточностью инвестиционных вложений в их обновление. По данным Госкомстата и Минэкономразвития [3], степень износа основных фондов на конец 2013 года по Российской Федерации составила 48,2%, по Уральскому Федеральному округу – 55%, а по Челябинской области – 51,4%. При этом в первой половине 2015 года индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах в процентах к аналогичному периоду 2014 года, соответственно, составил 89,5%, 88,6% и 70,8%.

На фоне негативных характеристик российской экономики, в частности растущей инфляции, четко просматривается вполне естественное желание населения получать так же растущую заработную плату. До последнего времени была очевидна приоритетная установка органов власти на обеспечение роста номинальных доходов населения как работающего, так и получающего социальную поддержку государства. При этом в последние годы часто возникала ситуация, в которой снижение эффективности экономики приводило к росту инфляции и требовало еще больших затрат государства на соответствующее увеличение номинальных заработных плат, доходов населения. В итоге в России на протяжении уже длительного времени низкие темпы роста производительности труда сопровождаются более высокими темпами роста заработной платы и доходов населения. Опережающий рост заработной платы постепенно, но все глубже вводит страну в ситуацию нарастающего финансово-экономического дисбаланса.

В начале 2015 года на встрече с лидерами проектов АСИ в сфере образования и подготовки квалифицированных кадров премьер-министр России Д. Медведев дал

оценку сложившимся в этой сфере обстоятельствам [5]: «У нас есть целый ряд больших проблем, которые обострились не сегодня и не связаны с внешним воздействием на нашу страну, не связаны даже с изменением цен на нефть. Это, скажем, проблема опережающего роста зарплат по отношению к росту производительности труда».

Рост номинальной зарплаты в сфере производства, бюджетной сфере и иных денежных доходов населения, выплачиваемых из бюджета, ведет к перетоку денег в сферу потребления. Это серьезно сокращает инвестиционные возможности бюджета по обеспечению развития технологий и современного промышленного производства. Уровень доходов населения, не соответствующий произведенной на внутреннем рынке товарной массе, порождает спрос, превышающий предложение. Потребительский рынок в этой ситуации, повышая цены, изымает прирост доходов населения, наращивая тем самым уровень инфляции. Вероятность дальнейшего использования изъятых таким образом средств в качестве инвестиций весьма сомнительна.

Таким образом, прирост номинальных заработных плат превышает рост производительности труда, а реальный объем бюджетных инвестиций в основной капитал сокращается. Вряд ли в этих условиях возможно на протяжении сколько-нибудь значимого отрезка времени сохранять социально-экономическую стабильность в стране или отдельно взятом регионе. В российской экономике такая диспропорция, по словам Д. Медведева, сложилась и сохраняется на протяжении последних 10–12 лет [5]. То есть наша страна на протяжении многих лет все дальше уходит в зону, где объективно высоки риски возникновения глобального социально-экономического кризиса, вызванного переходом экономики в неустойчивое состояние.

В складывающейся ситуации, принимая во внимание ограниченные возможности бюджета, любое решение: отдать приоритет развитию экономики в ущерб социальной сфере или отдать приоритет социальной сфере в ущерб экономике – путь, с большой вероятностью ведущий к очередному кризису. Лихорадочный перебор приоритетов использования бюджетных средств в зависимости от сиюминутной социально-экономической и политической ситуации, скорее всего, даст еще худший результат. Оценивая эти варианты, следует учесть, что в последнее время реальный

уровень заработной платы и доходов населения в большинстве регионов России снижается. Особенно в долларовом исчислении: по данным обзора Bank of America Merrill Lynch, в результате снижения курса рубля уровень реальной зарплаты в долларовом выражении в первом полугодии 2015 года составил \$565,4 и оказался ниже, чем в Китае – \$764,3 [6].

Все вышесказанное относится не только к экономике Российской Федерации, но в полной мере также ко многим старопромышленным регионам России. Так, например, в Челябинской области уровень

реальной заработной платы в январе–июле 2015 по отношению к январю–июлю 2014 года снизился на 6,3% при одновременном росте номинальной заработной платы на 7,2% и индекса потребительских цен на 8,5%. При этом индекс промышленного производства составил 100,8%, но объем инвестиций в основной капитал резко снизился – до 80,2% [7], и это чревато для региональной экономики негативными последствиями в ближайшие 2–3 года.

Что касается производительности труда, то для её оценки существует несколько подходов, из которых автор отдает пред-

Таблица 1.

Рост среднедушевого ВРП и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Российской Федерации, Челябинской и Свердловской областях

Валовой региональный продукт на душу населения в 2006–2014 гг., в текущих основных ценах, тыс. рублей									
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014 (оценка)
По субъектам РФ, всего	157,2	195,8	237,5	224,2	263,8	317,5	348,6	376,4	405,8
Свердловская область	150,5	189,8	213,9	191,4	243,2	300,1	344,4	367,3	382,0
Челябинская область	127,4	164,8	190,6	159,9	187,7	222,7	241,8	252,1	269,7
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2006–2014 гг., тыс. рублей									
По субъектам РФ, всего	10,63	13,59	17,29	18,64	20,95	23,37	26,63	29,8	32,5
Свердловская область	10,77	13,99	17,53	17,34	19,76	22,18	25,14	27,61	29,49
Челябинская область	9,36	11,9	14,83	15,02	17,37	20,02	22,5	25,65	27,68
Индекс роста валового регионального продукта на душу населения в 2006–2014 гг., в текущих основных ценах, нормированные значения относительно 2006 г.									
По субъектам РФ, всего	1	1,245	1,511	1,426	1,678	2,019	2,217	2,394	2,581
Свердловская область	1	1,260	1,421	1,271	1,616	1,993	2,288	2,44	2,538
Челябинская область	1	1,293	1,495	1,255	1,473	1,747	1,897	1,978	2,116
Индекс роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в 2006–2014 гг., нормированные значения относительно 2006 г.									
По субъектам РФ, всего	1	1,278	1,626	1,753	1,970	2,198	2,504	2,803	3,056
Свердловская область	1	1,298	1,627	1,609	1,834	2,059	2,334	2,563	2,738
Челябинская область	1	1,272	1,585	1,605	1,857	2,139	2,405	2,743	2,959

почтение показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. Выбор в пользу этого показателя, прежде всего, предопределен тем, что ВРП отражает эффект трудовой деятельности региона в целом, т. е. дает некоторую интегральную оценку [8].

В подтверждение вышесказанному в таблице 1 представлены статистические данные [9], [10] по росту среднедушевого ВРП и среднемесячной номинальной начисленной заработной плате для Российской Федерации, Челябинской и Свердловской областей как в абсолютных, так и в относительных, нормированных относительно 2006 года значениях.

Как показывает приведенные в таблице 1 данные статистики, на протяжении всего рассматриваемого периода – с 2006 по 2014 гг. – темпы роста заработной платы превышали темпы роста производительности труда. Расхождение достигло 18,4% для Российской Федерации, 7,9% для Свердловской области и 39,8 % для Челябинской области. Как видно, наиболее остро эта проблема может проявить себя в Челябинской области (рис. 1).

Рассматривая соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы как один из важных индикаторов устойчивости экономической системы, можно сделать вывод, что в настоящее время экономики Российской Федерации, Челябинской и Свердловской областей, наращая финансово-экономический дисбаланс, движутся в направлении роста внутренней неустойчивости. Развитие этой неблагоприятной экономической тенденции может генерировать условия для формирования социально-экономического кризиса, имеющего более сложную природу (с возможными политическими последствиями). Неустойчивое состояние, как показывает практика различных «цветных революций», подводит социально-экономическую систему (государство) к точке бифуркации, в которой даже относительно малые возмущающие воздействия внешней среды могут возбудить мощные внутренние механизмы глобальной трансформации, обеспечивающие её переход в новое устойчивое состояние.

Для представления о том, насколько заработная плата превышает уровень, со-

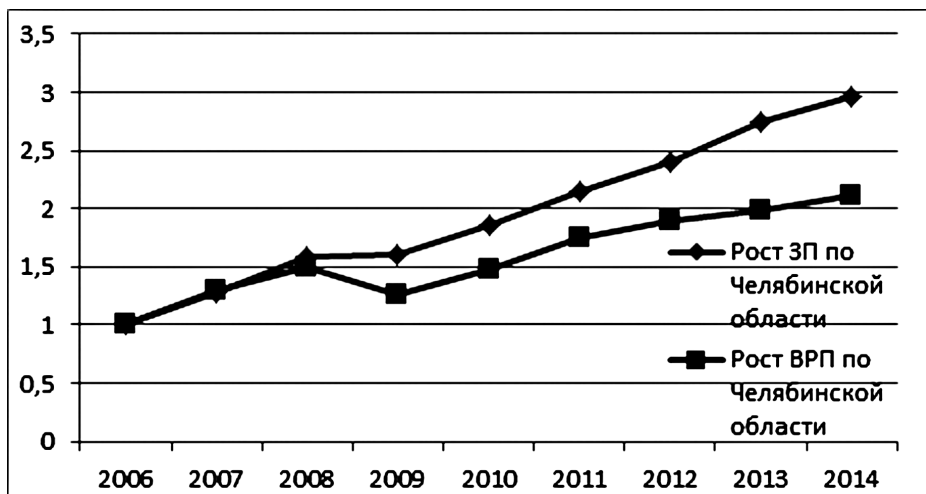

Рис. 1. Индексы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и ВРП на душу населения Челябинской области

Приведенные в таблице и графике данные подтверждают сделанное в работах [11], [12] предположение о существенном рассогласовании и растущей разбалансированности важнейших финансово-экономических показателей, ведущих в перспективе к возможной потере экономической устойчивости Челябинской области, как и Российской Федерации в целом.

ответствующий производительности труда, можно привести следующие оценки. Если сегодняшнюю среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работников организаций Челябинской области привести в соответствие с уровнем производительности труда, фактическим ростом ВРП на душу населения, то в 2014 году она составила бы 19,82 тыс. руб. вместо 27,68 тыс. руб.

Возможно ли в ближайшие годы привести заработную плату в соответствие с реальными результатами без социальных потрясений? Весьма сомнительно. Но, с другой стороны, каковы в условиях недостаточности инвестиционных ресурсов перспективы развития региональной экономики, можно ли в этом случае рассчитывать на ее долговременное устойчивое развитие?

Следствием дальнейшего продолжения существующей социально-экономической политики уже в среднесрочной перспективе может стать все более очевидная деградация промышленного сектора региональной экономики (с появлением серьезных негативных последствий для социального самочувствия населения Челябинской области). Выход из данной ситуации вряд ли может быть получен за счет тривиальных экономических решений. По сути, приходится выбирать из двух возможных решений. Первое – попытаться обеспечить необходимый экономический рост за счет наращивания объема инвестиций в секторы реальной экономики, осознавая появляющиеся при этом ограничения в поддержке уровня доходов населения и возможное обострение ситуации в социальной сфере. В этом случае, безусловно, необходимо предусмотреть целый ряд эффективных мероприятий по демпфированию последствий социальных издержек. Второе – попытаться сохранить социальную стабильность, осознавая возможность возникновения в перспективе экономического коллапса, принципиально исключающего возможность сохранения социальной стабильности в обществе. Третьего, компромиссного варианта, как показывает практика, нет.

Если все-таки в этой ситуации говорить о поиске возможного позитивного разрешения рассматриваемой проблемы, то при всех ожидаемых, но остающихся в пределах допустимого издержках социального характера экономическая политика неизбежно должна быть направлена на создание условий для ускоренного роста производительности труда по отношению к заработной плате и доходам населения. Постановка такой задачи может выглядеть следующим образом: обеспечить максимально возможный приток инвестиций и рост производительности труда в реальном секторе региональной экономики при заданных ограничениях на возможное снижение основных показателей качества жизни населения в краткосрочном и сред-

несрочном периодах. В мировой практике существуют примеры успешного выхода из подобных ситуаций.

Проблема дисбаланса между темпами роста производительности труда и заработной платы сегодня приобретает стратегический характер и является одной из важнейших и наиболее актуальных задач органов региональной власти, научного и экспертного сообщества. Решение этой задачи не может быть перенесено на более поздний срок, т. к. с каждым годом она становится все более сложной. Вряд ли желаемый результат может быть получен на основе старых, традиционных подходов и методов, ранее использовавшихся в условиях относительно стабильной экономики. Выход из сложившейся ситуации в условиях роста макроэкономической изменчивости [12] может быть найден на основе новых, возможно, нестандартных решений.

1. Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы [Текст]. (Выпуск 36). М.: Институт Гайдара, 2015. 576 с.

2. Мау, В.А. Экономические кризисы в новейшей истории России [Текст] / В.А. Мау // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 7–19.

3. Сайт Минэкономразвития России «О текущей ситуации в экономике Российской Федерации по итогам первого полугодия 2015 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/> (дата обращения: 15.08.2015).

4. Рейтинг стран по уровню производительности труда 2013 года (\$ ВВП в час рабочего времени) [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(PPP\)_per_hour_worked](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_hour_worked) (дата обращения 21.07.2015).

5. Встреча Д.А. Медведева с лидерами проектов АСИ в сфере образования и подготовки квалифицированных кадров [Электронный ресурс]. URL: <http://asi.ru/news/25976> (дата обращения: 06.09.2015).

6. Население беднеет быстрее, чем ожидалось [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vigortrade.ru/naselenie-bedneet-bstree-tchem-ozhidalosy.html> (дата обращения: 10.09.2015).

7. Сайт Минэкономразвития Челябинской области «Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области за январь–июль 2015 года», URL: http://www.economichelreg.ru/files/itogi2015/07_2015_int.pdf (дата обращения: 02.09.2015).

8. Гордеев, С.С. Валовой региональный продукт как интегральный показатель развития региональной экономики: специфика и проблемы использования [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 72–75.

9. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 29.08.2015).

10. Сайт территориального органа ГКС по Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://chelstat.gks.ru/> (дата обращения: 29.08.2015).

11. Гордеев, С. С. Риски и приоритеты управления регионом в условиях экономической депрессии и роста инфляции [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Подопригора // Социум и власть. 2015. № 3 (53) / С. 116–123.

12. Гордеев, С.С. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде [Текст] / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 48–54.

References

1. Rossijskaja jekonomika v 2014 godu. Tendencii i perspektivy (2015). (Vypusk 36) Moscow, Institut Gajdara, 576 p. [in Rus].

2. Mau, V.A. (2015) Jekonomicheskaja politika, T. 10, № 2, pp. 7–19 [in Rus].

3. Sajt Minjekonomrazvitija Rossii «O tekushhej situacii v jekonomike Rossijskoj Federacii po itogam pervogo polugodija 2015 goda», URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/> (accessed: 15.08.2015) [in Rus].

4. Rejting stran po urovnju proizvoditel'nosti truda 2013 goda (\$ VVP v chas rabocheho vremeni), URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(PPP\)_per_hour_worked](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_hour_worked) (accessed: 21.07.2015) [in Rus].

5. Vstrecha D.A. Medvedeva s liderami proektov ASI v sfere obrazovanija i podgotovki kvalificirovannyh kadrov, URL: <http://asi.ru/news/25976> (accessed: 06.09.2015) [in Rus].

6. Naselenie bedneet bystree, chem ozhidalos', URL: <http://www.vigortrade.ru/naselenie-bedneet-bstree-tchem-ozhidalosy.html> (accessed: 10.09.2015) [in Rus].

7. Sajt Minjekonomrazvitija Cheljabinskoj oblasti «Osnovnye pokazateli social'no-jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti za janvar'-ijul' 2015 goda», URL: http://www.econom-chelreg.ru/files/itogi2015/07_2015_int.pdf (accessed: 02.09.2015) [in Rus].

8. Gordeev, S.S., Zyrjanov, S.G., Ivanov, O.P., Kocherov, A.V. (2014) Socium i vlast', № 6 (50), pp. 72–75 [in Rus].

9. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki, URL: <http://www.gks.ru/> (accessed: 29.08.2015) [in Rus].

10. Sajt territorial'nogo organa GKS po Cheljabinskoj oblasti, URL: <http://chelstat.gks.ru/> (accessed: 29.08.2015) [in Rus].

11. Gordeev, S.S., Zyrjanov, S.G., Ivanov, O.P., Podoprigora, A.V. (2015) Socium i vlast', № 3 (53), pp. 116–123 [in Rus].

12. Gordeev, S.S., Zyrjanov, S.G., Ivanov, O.P., Kocherov, A.V. (2015) Socium i vlast', № 2 (52), pp. 48–54 [in Rus].

UDC 331.101.6(476)

ECONOMIC AND SOCIAL RESULTS OF DISAGREEMENT BETWEEN GROWTH OF LABOR PRODUCTIVITY AND SALARY

Ivanov Oleg Petrovich,

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Deputy Director of Development, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: oliva77@yandex.ru

Annotation

In the context of development of a critical situation in economics of the Russian Federation the article shows growth of macroeconomic disproportion, resulting from outrunning salary growth in relation to labor productivity. Further development of this tendency may result in a loss of economic stability and social stability of some regions and in the Russia Federation in general.

Key concepts:

the Russia Federation, region, labor productivity, salary, disproportion of growth, economics, loss of stability, socio-economical results.

УДК 338.48

ИСТОРИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСТАНСКОГО УЧАСТКА ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Никитинский Евгений Сергеевич,

Комитет индустрии туризма
Министерства туризма и спорта
Республики Казахстан,
Председатель Комитета,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Астана, Республика Казахстан.

Муталиева Ляйля Маратовна,

Казахский национальный технический
университет им. К.И. Сатпаева,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Астана, Республика Казахстан.
E-mail: mutalieva_leila@mail.ru

Аннотация

Рассматривается международный проект ООН, ЮНВТО и ЮНЕСКО по возрождению туризма на казахстанском участке Великого шелкового пути, нацеленный на устойчивое развитие туристско-рекреационных ресурсов и индустрии туризма. Раскрываются экономический потенциал и этапы реализации проекта, наиболее перспективные реализуемые инвестиционные проекты.

Высказываются рекомендации, необходимые для успешного развития индустрии туризма в рамках продвижения проекта «Великий шелковый путь».

Ключевые понятия:

туризм,
индустрия туризма,
устойчивое развитие,
международный проект,
Великий шелковый путь.

Казахстан, как страна-участник транс-континентального проекта ООН, ЮНВТО и ЮНЕСКО по возрождению туризма на древней исторической трассе Великого шелкового пути, расположен на перекрестке караванных дорог в самом центре Евразии. Находясь на стыке двух континентов – Европы и Азии, республика занимает по площади четвертое место в Евразии после России, Китая и Индии и девятое место в мире. Великий шелковый путь является связующим звеном развития туризма, экономики и социально-культурных преобразований всех стран участниц проекта, перспективность которого особенно возросла в нынешнем столетии.

Согласно исследованиям Всемирной туристской организации, в настоящее время каждое седьмое рабочее место в мире приходится на туристский сектор. При этом инвестиции на создание одного рабочего места в туризме значительно ниже, чем в других отраслях экономики. В разных странах туризм связан с 52–59 отраслями экономики. В 2010 году рост прибыли в туризме мира составил 7%, а большая ее часть приходилась на страны Азии [1].

По данным Барометра международного туризма ЮНВТО, в 2011 году число международных туристских прибытий возросло более чем на 4% и составило 981 миллион человек. В то же время, согласно экспертному мнению Генерального секретаря ЮНВТО Талеба Рифаи, базирующемуся на долгосрочном прогнозе ЮНВТО «Туризм: Перспектива 2030», «сектор туризма обладает огромным потенциалом роста, и к 2030 году число международных туристских прибытий достигнет 1,8 миллиарда» [2].

Учитывая, что никогда еще такое огромное количество людей не посещало так много мест и не сталкивалось с другими культурами, следует отметить всевозрастающую роль туризма в интеграции различных мировых культур. На усиление интегрирующей роли туристической индустрии указывает и выбор темы Всемирного дня туризма в 2014 году: «Туризм объединяет культуры», что было продиктовано желанием ЮНВТО раскрыть значение туризма в объединении различных мировых культур с помощью путешествий. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в обращении к мировой туристской общественности призвал во время путешествий приобщаться к другим культурам и праздновать людское многообразие, отдавая должное туризму как фактору, способствующему формиро-

ванию толерантного, открытого и единого мира [3].

В этой связи культурное и историческое наследие международного трансконтинентального проекта по возрождению туризма на Великом шелковом пути несет в себе большую геополитический потенциал. Этот проект весьма актуален для Республики Казахстан как связующего звена древнего караванного пути между Европой и Азией.

С момента обретения независимости Казахстаном развитию данного проекта стало уделяться особое внимание. В 1997 году был принят Указ Президента «О реализации декларации Глав тюркоязычных государств, проекта ЮНЕСКО и ВТО по развитию инфраструктуры туризма на Великом шелковом пути в Республике Казахстан». Кроме этого, инициирована Государственная программа «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма», создана Национальная компания «Шелковый путь – Казахстан». За довольно короткие сроки ей удалось отреставрировать значительную часть уникальных архитектурных комплексов, сохранивших в течение веков номадийские традиции тюркоязычных народов. При участии ЮНВТО в 1999 году в г. Алматы проведен первый международный семинар для туроператоров по Шелковому пути, а в 2000 году состоялся Международный фестиваль «Шелковый путь».

Для Казахстана международный проект «Великий шелковый путь» создает условия для установления полноценного диалога между культурами Запада и Востока, поскольку с ним самым тесным образом связан ренессанс искусства, культуры и науки тюркского мира. Это основная причина привлекательности туристского продукта, подкрепленная обилием культурных, исторических объектов, артефактов и памятников истории на древней караванной трассе, таких как «Золотой человек» и наскальные рисунки в урочище Тамгалы, царские захоронения в Береле, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави.

В настоящее время достаточное количество артефактов подтверждают, что Великий шелковый путь, как торговая магистраль, не ограничивался южными областями Казахстана и не был чем-то застывшим. Так, на развитие 16 кимакских городов, расположенных по берегам Иртыша, также повлиял данный экономический маршрут. По караванным дорогам везли не только

драгоценные шелка и камни, пряности и красители, экзотичных южных птиц и зверей. Одним из величайших достижений Шелкового пути стал приход производства бумаги из Китая в тюркские государства. Тюркские мыслители, среди которых Абу Насыр аль Фараби, оставили бесценное наследие для всего мира. Шелковый путь связал узлами дорог родной город философа Отрар и Дамаск.

Взаимодействие и взаимообогащение культур – оседлой и кочевой – явилось основной линией мирового прогресса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения цивилизаций, созданных народами Казахстана и Средней Азии. Так, в VI–III вв. до н.э. на территории Казахстана обитали кочевые и полукочевые племена саков, высокая культура которых известна по раскопкам многочисленных курганных могильников, среди которых Бесшатыр, Иссык, Тегискен, Уйгарак. Естественно, что эти племена не занимали пассивную позицию в развитии Шелкового пути.

Во второй половине VI века большое влияние в этих процессах набирает великая кочевая империя – Тюркский Каганат. Уже в начале VII века известно о нескольких десятках ее городов, наиболее крупными из которых были Суяб, Тараз и город на «Белой реке», позднее названный Испиджаб. В китайских дорожниках VII–VIII вв. и арабских маршрутиках VIII–XII вв. перечислены уже десятки городов, стоящих на Шелковом пути. Шелковый путь, пролежавший через Среднюю Азию, Южный Казахстан и Семиречье, функционировал вплоть до XIV века.

В настоящее время формирование туристской индустрии определено правительством Казахстана в качестве одного из приоритетных секторов экономики в числе семи кластерных инициатив. В государственных и отраслевых программах развитие культурно-познавательного туризма на Великом шелковом пути рассматривается как их важнейшая составляющая. Так, в июне 2008 года на расширенном заседании Общественного совета по реализации программы «Культурное наследие» президент Республики Казахстан дал поручение правительству, министерствам и ведомствам совместными усилиями предусмотреть восстановление исторических, культурных и архитектурных памятников, а на втором этапе реализации этой программы – разработать Генеральный план развития туристской инфраструктуры на казахстанском участке Великого шелкового

пути по транспортному коридору «Западная Европа – Западный Китай».

На наш взгляд, успешная реализация проекта «Великий шелковый путь» будет зависеть от взаимодействия всех заинтересованных организаций и стран-партнеров с Всемирной туристской организацией Объединенных Наций.

В этих целях в Казахстане при поддержке ЮНВТО проведены исследования туристского потенциала страны. В список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в странах Великого шелкового пути включены: в 2003 году – Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави в городе Туркестане в Южно-Казахстанской области, в 2004 году – Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы в Урочище Тамгалы Алматинской области [4]. В настоящее время данная деятельность продолжается, а в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в номинации «Великий шелковый путь» внесен 31 памятник истории и археологии.

Начиная с 2000 года Национальная туристская администрация Казахстана активизировала свое сотрудничество с Всемирной туристской организацией по формированию позитивного туристского имиджа страны, развитию международных туристских связей, проведению совместных мероприятий и продвижению отечественного туристского продукта «Шелковый путь – Казахстан». В период со 2 по 4 сентября 2008 года в г. Алматы проведен III Форум мэров городов «Шелковый Путь» на тему «Новый шелковый путь: от великой традиции к современным стандартам туризма и сотрудничества», в котором приняли участие мэры городов, представители государственных органов и бизнес сообществ из 27 стран, а также руководители международных организаций. Одним из важных обсуждаемых вопросов стало преодоление барьеров на пути развития регионального туризма [6].

В октябре 2009 года в г. Астане была успешно проведена XVIII Сессия Генеральной Ассамблеи Всемирной туристской организации, где были приняты важные политические решения об устойчивом развитии туризма и его потенциальном вкладе, который он способен внести в стабилизацию мировой экономики. Одними из ключевых вопросов, рассматриваемых на Ассамблее, стали «новые инициативы Казахстана по возрождению туризма на Великом шелковом пути» и Астанинская декларация, имеющая важное стратегическое значение не только для Казахстана, но и для мирового туристского сообщества [7].

В настоящее время в рамках Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития устойчивое развитие туризма, создание инфраструктуры и строительство туристских объектов по «Шелковому пути» выделено в отдельный раздел. Все это будет способствовать росту основных показателей внутреннего и международного туризма. По нашему мнению, Шелковый путь является одним из лучших брендов мирового уровня и открывает широкие возможности для туристской деятельности любого государства.

Сегодня Великий шелковый путь превращается в магистраль еще более активных контактов со всеми регионами мира. Поддерживая идею Генеральной Ассамблеи ООН о возрождении древней магистрали как важнейшего инструмента для углубленного сотрудничества в области культуры, науки, торговли и туризма и, конечно, развития взаимопонимания между народами наших стран, Казахстан формирует конкретные проекты развития туристской инфраструктуры. В частности, на ответвлениях казахстанского участка Шелкового пути наиболее перспективными проектами являются:

1. В Алматинской области – создание международного туристского центра «Жана-Иле» на побережье Капшагайского моря, вошедшего в карту прорывных проектов индустриально-инновационного развития страны.

2. В Южно-Казахстанской области планируется развитие привлекательных для туристов культурно-познавательных объектов.

3. В Отрарском районе Южно-Казахстанской области предусмотрено создание этнографического комплекса, историко-культурного музея и парка археологических памятников Отрарского оазиса. В г. Туркестан будут построены «Деревня паломников», гостиницы, школа индустрии гостеприимства, народных промыслов и ремесел, историко-культурные комплексы.

4. В Акмолинской области уже создана свободная экономическая зона и ведется строительство международного туристского центра «Бурабай».

5. На западном ответвлении казахстанского участка Шелкового пути, в Мангыстауской области, на побережье Каспийского моря планируется строительство города нового тысячелетия Актау-Сити. Кроме того, на побережье Каспийского моря запланировано создание междуна-

родного туристского центра «Кендерли». По инициативе Республики Казахстан и с согласия России, Ирана, Азербайджана и Туркменистана прорабатывается вопрос организации международного круиза «Каспий – море дружбы».

Реализация этих проектов предусматривает привлечение десятков миллиардов долларов инвестиций.

В настоящее время в Казахстане действует немало предложений для увлекательных туристских путешествий по древней караванной дороге: маршрут из г. Алматы на космодром Байконур (через Шымкент – городище Отрар – мавзолей Арыстанбаб – г. Туркестан, с посещением мавзолея Ходжи Ахмеда Яссави, городища-крепости Сауран, до г. Кызылорда – мемориал «Коркыт Ата» – г. Байконур, и экскурсия на первую космическую гавань земли – космодром Байконур).

С 2003 года действует специализированный туристский поезд «Жемчужина Шелкового пути», который проходит по территории Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Этот маршрут предполагается довести на западе до Ирана, а на востоке – до Китая. Все перечисленные проекты развития туризма на Шелковом пути пользуются спросом и уже сейчас являются перспективными.

В настоящее время Казахстан имеет все условия для притока иностранных и внутренних инвестиций в развитие туристской индустрии на основе государственного-частного партнерства, поддержки и содействия развитию частных инициатив. Всестороннему обсуждению этих вопросов было посвящено 5-е Международное заседание ЮНВТО по Шелковому пути, проходившее в октябре 2010 года в г. Самарканде (Узбекистан), на котором собрались представители из 25 стран. По итогам заседания в качестве основы для дальнейшего развития туризма на древней исторической трассе был принят «План действий по реализации международного проекта Великий шелковый путь на 2010–2011 гг.» и разработаны рекомендации по совместному участию и сотрудничеству всех стран Шелкового пути для укрепления бренда «Шелковый путь», объединения ресурсов, устранения политических барьеров, упрощения визовых и пограничных формальностей между странами-участницами проекта.

Согласно принятому Плану действий, в рамках Международной туристской выставки «WTM-2010» в Лондоне уже состоялся «Медийный рынок Шелкового пути»,

в котором приняли участие Казахстан, а также страны Средней Азии, Европы, Ближнего Востока и ведущие зарубежные туроператоры.

Сегодня все еще продолжают сохраняться значительные помехи для более тесного экономического сотрудничества в Центрально-Азиатском регионе. Прежде всего, это визовые проблемы. К сожалению, до сегодняшнего дня не выработано единого подхода в вопросе взаимного признания туристских виз для граждан третьих стран, хотя именно решение этой проблемы могло способствовать притоку туристов на Шелковом пути через развитие и популяризацию совместных туристских маршрутов. В целях успешного продвижения проекта по Шелковому пути, считаем необходимым:

Во-первых, обеспечить выполнение рекомендаций Астанинской декларации по Шелковому пути, принятой на XVIII Генеральной Ассамблее ВТО.

Во-вторых, национальным туристским администрациям совместно с мэрами городов рассмотреть предложение о введении единой туристской визы «Шелковый путь», что позволит туристами посещать сразу нескольких стран Великого шелкового пути. Казахстан поддерживает реализацию данного предложения в среднесрочной перспективе, поскольку современный потенциальный турист заинтересован в посещении сразу нескольких стран в рамках туров по Шелковому пути, причем с одной туристской визой сроком до 3-х месяцев, признаваемой в странах посещения.

В-третьих, странам участникам проекта «Шелковый путь» рекомендуется установить единые стандарты сервиса и обслуживания туристов на всех видах транспорта и проживания в гостиницах.

В-четвертых, национальным туристским администрациям предлагается рассмотреть возможность создания единого туристского продукта для стран Великого Шелкового пути.

И наконец, необходимо развивать потенциал привлекательности Шелкового пути, который должен включать в себя:

- реставрацию культурных объектов и исторических памятников на древнем караванном пути;

- развитие искусств и ремесел с целью сохранения богатого культурного наследия стран Шелкового пути;

- разработку, реализацию и продвижение совместных стратегий, программ и маркетинга по успешному продвижению проекта;

– формирование и повышение туристского имиджа стран Центрально-Азиатского региона и СНГ по развитию культурно-познавательного туризма на Великом шелковом пути.

Предпринятые меры помогут местным сообществам в поддержании межкультурного диалога, позволят участвовать в процессах, связанных с открываемыми туризмом возможностями и использованием этих выгод, а следовательно, обеспечат успешную реализацию трансконтинентального проекта ООН, ЮНВТО и ЮНЕСКО по устойчивому развитию туризма на исторической трассе Великого шелкового пути.

1. Вуколов, В.Н. Проблемы туризма в контексте IV Астанинского экономического форума [Текст] / В.Н. Вуколов // Мир путешественников. 2011. № 3 (14). С. 50.

2. Генеральная Ассамблея ЮНВТО [Текст] // Мир путешественников. 2011. № 5 (16). С. 3.

3. Всемирный день туризма 2011: Туризм объединяет культуры [Текст]. URL: <http://wtd.unwto.org/ru/content/vsemirnyi-den-turizma-2011-turizm-obedinyaet-kultury> (дата обращения: 19.12.2014).

4. Объекты всемирного наследия ЮНЕСКО [Текст]. URL: http://orexca.com/rus/world_heritage.shtml (дата обращения: 17.12.2014).

5. Казахстан выдвинул 31 памятник на включение в список ЮНЕСКО [Текст]. URL: <http://news.nur.kz/203792.html> (дата обращения: 10.12.2014).

6. Развитие туризма вдоль Шелкового пути [Текст]. URL: <http://visitkazakhstan.kz/ru/about/125/> (дата обращения: 20.12.2014).

7. Никитинский, Е.С. Развитие туристской индустрии Казахстана [Текст] / Е.С. Никитинский // Сокпак – Тропинка. 2011. № 5 (34). С. 4.

References

1. Vukolov, V.N. (2011) *Mir puteshestviy*, № 3 (14), p. 50 [in Rus].

2. The General Assembly of UNWTO (2011) // *Mir puteshestviy*, № 5 (16), p. 3 [in Rus].

3. World Tourism Day 2011: Tourism Linking Cultures (2014). <http://wtd.unwto.org/ru/content/vsemirnyi-den-turizma-2011-turizm-obedinyaet-kultury> (accessed: 19.12.2014) [in Rus].

4. UNESCO World Heritage Sites (2014). http://orexca.com/rus/world_heritage.shtml (accessed: 17.12.2014) [in Rus].

5. Kazakhstan has put forward 31 monument to be included in the UNESCO list (2014). <http://news.nur.kz/203792.html> (accessed 10.12.2014) [in Rus].

6. *Rasvitiye turizma vdol' Shekkovogo pyti* (2014). <http://visitkazakhstan.kz/ru/about/125/> (accessed: 20.12.2014) [in Rus].

7. Nikitinskiy, E.S. (2011) *Sokpak – Tropinka*, № 5 (34), p. 4 [in Rus].

UDC 338.48

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KAZAKH SECTION OF THE SILK ROAD AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY

Nikitinskiy Evgeniy Sergeevich,
Committee of the Tourism Industry of the Ministry of Tourism and Sport of the Republic of Kazakhstan, Chairman of the Committee, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Astana, the Republic of Kazakhstan.

Mutaliev Lyailya Maratovna,
Kazakh National Technical University named after K.I. Satpayev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Astana, the Republic of Kazakhstan.
E-mail: mutaliev_lyailya@mail.ru

Annotation

The article considers the international project of UNO, UNWTO and UNESCO aimed at the revival of tourism on the Kazakh line section of Silk road. The project is aimed at stable development of tourist recreational resources and tourism industry. The authors unlock the potential and stages of realizing the project, the most prospective realized investment projects. Some recommendations necessary for successful development of tourism industry are given in the context of the project «Silk road».

Key concepts:
tourism,
tourism industry,
stable development,
international project,
Silk road.

УДК 304.442

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ В УПРАВЛЕНИИ: КОМПЛЕМЕНТАРНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Воробьёв Антон Сергеевич,
Челябинский государственный
педагогический университет,
аспирант кафедры
философии и культурологии,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: fatherofraul@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема рефлексии как механизма преодоления затруднений в управленческой деятельности. Раскрывается значение понятия «рефлексивное управление», определяется его пошаговая схема.

Ключевые понятия:

рефлексия,
рефлексивное управление,
комплементарный подход.

Управление в истории общественных отношений зарождается вместе с формированием человека и связано с тем, что природная самоорганизация уже не справлялась с обеспечением совместного выживания людей. Поэтому интерес философии к проблемам управления всегда был повышенным. Проявился он еще в античности и связан, главным образом, с именами Платона и Аристотеля. В дальнейшем проблемы управления были рассмотрены в работах Н. Макиавелли, Т. Гоббса, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера, А.А. Богданова и др.

В современных условиях, в связи с ростом функций управления, необходимость философского осмысления их оснований приобретает особую роль. Например, А. Тихонов утверждает: «Отношения управления пронизывают все уровни общества (социетальный, институциональный, региональный, менеджерально-корпоративный и уровень местного самоуправления) и в этом смысле образуют суперинститут, в деятельность которого вовлечены все активно действующие социальные группы и слои» [7, с. 70].

Исследования в области науки об управлении, зародившейся в середине XIX в., стимулировали появление в середине XX в. метанаук – кибернетики и теории систем. В итоге кибернетика стала предметом собственно философских исследований. Сформировавшийся и активно развивавшийся на протяжении XX в. менеджмент – раздел науки об управлении, изучающий практику управления организациями, – породил к началу XXI в. «философию менеджмента» (например, Л.Г. Голубкова, В.М. Розин, В.С. Диев, В.А. Канке, Р.А. Мирзоян и др.).

Проблема в том, что в кибернетике и теории систем не уделяется должного внимания, на наш взгляд, сущностной характеристике управления, а именно – взаимоотношениям «субъект – объект». Представлять эти взаимоотношения при помощи исключительно логико-математического инструментария, что характерно для кибернетики, значит, существенно ограничивать предмет исследования. Однако и менеджмент, как правило, не ставит перед собой задачу исследовать те аспекты деятельности руководителя, которые непосредственно связаны с его мыслительными (рефлексивными) процедурами. Исходя из этой проблемы, видится необходимость более четкого взаимного позиционирования философии (теории познания) и управления.

Как известно, в 60–70 гг. XX в. появляются концепции рефлексивного управления. Рефлексивное управление – это управленческая деятельность, осуществляемая на основе рефлексии и посредством рефлексии; это, по сути, особый способ организации (управления) интеллектом. Философия управления, кибернетика, менеджмент, социальные науки существенно расширили границы употребления понятия «организация». Под организацией на сегодняшний день понимается, в частности, и система, и структура, и функция управления, и коллектив, и даже индивид. В рамках настоящей статьи мы будем подразумевать под организацией социальную систему функционального типа, условием существования которой является целенаправленная деятельность людей. Воспользуемся для этого определением А.Г. Юдина, приведенным в «Философском энциклопедическом словаре»: «организация – объединение людей, совместно реализующих некую программу или цель, и действующих на основе определенных процедур и правил» [9, с. 429–430].

В отечественной науке наибольший вклад в разработку проблемы рефлексии в управлении внесли представители Московской методологической школы (кружка) (ММК) Г.П. Щедровицкого (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, А.П. Зинченко, И.Н. Семенов, В.С. Швырев и др.) и Новосибирской школы «интеллектики» И.С. Ладенко (С.А. Григорьев, Н.С. Розов, О.А. Донских и др.). Принципиальное расхождение этих школ в методологических ориентирах обусловлено различным истолкованием фундаментальных и прикладных аспектов рефлексии, ее функций в сознании и деятельности, теоретических и практических оснований и т.д., в конечном счете – различным пониманием единства отражения и действия.

Взаимосвязь последних выражается в двух вариантах: по формулам «отражение – действие – отражение», и «действие – отражение – действие».

В исследовательских работах И.С. Ладенко рефлексия определяется как «отражение отражения», т.е. понимается как механизм отражения (сознания, понимания, разумения и т.д.) субъектом управления самого себя как объекта управления; рефлексия при этом понимается как внешний и относительно самостоятельный аспект по отношению к практической деятельности управления [4, с. 54–82].

Рефлексия в работах членов ММК (в первую очередь, Г.П. Щедровицкого) понимается как «действие действия», то есть как особое – практическим образом организуемое – действие, благодаря которому интеллектуальное отражение действия (или деятельности) оборачивается действием отражения. Субъект управления становится для себя субъектом изменений; деятельность рефлексии выступает здесь как внешняя практическая деятельность, по отношению к которой практическая деятельность управления становится «внутренней» [8, с. 64–125].

Субъект рефлексивного управления, в свою очередь, «совпадает» с объектом также по двум вариантам. Во-первых, посредством включения объекта (в качестве средства) в деятельность субъекта («интеллектика» И.С. Ладенко). В этом случае совершается рефлексивное самоуправление. Здесь субъект управления выступает как свободная инстанция, ответственная за самостоятельные и ответственные решения. В этом случае рефлексия выступает внутренним элементом практической деятельности управления.

Во-вторых, субъект совпадает с объектом в качестве объекта практического воздействия, т.е. путем включения субъекта в функциональную область объекта. Подобный вариант актуален в том случае, когда управляемый субъект попадает в критическую ситуацию. Здесь необходимо «разотождествление» и новое «самоопределение» субъекта управления, когда субъект управления выступает для самого себя независимой инстанцией [2, с. 25]. В этом случае оказывается возможным лишь внешнее рефлексивное управление (по варианту Г.П. Щедровицкого).

Чтобы определиться, какая из двух концепций наиболее точно и полно отвечает потребностям конкретной управленческой практики, обратимся к самому термину «управление». В словаре современного русского языка «управлять» означает: 1) направлять ход, движение, руководить действиями кого-чего-нибудь; 2) руководить, направлять деятельность кого-чего-нибудь [6, с. 836]. С точки зрения атрибутивного охвата данного феномена заслуживает внимание толкование управления как функции организованных систем, обеспечивающей сохранение их структуры, поддерживающей установленный режим деятельности и реализующей цели этой деятельности [1, с. 590].

Опираясь на данные определения, мы делаем вывод о том, что рефлексивное управление направлено на построение такого механизма развития, который, осуществляя «рефлексивный выход» (и последующее отражение), в конечном итоге направлен все-таки на практическое действие. Задача управления заключается именно в практическом изменении, идущем вслед за пониманием. Она, таким образом, требует совпадения субъекта и объекта управления по варианту Г.П. Щедровицкого: здесь необходимо ценностное и волевое самоопределение, выступающее основой для проектирования и конструирования собственной деятельности.

Иначе говоря, рефлексивное обращение субъекта и объекта выступает как необходимый (объективный) процесс перехода от задачи понимания процессов развития организации к задаче управления этим развитием. Однако это означает, что сама рефлексия как механизм управления в зависимости от этих двух задач предполагает различную цель, различные средства рефлексивного представления и различные механизмы осуществления [3, с. 232].

В контексте данных разногласий сформировалось новое толкование рефлексии, автором которого является В.А. Лефевр. Его интерес к рефлексии в управлении возник в связи с проблемами автоматизации процессов принятия решений. Таким образом, она была средством моделирования систем управленческой деятельности. Существующие толкования рефлексии для этой цели не подходили. Потребовалось ее переосмысление. Вот как им это осуществлялось. «Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании, – писал он, – это способность встать в позицию «наблюдателя», «исследователя» или «контролера» по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям». Позже такое понимание рефлексии было расширено: «рефлексия – это также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям. Такое понимание рефлексии позволяет построить целостный предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений объектов-исследователей» [5, с. 10].

Принимая во внимание все сказанное, попробуем определить пошагово схему рефлексивного управления. Итак, руково-

дитель, находясь в сфере своей деятельности, выполняет определенные функции, связанные с управлением. В процессе исполнения данных функций он неизбежно сталкивается с затруднениями, что приводит к переходу из сферы деятельности в рефлексивную сферу. Многие управленческие решения директивны и не требуют рефлексии. Однако это относится в полной мере только к объекту управления, но не к субъекту. Руководителю необходимы рефлексивные практики, чтобы преодолеть ставшую привычной субъект-объектную оппозицию. Благодаря этим практикам затруднения исследуются, и, как следствие этого, перестраивается вся картина предшествующей деятельности. Сквозь эту картину начинает «проступать» иная реальность, становятся видны многие существенные факторы, которым не уделялось должного внимания. Внимание «рассеивала» сосредоточенность на прежней деятельности с ее сиюминутными и пошаговыми задачами. Руководитель видит, что помимо достигнутых «внешних» результатов, появились «результаты» иного рода, которые не брали в расчет. Именно эти результаты подвергаются теперь критическому анализу. Это дает возможность изменить существующие нормы жизни организации или предписания к ее деятельности (проект, цель, план деятельности, технологии, методы и т.п.)

Иными словами, рефлексивное управление – это способность видеть любую ситуацию со стороны, понимая ее скрытые причины, и поэтому лучше прогнозировать последствия, управлять ею не напрямую (жестко, директивно), а опосредованно (мягко, комплементарно). Использование рефлексивного подхода позволит успешно моделировать поведение объекта управления, эффективно на него воздействовать за счет более глубокого проникновения в реальность и, как следствие этого, более глубокого понимания сути управленческой деятельности.

1. Бестужев-Лада, И.В. Управление [Текст] / И.В. Бестужев-Лада // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

2. Комаров, С.В. Принципы саморазвития организации: методологический и теоретический анализ [Текст] / С.В. Комаров // Девета Международна научно-приложна конференция «Мениджмънт

на иновациите предприятия, банки, университети»: сборник научни трудове. Варна, 2012. С. 21–28.

3. Комаров, С.В. Рефлексия в рамках интеллектуальной системы управления организацией [Текст] / С.В. Комаров, К.С. Пустовойт // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 4 (42). С. 230–240.

4. Ладенко, И.С. Интеллектуальные системы в целевом управлении [Текст] / И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987. 196 с.

5. Лефевр, В.А. Конфликтующие структуры [Текст] / В.А. Лефевр. М: Сов. радио, 1973. 158 с.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, С.Ю. Шведова / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М: ООО А ТЕМП, 2006. 944 с.

7. Тихонов, А.В. Социология управления [Текст] / А.В. Тихонов. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007. 472 с.

8. Щедровицкий, Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия [Текст] / Г.П. Щедровицкий. М: Наследие ММК, 2005. 800 с.

9. Юдин, А.Г. Организация [Текст] / А.Г. Юдин // Философский энциклопедический словарь / под. ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

References

1. Bestuzhev-Lada I.V. (2001) Upravlenie // *Filosofskij slovar'* / Red. I.T. Frolova. Moscow, Respublika, 719 p. [in Rus].

2. Komarov, S.V. (2012) Principy samorazvitiya organizacii: metodologicheskij i teoreticheskij analiz / S.V. Komarov // Deveta Mezhdunarodna nauchno-prilozhna konferencija «Menidzhment na inovacite predpriyatija, banki, universiteti»: sbornik nauchni трудове. Varna, pp. 21–28 [in Rus].

3. Komarov, S.V., Pustovojt, K.S. (2012) Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo, № 4 (42), pp. 230–240 [in Rus].

4. Ladenko, I.S. (1987) *Intellektual'nye sistemy v celevom upravlenii*. Novosibirsk, Nauka, 196 p. [in Rus].

5. Lefevr, V.A. (1973) *Konfliktujushhie struktury*. Moscow, Sov. Radio, 158 p. [in Rus].

6. Ozhegov, S.I., Shvedova, S.Ju. (2006) *Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij* / RAN. In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow, ООО А ТЕМП, 944 p. [in Rus].

7. Tihonov, A.V. (2007) *Sociologija upravlenija*. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitacija, 472 p. [in Rus].

8. Shhedrovickij, G.P. (2005) *Myshlenie. Ponimanie. Refleksija*. Moscow, Nasledie MMK, 800 p. [in Rus].

9. Judin, A.G. (1983) *Organizacija* // *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* / red. L.F. Il'icheva, P.N. Fedoseeva, S.M. Kovaleva, V.G. Panova. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 840 p. [in Rus].

UDC 304.442

THE ROLE OF REFLECTION IN MANAGEMENT: COMPLEMENTARY APPROACH IN MANAGEMENT ACTIVITY

Vorobyev Anton Sergeevich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Post Graduate Student of the Chair of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: fatherofraul@yandex.ru

Annotation

The article deals with the problems of reflection as a mechanism of overcoming difficulties in management activity. The author defines the term «reflexive management» and its step-by-step scheme.

Key concepts:

reflection, reflexive management, complementary approach.

УДК 30

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНДИКАТОР ПОИСКА СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Загребин Сергей Сергеевич,

Челябинский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, г. Челябинск, Россия.
E-mail: bk.ural@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется текст документа «Основы государственной культурной политики», выявляются базовые положения новой государственной стратегии развития культуры. Автор отмечает основные положения либеральной критики новой культурной политики, приводит аргументы «за» и «против». В статье доказывается, что новая культурная политика отражает национальные интересы России.

Ключевые понятия:

культура, культурная политика, традиционная культура, модернизация.

Проблемы истории и теории культурной политики были рассмотрены автором в ряде историко-культурологических публикаций [2]. В настоящей статье мы постараемся раскрыть сущность современной культурной политики в России и определить векторы общественного развития, намеченные новыми стратегическими приоритетами в культурной политике.

Прежде всего, следует обозначить наше понимание сущности феномена культурной политики. Данный термин имеет различное наполнение в зависимости от предмета исследовательского интереса и специфики конкретного научного дискурса.

В данной статье мы будем ориентироваться на трактовку культурной политики, зафиксированную в новой «культурной доктрине» государства. Определение это звучит следующим образом: «культурная политика» – действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей».

Новый вектор культурной политики

Новая «культурная доктрина» формировалась постепенно, начиная примерно с середины 2000-х гг., и в полной мере проявилась в системном документе: «Основы государственной культурной политики», утверждённом Указом Президента РФ в конце 2014 года [11]. Впервые в официальном документе декларировалось, что государство «возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает её важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [3]. Столь высокий статус, отведённый отечественной культуре, принципиально отличает данный документ от прежних официальных программ и проектов.

Следует напомнить, что в постсоветский период отечественной истории роль культуры в жизни общества существенно изменилась по сравнению с предыдущим периодом. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (в ред. Федерального закона от 23.06.99 № 115 – ФЗ) по-

нятие «культура» вообще отсутствует. В законе фигурируют иные понятия, такие как «культурная деятельность», «культурные ценности» и др. Подобный подход вполне объясним утилитарными установками государства по отношению к культуре. Весьма показательна трактовка в законе одного из ключевых культурологических понятий: «культурные блага – условия и услуги, предоставляемые организациями и другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей». [4. с. 6.] Фактически в законе фиксируется особое отношение к культуре – утилитарно-прагматическое, в отличие от прежнего – ценностно-метафизического. С начала постсоветского периода, культура долгое время трактовалась властью как сфера услуг, а культурная деятельность и культурные институты становились учреждениями, предоставляющими эти «культурные услуги». Подобное отношение к культуре во многом способствовало тому, что культурные институты были вовлечены в систему товарно-денежных отношений, приспособивая художественные задачи к реалиям рыночных отношений. Итогом явилось засилье в социуме массовой коммерческой культуры, снижение культурного уровня населения, деградация многих культурных институтов.

В данном контексте «Основы государственной культурной политики» явились свидетельством стремления власти качественно изменить вектор культурной политики, наполнить саму культурную политику новым содержанием и смыслами. В преамбуле документа прямо сказано, что культурная политика «призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны» [3]. Примечательно, что именно культура провозглашается в качестве национального приоритета и признаётся важнейшим фактором социально-экономического развития общества и государства.

Следует подчеркнуть, что «Основы государственной культурной политики» предусматривают отход от узковедомственного понимания культуры как исключительно сферы деятельности соответствующих учреждений и организаций культуры и искусства. Само понятие «культура» и соответственно – «культурная политика» рассматриваются в предельно широких границах, охватывая всю систему общественных отношений, включая все виды гуманитарной

деятельности, науку и образование, межнациональные и межконфессиональные отношения, информационно-коммуникационную сферу и международные взаимодействия. В сферу влияния культурной политики включаются все виды и результаты творческой деятельности, всё материальное и нематериальное культурное наследие социума. В документе поэтапно раскрывается понимание всего многообразия отечественной культуры, которое объединяется в понятие «культурного наследия» и включает в себя всю совокупность материальных и духовных культурных артефактов, норм и ценностей культуры, начиная от архитектурных памятников и заканчивая укладом жизни и особенностями мировосприятия различных народов, объединённых в пространстве российской культуры.

Важно отметить, что сама культура и культурная политика трактуются в документе антропоцентрично, с аксиологических и нравственно-этических позиций. В документе зафиксировано понимание культуры как средства «передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности», а целью и главным условием эффективности культурной политики называется «формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности», как залога гражданского единства и поступательного развития социума. В данном контексте возрастает воспитательная роль культуры в жизни общества. Реализация культурной политики «направлена на повышение гражданского самосознания, готовности и способности людей к активному участию в процессах общественного развития» [3]. Культурная политика предусматривает, в частности, «возрождение традиций семейного воспитания, преодоление разрыва между поколениями внутри семьи; утверждение в общественном сознании традиционных семейных ценностей, повышение социального статуса семьи; налаживание диалога между поколениями в масштабах общества» [3]. Таким образом, культурная политика призвана сформировать в обществе единую систему нравственных ценностей, единое понимание сущности отечественной истории и культуры. Именно в этом видится залог общественного единства и эффективного поступательного экономического, политического, социального развития российского государства.

В «Основах государственной культурной политики» наиболее существенными вызовами и угрозами гуманитарного раз-

вития страны были отмечены следующие опасные тенденции: «снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России», что в итоге привело к существенной разобщённости российского общества.

С подобными оценками следует согласиться. В постсоветской России неуклонно шёл процесс имущественной стратификации и социальной дифференциации общества. В российском социуме нарушались межпоколенные и межкультурные связи на всех уровнях социальной организации: начиная с семейных и дружеских отношений и заканчивая сферой межнационального и межконфессионального общения. Возникла проблема сохранения преемственности в науке, образовании, культуре, искусстве, промышленном производстве и иных сферах общества. Стала наблюдаться девальвация ценности труда и рабочих профессий, резко упал престиж научной работы, утратилось чувство коллективизма, стали размываться базовые понятия морали. В этих условиях лишь культура, основанная на национальной социокультурной традиции, могла бы стать базисом для укрепления всех формальных и неформальных общественных институций, определяющих генерирование, производство, сохранение и трансляцию во времени и пространстве духовных ценностей. Подобное понимание роли культуры было заложено в новую «культурную доктрину».

Либеральная критика новой культурной политики

«Основы государственной культурной политики» представляются вполне сбалансированным, аналитически выверенным, объективно отражающим реалии современности документом, в котором выработаны стратегические приоритеты не только культурного, но и целостного социально-экономического развития российского общества на ближайшую и отдалённую историческую перспективу. Однако данный документ, наряду с иными стратегическими инициативами власти, вызвал резкую критику со стороны так называемой «либеральной общественности».

Мы оставим за скобками комментарии либеральных журналистов, отличающиеся экспрессивностью и непоследовательностью. В качестве примера либеральной критики новой культурной политики приведём размышления уральского историка и правоведа А.А. Пронина, исследователя, отличающегося широтой и разнообразием научных интересов в сфере отечественной истории, историографии, культурологии и правоведения [5]. Свое видение проблемы А.А. Пронин изложил в отдельной статье [6]. В данной работе автор вполне аргументированно даёт правоведческую оценку «Основ государственной культурной политики» как юридического документа, отмечая, что для получения данным документом силы закона, способного реально регулировать всю систему отношений в сфере культуры, необходима разработка и принятие целого комплекса законодательных и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации в сфере культуры. С данным тезисом нельзя не согласиться.

Надо заметить, что президент РФ, представляя «Основы государственной культурной политики» на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству 24 декабря 2014 года, отмечал, что в перспективе российскому обществу предстоит «вывести культуру на высоту её общественного предназначения..., чтобы она действительно стала естественным регулятором жизни, определяла поведение, поступки людей, влияла на их отношение к своей стране, к семье, к воспитанию детей» [7]. Президент подчеркнул, что в эту работу должно быть вовлечено всё общество, в том числе научные и образовательные организации, творческие союзы, учреждения культуры, органы государственной власти. Результатом такой совместной работы должна стать выработка Стратегии государственной культурной политики, на основе которой, будут разработаны необходимые законы, подзаконные акты и иные нормативно-правовые документы.

Содержательная сторона критики новой культурной политики может быть проиллюстрирована следующими тезисами.

Первый тезис. Новая культурная политика «определяет идейно-нравственное строительство как фундамент возрождения России. Вот только какую идею поставить «во главу угла»?» А.А. Пронин утверждает, что «действительную, не декларируемую поддержку государства сегодня находит то, что направлено на закрепление доминирования интересов государства над интере-

сами человека и общества. Эта тенденция опирается на веками сложившиеся ценности российского народа, в числе которых никогда не было уважения к личности. Единая территория, единая государственная власть, единый язык, единая судьба... сформировали такой духовный уклад, детерминантой которого является антилиберальный тип мышления и поведения... сформировала такой тип человека: человек, передоверяющий свою судьбу, свои ум, честь и совесть партии и государству, человек, лишенный права на свободную инициативу, уверенный, что в государстве от него ничего не зависит, и способный искать виновника своих бедствий (или же наоборот, творца благополучия) лишь в правителе, в государстве, но не в себе. Такое положение вещей именуется патернализмом».

Тезис второй. А.А. Пронин констатирует, что «с социологической точки зрения, мы продолжаем жить в традиционном обществе. Таким обществом в социологии называется родоплеменная патерналистская структура. В таком обществе правят старейшины – авторитетные люди. Традиционное общество не признает прав личности. В чистом виде эту модель мы видим в российской армии и на «зоне», но она воспроизводится на всех уровнях нашего общества».

Названные два тезиса взаимосвязаны и в целом верно отмечают ряд особенностей отечественной истории и культуры, связывая их с приоритетами новой культурной политики, ориентированной на утверждение в российском обществе традиционных культурных ценностей, антилиберальных, по своей сути. При этом либеральная оценка новой культурной политики категорически отрицательна. Попробуем привести ряд контраргументов в защиту новой культурной политики.

Традиционная и антитрадиционная культура как векторы развития

Начнём с небольшого культурологического отступления. Одним из весьма эффективных методов познания культуры является культурная типология. В истории культурологической мысли было выработано большое разнообразие подходов к пониманию сущности культуры и принципов построения культурных типологий [1]. Среди культурных типологий весьма распространёнными являются типологии, имеющие форму дуальных оппозиций: «культура Запада – культура Востока»,

«открытая культура» – «закрытая культура», «культура традиционная» – «культура нетрадиционная».

Исторически все культуры всех народов мира возникают и формируются как традиционные культуры. В дальнейшем культуры развиваются, проходят различные стадии социокультурного становления и генезиса, покидая стадию традиционной культуры, выходят на новый уровень, который принято называть либо «модернистский», либо «современный», то есть «нетрадиционный». Культуры, задержавшиеся в процессе исторического развития, называют «архаичными», или «примитивными», культурами. Таков исторический взгляд на проблему. Культурологический подход несколько иной. В культурологическом дискурсе антиномия «культура традиционная» – «культура нетрадиционная» отражают не столько исторические стадии социокультурного развития, сколько особые модели культуры, не привязанные к конкретным историческим периодам. Рассмотрим эти две модели подробнее.

Культура традиционная. Данная социокультурная модель акцентирует внимание на базовых характеристиках социокультурных отношений. В основе традиционной культуры находится какая-либо сакральная доктрина, как правило, религиозного содержания. Данная доктрина формирует особое пространство «информационной определённости», в котором картина мира каждого индивида сопряжена с коллективными социокультурными представлениями, закреплёнными в традиционной системе нравственных ценностей, определяющих «императивный тип поведения» как отдельной личности, так и общества в целом [9, с. 53, 54]. В традиционной культуре доминируют коллективистские ориентации: личность ощущает свою сопричастность с социальной общностью, в которой видит гарантии своей безопасности, с которой связывает собственные поведенческие стратегии и перспективы развития.

Культура нетрадиционная. По своим основаниям является прямой противоположностью культуре традиционной, поэтому данный тип культуры мы предлагаем именовать «культура антитрадиционная». В данном типе культуры отсутствует какая-либо сакральная идеологическая доктрина. Существуют инструментальные идеологические доктрины, которые могут периодически меняться, трансформироваться в зависимости от политической или социально-экономической конъюнкту-

ры. Изменчивость идеологием продуцирует пространство «информационной неопределённости», размывает границы морали, провоцирует личность выбирать «ситуативный тип поведения», руководствоваться не нравственными нормами, а личной выгодой в конкретной ситуации [10, с. 127–128]. В этих условиях теряется ценность коллективизма и формируется индивидуализм, прагматизм, утилитаризм как доминирующие свойства личности в пространстве социальной системы.

Российское общество и культура всегда были традиционными. В основе российской культурной традиции находится православное христианство. Все модернизационные процессы в российской истории, изменяя институты и технологии, не меняли, по сути, традиционной системы ценностей и смыслов. В данной особенности заключается сила российской государственности, общества, культуры. Причём, будучи традиционной, российская культура оставалась культурой открытого типа, свободной для инноваций и межкультурного диалога.

Серьёзным испытанием для российской культуры явились либеральные реформы 1990-х годов. Постсоветское десятилетие продемонстрировало пагубность либеральной идеологии для отечественного общества и культуры. «Украинский кризис» 2013–2015 гг. обострил комплекс геополитических и экономических проблем, выявил скрытый общественный конфликт, получивший в СМИ обозначение как противостояние «либералов» и «патриотов». Социологические опросы 2014–2015 гг. показали чёткую ориентацию российского общества в своём большинстве на традиционный вектор развития, на сохранение национальной самобытности и независимости.

В данном контексте «Основы государственной культурной политики» воспринимаются как документ, констатирующий и выражающий реальные общественные настроения, как документ, задающий новый вектор социокультурного развития. Основным тезисом документа является утверждение значимости традиционной системы культурных ценностей, уходящих в глубь отечественной истории, опирающихся на традиционные религиозные конфессии, такие как православие, ислам, буддизм, иудаизм. Новая культурная политика направлена на «утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [3].

Таким образом, в культурологическом понимании, традиционная культура является отнюдь не «архаичной», не «примитивной», не «первобытной». Традиционная культура представляет собою особый тип культуры, специфическую форму бытия культуры, которая воспринимается обществом как метафизическая ценность. Культуру, в основе которой находится нравственный императив, воспринимаемый в общественном и индивидуальном сознании как основной регулятор мировосприятия и поведения. Российский вариант традиционной культуры открыт для технологических инноваций и социокультурной интеграции с иными культурами. При этом в отечественной культуре сохраняется неизменной аксиологическое ядро национальной культуры, которое является предметом гордости и попечения обществом и властью. Таковая модель российской традиционной культуры. Сумеет ли социум и власть реализовать эту модель в культурных практиках, в условиях жёсткого внешнего и внутреннего давления со стороны либеральных акторов социокультурного пространства и глобальных катаклизмов, покажет время. По нашему мнению, именно традиционная культура способна сохранить российское общество как благоприятную и комфортную среду для самореализации личности, для раскрытия творческого потенциала каждого человека и каждой социокультурной группы. Традиционный вектор социокультурного развития является единственно возможной стратегией сохранения российского общества и государства как сильных и независимых субъектов международных отношений.

1. Загребин, С.С. Культурология как интегративная наука о культуре [Текст] / С.С. Загребин // Современная теория, философия и методология исследований культуры. Сборник статей. СПб: Эйдос, 2012. С. 113–122.

2. Загребин, С.С. Проблема изучения культурной политики в динамике исторического развития: опыт историко-культурологического анализа [Текст] / С.С. Загребин // Фундаментальные проблемы культурологии / Отв. ред. Д.Л. Спивак. М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. Т. VII.: Культурное многообразие: теории и стратегии. С. 197–204.

3. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47325> – 09.04.2015 (дата обращения: 23.07.2015).

4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Текст] // Законодательство о культуре. Изд. 2-е доп. и пер. М.: Изд-во Ирины Касаткиной, 2011. С. 6.

5. Пронин, А.А. Права человека: аспекты проблемы [Текст] / А.А. Пронин: моногр. Saarbrücken [Deutschland]: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 252 с. и мн. др.

6. Пронин, А.А. Об основах государственной культурной политики Российской Федерации [Текст] / А.А. Пронин, М.Н. Швидко // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 6. С. 121–126.

7. Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству, 24 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: президент.рф/новости/47324 – 07.03.2015 (дата обращения: 23.07.2015).

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/> – 30.06.2015 (дата обращения: 23.07.2015).

9. Уваров, П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса [Текст] / П.Б. Уваров // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. 212 с.

10. Уваров, П.Б. Поведение современного человека. Историко-антропологический этюд [Текст] / П.Б. Уваров // Социум и власть. 2012. № 5. С. 127–130.

11. Утверждены Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. URL: президент.рф/новости/47325 – 07.03.2015. (дата обращения: 23.07.2015).

References

1. Zagrebin, S.S. (2012) Kul'turologija kak integrativnaja nauka o kul'ture // Sovremennaja teorija, filosofija i metodologija issledovanij kul'tury. Sbornik statej. SPb, Jeidos, pp. 113–122 [in Rus].

2. Zagrebin, S.S. (2009) Problema izuchenija kul'turnoj politiki v dinamike istoricheskogo razvitiya: opyt istoriko-kul'turologicheskogo analiza // Fundamentalnye problemy kul'turologii / Otv. red. D.L. Spivak. Moscow, SPb, Novyj hronograf, Jeidos, T. VII. Kul'turnoe mnogoobrazie: teorii i strategii. pp. 197–204 [in Rus].

3. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47325> – 09.04.2015 (accessed: 23.07.2015) [in Rus].

4. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture (2011) // Zakonodatel'stvo o kul'ture. Moscow, Izd-vo Iriny Kasatkinoj, p. 6 [in Rus].

5. Prava cheloveka: aspekty problem (2011) Saarbrücken [Deutschland]: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 252 p. [in Rus].

6. Pronin, A.A., Shvidko, M.N. (2014) Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region, № 6, pp. 121–126 [in Rus].

7. Sovmestnoe zasedanie Gossoвета i Soveta po kul'ture i iskusstvu, 24 dekabrja 2014 goda. Available at: prezident.rf/novosti/47324 – 07.03.2015 (accessed: 23.07.2015) [in Rus].

8. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/> – 30.06.2015 (accessed: 23.07.2015) [in Rus].

9. Uvarov P.B. (2008) Kommunikativnyj format kak matrica istoricheskogo processa // Tradicionnye obshhestva: neizvestnoe proshloe. Cheljabinsk, Izd-vo ChGPU, 212 p. [in Rus].

10. Uvarov, P.B. (2012) Socium i vlast', № 5, pp. 127–130 [in Rus].

11. Utverzhdeny Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki. Available at: prezident.rf/novosti/47325 – 07.03.2015 (accessed: 23.07.2015) [in Rus].

UDC 30

CULTURAL POLICY AS AN INDICATOR OF SEARCHING THE STRATEGY OF SOCIAL DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Zagrebin Sergey Sergeevich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Cultural Worker of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: bk.ural@bk.ru

Annotation

The article analyzes the version of the document «Bases of State Cultural Policy», points out basic ideas of a new state strategy of developing culture. The author specifies the main ideas of liberal criticism of a new cultural policy, gives pros and cons. The author proves that a new cultural policy reflects national interests of Russia.

Key concepts:

culture, cultural policy, traditional culture, modernization.

УДК 130.2:82-145

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Мирошниченко Вадим Сергеевич,

Харьковская государственная
академия культуры,
старший преподаватель кафедры
менеджмента социально-культурной
деятельности,
кандидат культурологии,
г. Харьков, Украина.
E-mail: koda_koda@ukr.net

Аннотация

В статье анализируется эстетическая позиция французского литератора, эссеиста Мишеля Уэльбека в контексте современных интерпретаций философии неовсеединства. Размышление развивается исходя из трех ключевых шагов: о первом приближении; истоки мировоззрения и общие замечания; непосредственное переосмысление. Вывод: позиция М. Уэльбека близка к всеединству, а именно – к философии неовсеединства в ее эстетическом, а не религиозном истолковании.

Ключевые понятия:
первое приближение,
неовсеединство,
культурология всеединства.

Может ли быть философия всеединства *актуальной* стратегией развития культуры XXI ст.? И если может, то каким способом? В ответе на поставленные вопросы стоит обратиться к творчеству современного французского интеллектуала Мишеля Уэльбека. Понятие «актуальность» применяется не в значении «важного сегодня», а как некая необходимость *переосмысления*, что в данных условиях означает переосмысление философского учения, его развитие с учетом изменения культуры. Подавляющее количество современных исследований в области гуманитаристики, так или иначе, носят историко-философский и историко-культурный характер. Как только учение замыкается в истории, в одних и тех же интерпретациях – оно превращается в реликт, в экспонат музея, и погибает. В связи с этим, осуществляется исследование, ставящее своей задачей анализ философии всеединства с неожиданного ракурса – ракурса постсекулярного¹, повлекшего за собой выработку нового подхода (концепции), названного *первое приближение*.

В книге «Враги общества» М. Уэльбек очень осторожно говорит об идее целостности (неовсеединства). Момент говорения – латентен. При первом приближении она (идея) практически не распознается, однако, если рассматривать творчество мыслителя комплексно, то все становится на свои места. Элементы идеи всеединства разбросаны по многим произведениям М. Уэльбека и не составляют единства, завершенной системы. М. Уэльбек подходит к означенной теме иначе: он изображает отсутствие целостности и через это ее необходимость. Возникает *интерпеллятивная* сцепка между целостностью и всеединством, имплицитностью и эксплицитностью, в особенности это артикулируется в романе «Soumission», в котором нет перехода к чистой религиозности, но демонстрируется позиция агностицизма.

Существенно, что М. Уэльбек не относит себя к «человеку Церкви», Бог не является для него Абсолютом. Данное обстоятельство делает его идею целостности (неовсеединства) особенной. По сути, она лишена религиозной компоненты как таковой, то есть личного религиозного опыта М. Уэльбека, но в ней остается место *мистике*, или *единству высшего порядка*. Позицию М. Уэльбека можно назвать – светское/постсекулярное всеединство, всеединство не конца

¹ В своих текстах М. Уэльбек не употребляет понятие «постсекулярность», однако оно отвечает общей логике его повествований.

XIX – нач. XX ст., а принципиально иная идея (неовсеединство) – идея, в которой традиционные компоненты изменяются. Другими словами, в своих произведениях он сосредотачивает интеллектуальные усилия на раскрытии культурного потенциала философии неовсеединства. Речь идет об эстетическом (близком к позиции С. Франка и Х.У. Гумбрехта) восприятии неовсеединства в постсекулярной ситуации.

Размышление будет развиваться последовательно, шаг за шагом: 1-й шаг – о первом приближении; 2-й шаг – истоки мировоззрения и общие замечания; 3-й шаг – непосредственное переосмысление.

Шаг 1. О первом приближении. Эстетическое восприятие целостности (всеединства) близко не только позиции С. Франка и Х.У. Гумбрехта (и М. Хайдеггера), но оно вплотную сопряжено с философией неовсеединства и ее культурологическим срезом – культурологией всеединства (интерпретация всеединства нач. XXI ст.). И в этом контексте первоначальную роль играет концепция «первого приближения». Первое приближение – это интуиция, способность видения предмета/явления во всем его многообразии, для чего нужна настроенность и решимость. Первое приближение следует отличать от предпонимания и концепции герменевтического круга. Согласно Э. Тисельтону, крупному специалисту в области герменевтики, смысл предпонимания (нем. *vorverstandnis*) сводится к тому, что «оно предлагает лишь *первоначальный, переходной* этап к дальнейшему, более точному пониманию. С самого начала оно *предполагает возможность внесения исправлений и изменений*» [3, р. 19]. Перед нами мыслительная цепочка, в которой все элементы взаимосвязаны и составляют единое целое – герменевтический круг. В свою очередь первое приближение не предполагает последующие шаги. В том то и смысл первого приближения, что мыслимый таким способом предмет может иметь недостаточно ясные очертания, сфокусированное внимание – размыто, и это не недостаток, а интуиция, которая не выносит за скобки противоречащие контексты, но сохраняет их. Первое приближение – открыто и изначально. Фокусирование мысли, пусть и не отчетливое, уже дает основу для умозаключений. Буквально «приближение» – снимает дистанцию между *мною* и *предметом/Другим*.

Первое приближение, как метод, применяются при реконструировании эстетической позиции М. Уэльбека в отношении философии неовсеединства, он же приме-

няется и самим М. Уэльбеком (скрыто) в его трудах.

В общих чертах первое приближение работает при анализе, произведенном В. Каплуном в работе «От Ницше к Ницше: об одном пересечении двух философских биографий (Семен Франк и Мишель Фуко)» [2]. Подобное положение дает предпосылки к утверждению, что идейная (также пересечение философских биографий) близость М. Уэльбека и российской религиозной философии/философии всеединства вполне реальна. Другой вопрос, что она имплицитна и самобытна, и это придает ей особое значение/качество – раскрывает эстетическую/постсекулярную грань (нео)всеединства. И в контексте всеединства/неовсеединства данные обстоятельства не абсурдны, но значат собой концепт поиска и описания. Важно подчеркнуть, что в данном случае проводится попытка построения дискурса. Дискурса, который не имеет прямого/явного объединяющего фактора, однако, он сходится при первом приближении. Строго говоря, российская философия всеединства как проект перестала существовать в середине XX ст. (физический уход представителей), но на уровне идей продолжает функционировать – эксплицитно и имплицитно, развиваясь в различных областях бытия, проявляясь, казалось бы, у мыслителей, которые к этому не располагают.

Шаг 2. Истоки мировоззрения и общие замечания. Существенно, что при описании своего творческого пути М. Уэльбек перечисляет мыслителей, стоявших у истоков его мировоззрения: Б. Паскаля, Ш. Бодлера, Ф. Достоевского, Ф. Ницше, Ф. Кафку. Это достаточно неоднозначные мыслители с очень сложным жизненным опытом. Значение обозначенных мыслителей выражается в двух плоскостях: 1) их, включая Ф. Ницше, объединяет поиск (абсолюта (в разных вариантах), целостности) и сложные отношения с религией; 2) в разной степени они оказали влияние на российскую религиозную философию, в том числе и философию всеединства (здесь особо стоит выделить Ф. Достоевского, Ф. Ницше и Б. Паскаля).

Непростые взаимоотношение с религией наблюдаются и у М. Уэльбека: «каждое воскресенье пять или десять минут я верил в Бога, потом выходил из церкви и, оказавшись в сутолоке парижских улиц, мгновенно забывал о нем» [6, р. 145]. Что остановило/удержало М. Уэльбека от принятия крещения и христианской веры, остается доподлинно неизвестным. Сам он не дает точных ответов; лишь отвечая на письмо Б.-А. Леви,

он ссылается на *прикосновение благодати*, снизошедшее на последнего, из чего можно сделать вывод, что его самого благодать не коснулась. Определяя себя атеистом², но не материалистом, М. Уэльбек скептически относится к тезису Ф. Достоевского из романа «Братья Карамазовы» о том, что «если Бога нет, то все дозволено». Согласно его мнению, тезис опровергается категорическим императивом И. Канта и позитивизмом (социологией), да и концепцией любви Платона (отношения между субъектами остаются вне компетенции естественных наук). Не единоразово в своих работах французский литератор констатирует «смерть Бога» на Западе; такое положение не только религии, но и культуры не вызывает у него положительных эмоций. Как быть человеку в сложившейся ситуации? Ответ содержится в положении, согласно которому «ничто не может удерживать нас в этой жизни, кроме чувства долга» [4, р. 67], сострадания. И здесь М. Уэльбек солидаризируется с Ф. Достоевским (и А. Шопенгауэром, что важно), в частности с его мыслью о том, что от носителя любой благородной идеи надо потребовать, чтобы он составил счастье одного отдельно взятого человека.

Шаг 3. Непосредственное переосмысление. Эстетическая позиция М. Уэльбека – своеобразная параллель всеединству российской религиозной философии. Это неявная интерпретация, посредником в которой выступает Ф. Достоевский, а с ним Ф. Ницше и некоторые другие мыслители; эта интерпретация производится преимущественно посредством художественного инструментария. Условия, в которых размышляет М. Уэльбек, существенно отличаются от условий его предшественников, и это обстоятельство важно учитывать. Поэтому переосмысление уместно рассматривать в контексте философии неовсеединства, которая и ставит задачу пересмотра наследия всеединства как в поле гуманитаристики, так и в поле естественных наук (с учетом их особенностей).

Всеединство можно анализировать с различных сторон. В данном случае мысль развивается в эстетической плоскости. Рассуждая о первом приближении, мы упомянули, что эстетическая позиция М. Уэльбека находится в близком соприкосновении с позицией Х.У. Гумбрехта. Расширим границы

этой мысли и добавим, что через Х.У. Гумбрехта она соотносится с пониманием эстетического М. Хайдеггером: «*искусство есть становление и совершение истины*. Так истина возникает, значит, из ничего? Да, на самом деле из ничего, если только «ничто» понимать как простое «нет» и если сущее, которого «нет», представлять как самое обычное, наличествующее сущее» [10, р. 203]. То, что М. Хайдеггер именует искусством, в концепции Х.У. Гумбрехта получает название «явление»: «Явления – то есть внезапного и мимолетного появления чего-то, что (по крайней мере в самый миг своего появления) имеет сущность и форму... Явление означает “появление-как-событие”» [1]. Явление изменяет окружающую действительность, создавая в ней разрывы, причем изменяет спонтанно, неожиданно.

Что же, собственно, означает эстетическая позиция М. Уэльбека? М. Уэльбек не философ, и это создает дополнительные трудности для интерпретации его текстов. Представляется, что в основе эстетической позиции находится событие, и это событие знаменует мыслительную и телесную практику противодействия постсекулярности. Буквально он говорит о том, что человеку необходимо «в себе самом совершить *тихую революцию*, выключившись на миг из информационно-рекламного потока» [8, р. 54], «занять *эстетическую позицию* по отношению к миру» [8, р. 54–55]. Смысл ее состоит в удалении от информационного потока, приостановке приема информации: «замереть в неподвижности на несколько секунд» [8, р. 55]. Человек должен стремиться к абстрагированию – сосредоточиванию на основном и выведении из своего поля всего второстепенного, пусть и не навсегда, а на некоторое время. Иначе говоря, понятия «замереть», «неподвижность» четко отсылают к тому, что Х.У. Гумбрехт назвал *явлением*. Для обоих мыслителей в указанных понятиях важно становление (т.е. время). Некая динамика и одновременно статика характерна и для искусства в понимании М. Уэльбека (и здесь его интерпретация сходится с хайдеггерианской): «Любое искусство, как и любая наука, – это способ коммуникации людей. Очевидно, что эффективность и интенсивность коммуникации снижаются и могут сойти на нет, как только возникает сомнение в истинности

² В последнее время М. Уэльбек кардинально пересмотрел свою позицию в отношении атеизма и сместился в сторону агностицизма, что явно просматривается в романе «*Soumission*» (см. подробнее в моей статье «*Soumission [La Conversion]* Мишеля Уэльбека» [Электронный ресурс] / В.С. Мірошніченко // Літакцент. – 2015. – Режим доступа: <http://litakcent.com/2015/03/24/soumission-la-conversion-mishelja-uelbeka/>).

слов, в искренности выражения» [7, р. 43], и «тенденция к творческому оскудению в искусстве, таким образом, – не что иное, как оборотная сторона характерной для нашего времени невозможности *разговора*» [7, р. 43–44]. Эстетика для М. Уэльбека – феномен целостный, не просто как теоретическое утверждение, но как практический акт (М. Уэльбек – писатель, поэт, эссеист, режиссер, музыкант). Как раз в рамках всеединства целостность искусства получает наиболее точное выражение: «Все «прекрасное», все эстетически воспринимаемое есть *прежде всего* некое сплошное, слитное, проникнутое *внутренним единством* целое» [9, р. 424]. В свою очередь у М. Уэльбека находим слова: «я все более и более убеждаюсь, что в красоте, не связанной с желанием, всегда есть нечто странное» [5]. И для С. Франка, и для М. Уэльбека эстетическое не лишено непостижимого (срез богочеловеческий и человеческий соответственно (намек на антропологический абсолют)) и целостности ((все)единстве).

О целостности М. Уэльбек пишет следующее: «как не хочется отказываться от надежды, что где-то там, неведомо где, существует гармония, единство высшего порядка» [6, р. 263] и далее «есть нечто такое, что больше любого замысла и выше или даже вне моих любовных желаний» [6, р. 263]. Возможно, путь к указанной гармонии лежит через единство науки (которая занимает важное место в романах французского писателя), философии, литературы, если немного сузить оптику, поэзии.

Решимость целостно взглянуть на культуру требует от автора смелости. Ведь целостность – не пустой звук, не симулякр, не выхолощенный знак, а полнота свободы, полнота перекрывающая (старающаяся перекрыть), заполняющая разрывы. Решимость – сшивание. Это означает, что целостность, сама по себе, вмещает, соединяет разнообразие жанров. М. Уэльбек один из современных авторов, который решился выстроить целостность, бытие-в-гармонии, используя разнообразный инструментарий. Отвечая на вопрос французского искусствоведа Жана-Ива Жуанна о том, что объединяет его прозу и поэзию, М. Уэльбек говорил: «прежде всего ощущение, что мир основан на разобщенности, страдании и зле, а еще решимость описать такое положение вещей и, возможно, преодолеть его. Первое, что следует сделать, – это решительно отвергнуть мир, как он есть, а также признать существование понятий «добро» и «зло». Захотеть вникнуть в эти понятия, определить

границы их действия, в том числе и внутри собственного «я»» [4, р. 65–66].

Принимая во внимание устремленность М. Уэльбека к единству, а также его утверждение о том, что «мне трудно отказаться от своего рода *мистики*» [6, р. 263], предположим близость интеллектуала к апофатической традиции (близкой по значению к Ж. Деррида), к утверждению через отрицание. М. Уэльбек отмечал: «Может, настало время и мне сказать: *прости, разум...* Кажется, Ницше, прежде чем окончательно погрузится в потемки безумия, высказал мысль, что в будущем у человека должно быть *два разума* – один для науки, второй для всего остального. К «остальному» он относил также творчество и любовь» [6, р. 262–263]. Точно так же обстоит дело и с апофатикой, апофатикой – не опирающейся на сакральное, а ищущей основание в решимости человека признать одиночество в общении, не замыкаться на своей персоне, но *сострадать*. Сострадание и чувство долга (перед человеком) – важные понятия в творчестве французского интеллектуала, на их основе строится этика и экзистенция человека в условиях ситуации *смерти Бога*: «на ум приходит тревожный вопрос: а что, если вдруг сострадание исчезнет? Думаю, что тогда исчезнет и человечество. Думаю, что исчезновение такого человечества не будет большой потерей. И тогда стоит пожелать появления другого мыслящего существа...» [6, р. 177].

Кода. В строгом смысле, М. Уэльбек не представитель классической философии всеединства. Мнение М. Уэльбека не вполне вписывается в привычное для французов (и европейцев) картезианство. Между тем основная идея его творчества заключается в том, что оно, развиваясь в Западной Европе в конце XX – нач. XXI ст., во время увлечения различного рода экзотическими дискурсами, в эпоху постсекулярности, – утверждает целостность (возврат и построение), следовательно, новый дискурс эстетического (эстетического неовсеединства). И что принципиально важно – на светских началах, и это можно расценивать как *часть*, которая вместе с религией (как пример, вполне реально расценивать позицию Бернара-Анри Леви) составит действенное *единство*.

1. Гумбрехт, Х.У. Форма насилия. Похвальное слово красоте спорта [Электронный ресурс] / Х.У. Гумбрехт. «Неприкосновенный запас» 2004, № 3 (35). URL <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/gu20-pr.html> (дата обращения: 08.09.2015).

2. Каплун, В. От Ницше к Ницше: об одном пересечении двух философских биографий (Семен

Франк и Мишель Фуко) / В. Каплун // Мишель Фуко и Россия: сб. статей. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 146–166.

3. Тисельтон, Э. Герменевтика / Э. Тисельтон [Пер. с англ. О. Розенберг]. Черкассы. : Коллоквиум, 2011. 430 с.

4. Уэльбек, М. Беседа с Жан-Ивом Жуане и Кристофом Дюшатле / М. Уэльбек // Человечество, стадия 2 [Пер. с фр. Н. Кулиш, И. Стаф]. М. : Иностранка, 2011. С. 63–77.

5. Уэльбек, М. Беседа с Сабриной Одрери [Электронный ресурс] / М. Уэльбек // Мир как супермаркет. М. : Ад Маргинем, 1998. 155 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/57315/read> (дата обращения: 08.09.2015).

6. Уэльбек, М. Враги общества / М. Уэльбек, Б.-А. Леви [Пер. с фр. Е. Кожевниковой]. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.

7. Уэльбек, М. Мир как супермаркет и насмешка / М. Уэльбек // Человечество, стадия 2 [Пер. с фр. Н. Кулиш, И. Стаф]. М. : Иностранка, 2011. С. 41–50.

8. Уэльбек, М. Поэзия остановленного движения / М. Уэльбек // Человечество, стадия 2 [Пер. с фр. Н. Кулиш, И. Стаф]. М. : Иностранка, 2011. С. 50–55.

9. Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С.Л. Франк // Сочинения. М.: «Правда», 1990. С. 181–559.

10. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Исток художественного творения [Пер. с нем. А. В. Михайлова]. М.: Академический проект, 2008. С. 77–256.

References

1. Gumbrecht, H.U. (2004) Forma nasilija. Pohval'noe slovo krasote sporta, «Neprikosnovennyj zapas», № 3 (35), URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/gu20-pr.html> (accessed: 08.09.2015) [in Rus].

2. Kaplun, V. (2001) Ot Nicshe k Nicshe: ob odnom peresechenii dnuh filosofskih biografij (Semen Frank i Mishel' Fuko) / Mishel' Fuko i Rossija: sb. statej. SPb.; M.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge: Letnij sad, 2001. pp. 146–166 [in Rus].

3. Tisel'ton, Je. Germenevтика / Je. Tisel'ton [Per. s angl. O. Rozenberg]. Cherkassy: Kollokvium, 2011. 430 p. [in Rus].

4. Ujel'bek, M. Beseda s Zhan-Ivom Zhuane i Kristofom Djushatle // Chelovechestvo, stadija 2 [Per. s fr. N. Kulish, I. Staf]. M.: Inostranka, 2011, pp. 63–77 [in Rus].

5. Ujel'bek, M. (1998) Beseda s Sabrinoy Odreri // Mir kak supermarket. — M. : Ad Marginem, 155 p. URL: <http://lib.rus.ec/b/57315/read> (accessed: 08.09.2015) [in Rus].

6. Ujel'bek, M. (2011) Vragi obshhestva. B.-A. Levi [Per. z fr. E. Kozhevnikovoj]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 320 p. [in Rus].

7. Ujel'bek, M. (2011) Mir kak supermarket i nasmeshka // Chelovechestvo, stadija 2 [Per. s fr. N. Kulish, I. Staf]. M.: Inostranka, pp. 41–50 [in Rus].

8. Ujel'bek, M. (2011) Pojezija ostanovlennogo dvizhenija // Chelovechestvo, stadija 2 [Per. s fr. N. Kulish, I. Staf]. M.: Inostranka, pp. 50–55 [in Rus].

9. Frank, S.L. (1990) Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii // Sochinenija. M.: «Pravda», pp. 181–559 [in Rus].

10. Hajdegger, M. (2008) Istok hudozhestvennogo tvorenija // Istok hudozhestvennogo tvorenija [Per. s nem. A. V. Mihajlova]. M.: Akademicheskij projekt, pp. 77–256 [in Rus].

UDC 130.2:82-145

AESTHETIC STANDING OF MICHEL HOUELLEBECQ IN THE FRAME OF UP-TO-DATE INTERPRETATIONS OF PHILOSOPHY OF ALL-ENCOMPASSING UNITY

Miroshnichenko Vadim Sergeevich,

Kharkov State Academy of Culture,
Senior teacher of the Chair of Management
of Social and Cultural Activity,
Candidate of Cultural Studies,
Kharkov, Ukraine.

E-mail: koda_koda@ukr.net

Annotation

The article analyzes aesthetic standing of French writer, essayist Michel Houellebecq in the context of up-to-date interpretations of philosophy of neo all-encompassing unity. The speculation of the author is based on three key steps: about the first approaching; background of world view and general remarks; direct rethinking. The author makes a conclusion that Michel Houellebecq's standing is close to all-encompassing unity and to be more precise to the philosophy of neo all-encompassing unity and its aesthetic but not religious interpretation.

Key concepts:

first approaching,
neo all-encompassing unity,
cultural studies of all-encompassing unity.

УДК 001.3; 168.5

ДИАЛОГ УЧЁНЫХ И ФИЛОСОФОВ В МНОГОМЕРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Пружинин Борис Исаевич,

главный редактор журнала
«Вопросы философии»,
профессор НИУ «Высшая школа
экономики»,
доктор философских наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: prubor@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу С.В. Борисова «Наука глазами философов» (М., 2015). Дается анализ содержания книги, а также рекомендации по ее использованию в образовательном процессе.

Ключевые понятия:

философия науки,
история науки,
научное знание,
научная методология,
преподавание истории и философии
науки.

В современном образовании происходят существенные изменения форм и методов преподавания философии. Соответственно меняются и требования к учебной литературе. В рецензируемой монографии представлена одна из весьма удачных, на мой взгляд, попыток осмысления тематики современной философии и методологии научного знания в контексте меняющихся стандартов и форм преподавания философских дисциплин. Автор не только предлагает свое видение классических тем и проблем философии науки, не только интересно, по-новому представляет эти темы и проблемы, но и пытается ввести в преподавание новейшую проблематику этой области философского знания.

Главное достоинство книги С.В. Борисова как учебного пособия – диалогическая форма изложения, делающая книгу живой, интересной, и, что принципиально важно, – адекватной содержанию современной философии науки. Такая адекватность – отнюдь не часто встречающаяся характеристика учебной литературы по философии. Как правило, на передний план выступает в ней информативная сторона философского знания – имена, даты, перечень идей. Конечно, знать даты и идеи необходимо любому культурному человеку, тем более магистру и аспиранту. И, замечу, данная книга содержит все эти сведения во вполне достаточном объеме, соответствующем стандартам учебного курса «философия науки». Но сведения – это лишь одна сторона философии. Не менее важно усвоить, точнее, освоить хотя бы элементы философской рефлексии, освоить элементы техники философского самосознания, позволяющего соприкоснуться с экзистенциальным смыслом философской проблематики, приобщиться к философии как неотъемлемой составляющей европейской культуры. А это, как тому учит вся история философии, достижимо только в ходе общения и дискуссий, т.е. в диалогических формах представления философского материала.

Как рецензент, я считаю, что С.В. Борисову удалось педагогически эффективно использовать такие формы изложения в своей книге, что позволяет ему действительно доводить до учащегося экзистенциальный смысл обсуждаемых актуальных философских проблем. Замечу, это особенно важно и сложно делать в учебных курсах по философии науки, где, в силу специфики материала, удельный вес информативной составляющей особенно велик.

Книга включает в себя 4 главы, со-держательное предисловие, не менее со-держательное заключение, а также – темы коллоквиумов, соотносимые с содержи-ем разделов [1, с. 3]. У книги есть подза-головков, очень внятно представляющий ее общую структуру: «Что было? Что есть? Что будет?». Автор начинает с истории классиче-ской науки и движется в своем изложении к современности, приводя и философский, и собственно научный материал (астрономия, физика, биология, данные современных когнитивных наук). При этом в диалогиче-ское обсуждение методов науки включаются рассуждения от имени самих философов и ученых (от Августина Блаженного и Эд-мунда Гуссерля до Томаса Куна и Альбер-та Эйнштейна), что позволяет познакомить читателя с содержанием их оригинальных идей в контексте дискуссий, а не путем су-хого учебного пересказа их позиций. В кни-ге идеи философов и ученых соотносятся между собой, что создает ощущение живой истории познания, усиливаемое портретами ее участников. И подчеркнем, автор не теря-ет из виду дидактические задачи учебного пособия – тексты сопровождаются словар-ными вставками, раскрывающими смысл специальных философских и научных тер-минов. Кроме того, в общие полемические разделы автор вводит названия тем, вполне соответствующих типовым учебным про-граммам по философии науки.

У книги есть еще одно достоинство. Ав-тору удается затронуть, пожалуй, наиболее острые проблемы современного научного познания – особенность, замечу, далеко не частая в учебной литературе. На фоне общефилософских, по сути, гносеологи-ческих проблем, автор дает исторически ориентированное изложение основных понятий философии науки (объект, пред-мет, рациональное, опытное, законы ло-гики, позитивное знание и т.д.) и одно-временно знакомит читателя с основными направлениями философии науки: с ори-гинальными идеями философов и ученых (от философской классики и позитивистов до идей радикального конструктивизма и трансгуманизма). При этом автор обраща-ется не только к идеям и персонажам, тра-диционно относимым к философии науки, но и к идеям философов иных традиций, областей и направлений (Вл. Соловьев, М. Мерло-Понти, Э. Ильенков, А. Бергсон, Ф. Ницше, А. Зиновьев и т.д.), что дела-ет изложение многомерным. В частности, я хочу отметить очень удачное, на мой взгляд, обращение к проблематике «Я»,

идентичности, тела, мозга, позволяющее по-современному представить тему субъ-екта познания в науке [1, с. 277–285].

Вообще, живое изложение и погруже-ние в мир философских дискуссий делает эту книгу серьезным подспорьем в преподавании стандартных курсов философии науки. Это – оригинальный авторский курс, несущий на себе следы авторской позиции. Но при этом работа С.В. Борисова может рассматриваться не только как «методиче-ское пособие» для специалистов, размыш-ляющих над проблемами и направлением развития своих наук, но и как своего рода основа для создания различных спецкур-сов, спецсеминаров, отвечающих особым интересам различных категорий студентов, аспирантов, преподавателей. Рецензируе-мое пособие может весьма успешно вы-полнять роль «книги для чтения» как по общегносеологической проблематике, так и по конкретным проблемам философии и методологии современной науки.

В силу сказанного, я полагаю, что книга С.В. Борисова «Наука глазами философов. Что было? Что есть? Что будет?» может быть рекомендована для использования в каче-стве учебного пособия по курсу «История и философия науки». Она предназначена не только для профессионального научно-го и философского сообщества, но и для студентов, аспирантов, преподавателей, интересующихся проблемами философии и методологии научного знания.

Книга найдет своего читателя, посколь-ку решает проблемы методологического характера, с которыми реально сталкива-ется и ученый, и преподаватель филосо-фии сегодня, а также помогает студентам, аспирантам ориентироваться в массиве философского знания.

Приложение

От автора книги

Несмотря на огромный вклад науки в общественный прогресс, наука, по мысли Иммануила Канта, всегда была заражена двумя болезнями. Имя одной – узость го-ризонта, однобокость мышления, имя дру-гой – отсутствие достойной цели. Поэтому наука нуждается в верховном философ-ском надзоре. Ученый становится своего рода одноглазым чудовищем, если у него отсутствует философский глаз. Это опас-ное уродство, когда человек замыкается в предрассудках какой-либо одной области знаний.

И вот появляется философия науки, призванная стать достойным арбитром в обсуждении и решении многих противоречий и конфликтов науки и общества. Вырастая из узкоспециальных проблем в области эпистемологии, на которые некогда обратили внимание социологи и представители позитивистской, аналитической философии, философия науки может дать действительно широкую и свободную от разных идеологий картину развития науки. Это позволит, наконец, понять происхождение, перспективы, истинные смыслы многих актуальных научных проблем современности, волнующих ученых и определяющих профиль их научной деятельности.

Во многих трактовках науки скрыта внутренняя полемика. Несмотря на огромное значение науки в жизни общества, ее воздействие на уклад современной жизни весьма неоднозначно, что требует переоценки многих научных ценностей, пересмотра многих научных проблем, которые традиционно считались ключевыми. Многие противоречия и конфликты, с которыми сталкивается современное общество, явились порождением слепой веры в научный прогресс, да и сама наука, как социальный институт, давно начала превращаться в набор ритуальных действий, которым следуют некритически, преклоняясь перед былыми заслугами признанных научных авторитетов, повинуюсь парадигмам их научных школ. Все это порождает многочисленные иллюзии по поводу науки и ее актуальных проблем, формирует некритичное отношение к процессу и результатам научного поиска. Нам бы хотелось перевести «внутреннюю» полемику трактовок науки в полемику «внешнюю». Этот прием позволит «вскрыть» многие противоречивые и драматичные моменты развития науки, увидеть ее «изнанку», тщательно скрываемую за красивым и претенциозным фасадом [1, 4–5].

1. Борисов, С.В. Наука глазами философов: Что было? Что есть? Что будет?: учебное пособие. [Текст] / С.В. Борисов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 368 с.

References

1. Borisov, S.V. (2015) *Nauka glazami filosofov: Chto bylo? Chto est'? Chto budet?: uchebnoe posobie*. Moscow, FLINTA: Nauka, pp. 368 [in Rus].

UDC 001.3; 168.5

DIALOGUE BETWEEN SCIENTISTS AND PHILOSOPHERS IN MULTIDIMENSIONAL DESCRIPTION

Pruzhinin Boris Isaevich,

Editor-in-chief of the journal
«Aspects of Philosophy»,
Professor of Scientific Research University
«Higher School of Economics»,
Doctor of Philosophical Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: prubor@mail.ru

Annotation

The article presents the critical review of the book by S.V. Borisov «Science through philosopher's eyes» (M., 2015.) The author analyzes of the content of the book and gives recommendations how to use the book in the educational process.

Key concepts:

philosophy of science,
history of science,
scientific knowledge,
scientific methodology,
teaching history and philosophy of science.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19,100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх–шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в Интернете: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3–6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «Antiplagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.